

Институт археологии Крыма РАН
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Institute of Archaeology of the Crimea
of the Russian Academy of Sciences
History and Archaeology of the Crimea Research Centre
at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University

**ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА**

**Материалы международной
научной конференции,
посвященной 70-летию
Александра Ильича Айбабина**

Симферополь, 10–11 января 2019 г.

**ASPECTS
OF THE HISTORY AND ARCHAEOLOGY
OF MEDIAEVAL CRIMEA**

**Materials of the International Conference
Dedicated to Aleksandr Aibabin's
70th Birthday Anniversary**

Simferopol, 10–11 January 2019

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АНТИКВА

Симферополь
Simferopol
2019

УДК 904(477.75)
ББК 63.3(0)41
П 78

Редактор-составитель: Э. А. Хайрединова
Технический редактор: С. И. Власова
Перевод на английский язык: Н. И. Храпунов

П 78 **Проблемы истории и археологии средневекового Крыма:** материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А. И. Айбабина / ред.-сост. Э. А. Хайрединова. — Симферополь: ООО «Антиква», 2019. — 148 с. : цв. илл.

ISBN 978-5-6041513-7-2

В сборнике публикуются материалы проходившей 10-11 января 2019 г. в г. Симферополе международной научной конференции «Проблемы истории и археологии средневекового Крыма», посвященной 70-летию А. И. Айбабина. В докладах представлены результаты новейших исследований по истории, археологии, нумизматике, сфрагистике и культуре народов Крыма.

УДК 904(477.75)
ББК 63.3(0)41

ISBN 978-5-6041513-7-2

© Коллектив авторов, текст, 2019
© Оформление. ООО «Антиква», 2019

Содержание

<i>Айбабин А. И.</i> Усадьба рыбака в ранневизантийском Боспоре _____	7
<i>Алексеенко Н. А.</i> Печать Алексея Манасиса из крымской коллекции Н. П. Лихачёва _____	17
<i>Антипенко А. В.</i> Элементный состав позднеантичных и раннесредневековых пряжек из Инкермана _____	20
<i>Афиногенов Д. Е.</i> Еще одна версия этимологии названия «Каламита» _____	24
<i>Афиногенова О. Н.</i> Северное и южное Причерноморье в житиях трех святителей эпохи Иконоборчества _____	26
<i>Герцен А. Г., Душенко А. А., Рув В. Л.</i> Вновь открытые наскальные рисунки на городище Кызык-Кулак-кая _____	28
<i>Герцен А. Г., Науменко В. Е.</i> Актуальные задачи изучения исторической периодизации Мангупского городища _____	34
<i>Голофаст Л. А.</i> Комплексы амфор причерноморского типа из Фанагории _____	39
<i>Душенко А. А., Манаев А. Ю.</i> Предварительные результаты археологического исследования Верхореченского могильника в 2018 г. _____	44
<i>Завадская И. А.</i> Строительная керамика как хроноиндикатор (по материалам раскопок средневекового квартала на городище Эски-Кермена) _____	49
<i>Зинько В. Н., Зинько Е. А., Зинько А. В.</i> Боспорский город Тиритака в ранневизантийское время _____	53
<i>Казанский М. М.</i> О поясах с накладными узкими пластинами из могильника Лучистое _____	60
<i>Катюшин А. Е.</i> Разведки южных окрестностей Эски-Кермена в 2018 г. (к вопросу о водоснабжении городища) _____	65

Конкин Д. В. К вопросу о хлебопашестве в Крыму в XV–XVIII вв. _____	69
Лобода А. Ю. Изучение технологии изготовления металлических подвесок из могильника Черная речка _____	72
Ломакина М. А., Ломакин Д. А. Образ Киммерии в творчестве К. Ф. Богаевского _	76
Майко В. В. Языческие элементы салтово-маяцкой культуры Крыма _____	80
Мастыкова А. В. О погребальных конструкциях средневекового могильника Горзувиты _____	84
Прохоров Д. А. Мемуары городского головы Евпатории С. Э. Дувана _____	86
Радочин В. Ю. Предварительные результаты исследования антропологического материала из погребений на плато Эски-Кермен (по результатам раскопок 2018 г.) _____	97
Седикова Л. В. Квартал на участке водохранилища в Херсонесе в поздневизантийский период _____	100
Сейдалиев Э. И. Новое поселение золотоордынского времени в Белогорском районе Республики Крым _____	103
Сидоренко В. А. Первые монеты золотоордынского Крыма: сёгун Тука Тимур _____	105
Степаненко В. П. К структуре византийского пограничья в Крыму _____	111
Тесленко И. Б. Алуштинское городище в X–XI вв. Анализ археологических источников: поливная керамика _____	113
Хайрединова Э. А. Линзовидные подвески VI – первой половины VII в. в костюме крымских готов _____	119
Храпунов И. Н. Через границу. Из Дружного в Лучистое _____	123
Храпунов Н. И. О похождениях спутников Екатерины II в 1787 г. _____	128

Contents

<i>Aibabin A. I.</i> A Fisherman's House in Early Byzantine Bosphoros _____	7
<i>Alekseenko N. A.</i> A Seal of Alexios Manasses from N. P. Likhachev's Crimean Collection _____	17
<i>Antipenko A. V.</i> An Elemental Analysis of Late Antique and Early Mediaeval Buckles from Inkerman _____	20
<i>Afinogenov D. Ye.</i> A New Etymology of the Toponym "Kalamita" _____	24
<i>Afinogenova O. N.</i> The Northern and Southern Black Sea Coasts in Three Lives of Saints from the Iconoclasm Period _____	26
<i>Gertsen A. G., Dushenko A. A., Ruev V. L.</i> A Newly Discovered Rock Paintings in the Ancient Town of Kyzyk-Kulak-kaia _____	28
<i>Gertsen A. G., Naumenko V. E.</i> Topical Tasks for Researches in the Historical Periodisation of the Ancient Town of Mangup _____	34
<i>Golofast L. A.</i> Complexes of the Black Sea Amphorae in Phanagoreia _____	39
<i>Dushenko A. A., Manaev A. Yu.</i> Preliminary Results of 2018 Archaeological Researches at Verkhorech'e Cemetery _____	44
<i>Zavadskaia I. A.</i> Building Ceramic Ware as a Chronological Indicator (According to the Materials Excavated at A Mediaeval Residential Quarter at the Ancient Town of Eski-Kermen) _____	49
<i>Zin'ko V. N., Zin'ko E. A., Zin'ko A. V.</i> The Bosphoran Town of Tyritake in the Early Byzantine Period _____	53
<i>Kazanski M. M.</i> The Belts with Applied Narrow Plaques Excavated in Luchistoe Cemetery _____	60
<i>Katiushin A. E.</i> 2018 Reconnaissance of the Southern Environs of Eski-Kermen (For the Question of Water Supplies to the Ancient City) _____	65

<i>Konkin D. V.</i> On the Problem of Husbandry in the Crimea from the Fifteenth to Eighteenth Century _____	69
<i>Loboda A. Yu.</i> A Study of the Manufacturing Technology of Metal Pendants Excavated in Chernaiia Rechka Cemetery _____	72
<i>Lomakina M. A., Lomakin D. A.</i> The Image of Cimmeria in K. F. Bogaevskii's Works ____	76
<i>Maiko V. V.</i> Pagan Elements of the Saltov-Maiak Culture on the Crimea _____	80
<i>Mastykova A. V.</i> Burial Structures in the Mediaeval Cemetery of Gorzubitai _____	84
<i>Prokhorov D. A.</i> The Memoirs of the Mayor of Evpatoria S. E. Duvan _____	86
<i>Radochin V. Yu.</i> Preliminary Results of Researches of Palaeoanthropological Materials from the Graves in Eski-Kermen Plateau (According to 2018 Excavations) _____	97
<i>Sedikova L. V.</i> A Residential Quarter in the Water Reservoir District of Chersonese in the Late Byzantine Period _____	100
<i>Seidaliev E. I.</i> A New Settlement from the Golden Horde Period in the Belogorsk District of the Republic of the Crimea _____	103
<i>Sidorenko V. A.</i> The First Coins of the Crimea in the Golden Horde Period: Shogun Tuka Temür ____	105
<i>Stepanenko V. P.</i> On the Byzantine Frontier Structure in the Crimea _____	111
<i>Teslenko I. B.</i> The Ancient Town of Alushta in the Tenth and Eleventh Centuries. Analysing Archaeological Sources: Glazed Pottery ____	113
<i>Khairedinova E. A.</i> Lens-Shaped Pendants from the Sixth and the First Half of the Seventh Centuries in the Costume of the Crimean Goths _____	119
<i>Khrapunov I. N.</i> Across the Border: From Druzhnoe to Luichistoe _____	123
<i>Khrapunov N. I.</i> On the Adventures of Catherine II's Retinue in 1787 _____	128

А. И. Айбабин

*Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)*

Усадьба рыбака в ранневизантийском Боспоре¹

Император Юстиниан I присоединил к Византии Боспор и учредил в городе имперскую администрацию [Айбабин 2016, с. 191–192]. В ранневизантийском Боспоре сохранилась традиционная отрасль экономики — рыболовство и переработка рыбы. Рыбаки, очевидно, жили в приморской части города, неподалеку от порта. В 2007–2009 гг. экспедиция под руководством автора статьи раскрыла остатки трех усадеб рыбаков ранневизантийского времени у подножия горы Митридат в Босфорском переулке на участке, выделенном под строительство нового корпуса Керченского музея (рис. 1). В докладе рассматриваются материалы раскопок одной из усадеб, названной в «Отчете» Строительный комплекс (СК)-III.

СК-III (рис. 1–2) выявлен в центральной части раскопа 1. Ориентирован по линии юго-восток – северо-запад. На занимаемом СК-III участке прослежены строительные остатки трех периодов. К ранневизантийскому периоду отнесены остатки прямоугольного помещения и двора, сооруженные в слое темного зольного суглинка.

Помещение 1 (рис. 1–2). Сохранилась северо-западная часть (ширина 4,8 м, длина 5 м), ограниченная стенами 5, 8 и 10. Стены трехслойные, облицованные с двух сторон кладкой из небольших разномерных камней на грязевом растворе и забутованные мелкими камнями.

Строительные остатки и пол перекрывал слой разрушения (цветная вклейка рис. 6), насыщенный глиной, небольшими камнями, камкой, фрагментами черепицы и амфор. В юго-восточной части помещения, среди развала камней и керамики, в слое камки зачищен клад из 38 боспорских статеров Фофорса (285–309 гг.), Рескупорида V (318–337 гг.), деградированных статеров 285–337 гг., рассыпанных на небольшой площади². В слое разрушения также найдены четыре боспорские монеты — деноминированный статер Рескупорида IV (242/243–276/277 гг.) из белого металла выпуска 265–277 гг., медный статер Фофорса

¹ Работа выполнена в рамках базовой части госзадания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

² Выражаю свою признательность В. А. Сидоренко за определение монет.

(285–309 гг.) и два медных деградированных статера 285–337 гг., красноглиняный светильник с изображением меноры с шофаром и лулавом на щитке, сделанный в форме (цветная вклейка рис. 7), лепной миниатюрный светильник, керамические грузила, рог животного со следами обработки, многочисленные обломки оконных стекол и стеклянных сосудов, а также каменные грузила. Многочисленны фрагменты амфор типа LRA-1 Benghazi [Riley 1979, p. 212–215, fig. 41–42], LRA-4 Benghazi [Riley 1979, p. 223] и LRA-10 Benghazi [Riley 1979, p. 229–230], понтийских амфор Антонова V [Антонова и др. 1971, с. 85] и критских Зеест 99/TRC 4 [Зеест 1960, с. 120; Portale, Romeo 2001, p. 306–307; Смокотина 2014, с. 72]. Из 29 фрагментов восстановлена археологически целая критская амфора типа TRC 6 [Portale, Romeo 2001, p. 308, tav. LIV,a,b; Смокотина 2018, с. 273, рис. 8,1] с валикообразным венчиком с коротким цилиндрическим слегка «пухлым» горлом, двумя овальными ручками, желобчатым вытянутым туловом (рис. 3,4; цветная вклейка рис. 6). Среди краснолаковой керамики преобладают фрагменты наиболее популярных мисок форм LRC / PhRS (формы 3 E, F) по Дж. Хейсу, отнесенные к первой половине VI в. [Hayes 1972, p. 333–338].

Под слоем разрушения зачищены остатки стен и утопанный земляной пол, подмазанный глиной.

Стена 5. Сложена на цоколе более ранней стены впритык к стене 8. Сохранились от одного до четырех рядов кладки. Общая длина зачищенной части 8,6 м, длина до стыка со стеной 8 5 м, ширина 0,8 м, высота от 0,72 до 1,19 м.

Стена 8. Раскрыты три участка (общая длина сохранившейся части 4 м, ширина 0,5 м, высота до 1,15 м). В облицовочной кладке использованы каменное грузило и обломок архитектурной детали.

Стена 10. На протяжении 7,46 м прослежены три участка фундамента стены (ширина 0,7 м, высота до 1,10 м). Сохранились один–два ряда кладки. Рядом с фундаментом зачищено большое пятно сырца. Вероятно, верхняя часть стены была сырцовой.

При зачистке стены 10 найдены два медных боспорских статера (Фофорса выпуска 591 г. б.э. (294/295 гг.) и деградированный статер 285–337 гг.), фрагменты краснолакового светильника и миниатюрного лепного светильника, железный гвоздь, а также небольшое количество фрагментов амфор типа С по Шелову, типов 72, 76, 77, 83–89, 90, 96–97 по Зеест, критских TRC 4, понтийских амфор Антонова V, LRA-1, LRA-2, LRA-4 Benghazi, обломки венчиков краснолаковых мисок. Из 11 фрагментов восстановлена археологически целая лепная воронка усеченно-конической формы, с пальцевыми вдавлениями по подпрямоугольному верхнему краю (рис. 3,3).

В северо-восточном углу помещения была зачищена печь 1 (рис. 4; цветная вклейка рис. 8), сооруженная впритык к внутренней стороне стены 8. Печь состоит из двух прямоугольных в плане частей: из топоч-

ной с закругленными углами со стенами из обожженной глины и тремя столбиками для поддержания глиняной плиты (длина 1,4 м, ширина 1 м, высота 1,25 м) и со стенами из хорошо обтесанных плит. Пространство между плитами заложено шестнадцатью каменными якорями для рыболовных сетей и необработанными камнями. Топочная часть была заполнена золой. В глиняной обмазке юго-западной стенки найден лепной горшок.

При разборке печи встречены малочисленные фрагменты амфор типа 83 по Зеест, 100 по Зеест [Зеест 1960, с. 120, табл. XXIX,100] или синопской типа C Snp I [Смокотина 2018, с. 265], типа LRA-1 Benghazi, класса 1 по ХК-95 [Романчук и др. 1995, с. 16, табл. 2; 3,4–5], лепных кухонных и простых столовых сосудов.

По конструкции описанная печь аналогична раскопанной в Илурате.

В углу, образованном стеной 8 и юго-западной стенкой печи раскрыты круглые ямы 4 и 5.

Яма 4 (рис. 1–2) (диаметр 0,7 м, глубина 0,46 м) заполнена рыхлым темным грунтом, содержащим древесные угли. В грунте найдены бронзовый перстень, обломок железных гвоздя и стержней, фрагмент керамического грузила, а также немногочисленные обломки керамики, в том числе амфор типов 82–89 по Зеест, критских типа TRC 4, понтийских типа Антонова V, типа LRA-1 Benghazi, обломок тулова лепного горшка из коричневой глины с серой сердцевинной, с венчиком с подпрямоугольным краем, плоской с глубоким желобком ручкой от середины цилиндрического горла.

Яма 5 (рис. 1–2) (диаметр 0,73 м, глубина 0,46 м) заполнена рыхлым темным грунтом, содержащим древесные угли. Из грунта извлекли боспорский медный деградированный статер 285–337 гг., фрагменты бронзовой рифленой пластины, фрагменты амфор типов 61, 82–89 по Зеест, синопских типа C Snp I, критских типа TRC 4, понтийских типа Антонова V, класса 2 по ХК-95 [Романчук и др. 1995, с. 19, табл. 2,4], типа LRA-1 Benghazi, в том числе две стенки с остатками дипинти красной краской.

У внутренней стороны стены 10 зачищены остатки каменного прессы (рис. 1–2; 5), состоявшего из основания (длина 1,2 м, ширина 0,5 м, высота 1,18 м), сложенного из камней на растворе из цемьянки, и вмурованной в него плоской плитой с овальным вырезом. В конструкции использованы обработанные камни и обломок надгробия из ракушечника. Рядом с прессом среди камней лежали череп животного, керамическое грузило (рис. 3,1) и лепной светильник (рис. 3,2). При разборке остатков комплекса обнаружен медный боспорский статер Рескупорида V (318–337 гг.), выпущенный в 623 г. б.э. (326/327 г.).

Рядом с прессом зачищен участок пола, подмазанного глиняным раствором, и выявлены две небольшие круглые ямы 10 и 11 диаметром 0,2 м, глубина 0,1 м. Между ямами на полу найден фрагмент дна

на низком кольцевом поддоне красноглиняной миски LRC / PhRS form 3 с клеймом в виде простого двойного креста мотива 71 группы III, датирующегося Дж. Хейсом концом V – началом VI вв. [Hayes 1972, p. 329, 365, fig. 79,71; Смокотина 2009, с. 143, рис. 5,25а] и, вероятно, распространённого также и в более позднее время. Здесь же обнаружены фрагменты краснолаковой керамики LRC / PhRS form 3C/E, 3F, часть клейма мотива 69/70 (?) группы IIА или III по Дж. Хейсу, изготовлявшиеся в первой половине VI в. [Hayes 1972, p. 329–337, 365, fig. 78,69; 79,70; Смокотина 2009, с. 149, рис. 10,49а] и в более поздний период.

Двор (рис. 1–2) (ширина 4,8 м, длина 5 м). Сохранилась часть его стен 5, 8, 9 и 10. Цоколи и нижние ряды кладки стен трехслойные, облицованы с двух сторон кладкой из небольших разномерных камней на грязевом растворе и забутованы мелкими камнями.

Стена 9. На протяжении 3,3 м прослежены два ее участка с одним–двумя рядами кладки (ширина 0,6 м, высота до 0,5 м). При зачистке стены 9 найдены фрагменты амфор типов 83–84 по Зеест, понтийских типа Антонова V, класса 2 по ХК-95 и фрагменты венчиков краснолаковых сосудов LRC / PhRS формы 3В по Дж. Хейсу второй половины V в. [Hayes 1972, p. 329–333, 337].

В восточной части двора зачищены овальные хозяйственные ямы 8 и 13.

Яма 8 (рис. 1–2) выкопана в темно-сером суглинке (длина 1,15 м, ширина 0,88 м, глубина 0,43 м). В заполнении найдены фрагменты амфор типов 72, 82–89, 84 по Зеест, типа LRA-1 Benghazi, класса 2 по ХК-95. Из 26 фрагментов восстановлено горло синопской амфоры V в. типа C Snp I [Смокотина 2018, с. 265] с двучастным венчиком, двумя овальными с ребром ручками и остатками дипинти красной краской на плечиках.

Яма 13 (рис. 1–2) выкопана в темно-сером суглинке (длина 1 м, ширина 0,8 м, глубина 0,45 м). В заполнении найдены фрагменты амфор типа 72, 76, 77, 82–89, 83, 84, 90 по Зеест, критских типа TRC 4 и синопских типа C Snp I.

На полу двора в 0,4 м от стены 10 зачищено пятно с остатками рыбных костей (размеры 1,2x0,6 м). Среди рыбных костей собраны немногочисленные фрагменты амфор типов 72, 83, 84, 96–97 по Зеест, класса 1 по ХК-95, а также один фрагмент «понтийского» краснолакового сосуда римского времени.

О времени гибели СК-III сложно судить по керамике из описанных выше помещения, территории двора и ям. В состав комплексов керамики из СК-III наряду с керамикой позднеимперского периода входят как привозившиеся на Боспор в VI в. амфоры TRC 4, Антонова V, LRA-1, LRA-2, LRA-4 и LRA-10 Benghazi, так и амфоры классов 1 и 2 по ХК-95, характерные в Херсонесе для слоев второй половины VI – VII вв. [Романчук и др. 1995, с. 16, 19]. Как показали раскопки в Кечи в Кооперативном переулке, боспорцы использовали амфоры LRA-1 и LRA-10 до середины VII в. [Айбабин 2013, с. 284].

В начале VII в. в слое, образовавшемся в результате разрушения публикуемого дома рыбака и других исследованных в 2007–2008 гг. в Босфорском переулке синхронных построек, создали новый участок городского некрополя с грунтовыми и плитовыми могилами [Айбабин, Хайрединова 2015, с. 354]. Скорее всего, усадьбы рыбаков ранневизантийского периода погибли в результате вторжения тюрков в 576 г. [Айбабин 1999, с. 134–137]. В пользу этой даты гибели рыбацкого предместья города Боспора свидетельствует комплекс керамики второй половины VI в. из ямы № 3 (цветная вклейка рис. 9), зачищенной в западном борту раскопа [Смокотина 2008, с. 123, рис. 1–18].

Литература

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999.
2. Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2013. Вып. XVIII.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Плитовые могилы с высеченными крестами из раннесредневекового некрополя Боспора // Боспорские исследования. 2015. Вып. XXXI.
4. Айбабин А.И. Византийские порты в Крыму в IV–VII вв. // Боспорские исследования. 2016. Вып. XXXIII. С. 186–209.
5. Антонова И.А., Даниленко В.Н., Иваишута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. 1971. Вып. 7. С. 81–107.
6. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. № 83.
7. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
8. Смокотина А.В. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2008. Вып. XIV.
9. Смокотина А.В. Штампы на ранневизантийской краснолаковой керамике из раскопок г. Боспора // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2009. Вып. XV.
10. Смокотина А.В. Амфоры LRA 1 на Боспоре // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2014. Вып. XIX.
11. Смокотина А.В. Импорт товаров в амфорах и краснолаковой керамике на Боспор в конце IV — первой половине VII вв. // Stratum plus. 2018. № 4. С. 263–269.
12. Hayes J.W. Late Roman Pottery. London, 1972.
13. Portale E.C., Romeo I. Contenitori da Trasporto // Gortina. V.3. Lo scavo del pretorio (1989–1995). Padova, 2001. T. I.
14. Riley J.A. The Coarse Pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice). Tripoli, 1979. Vol. II.

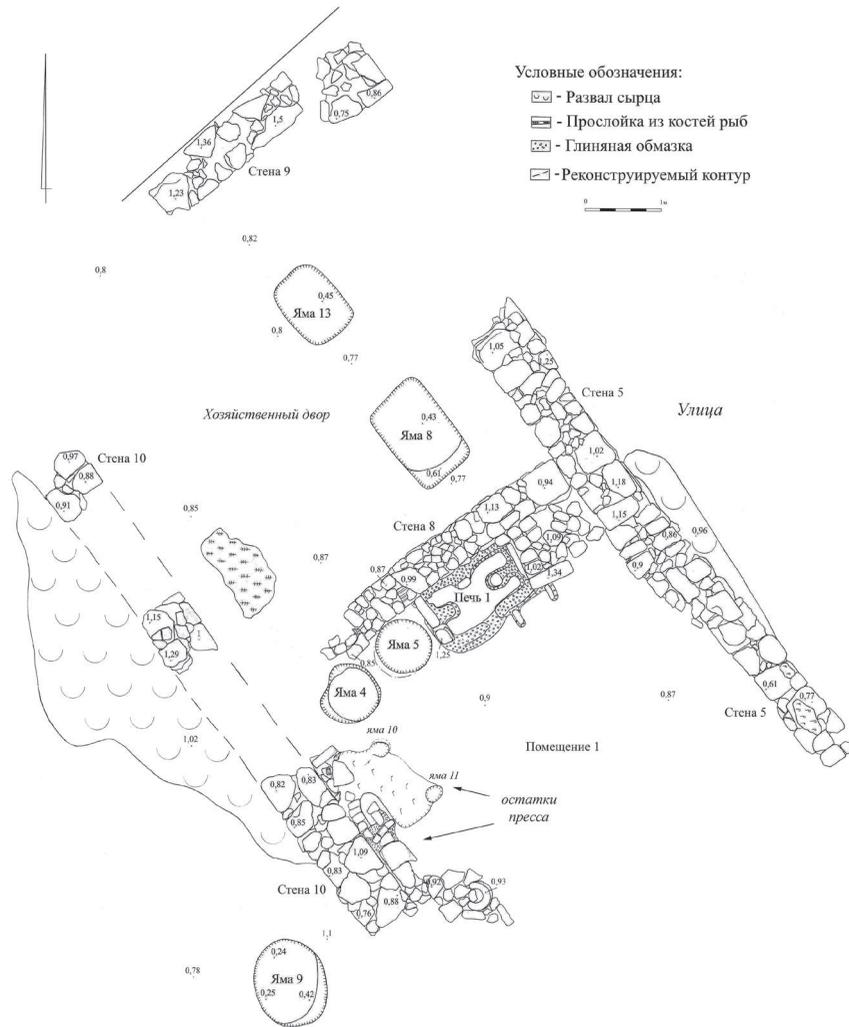

Рис. 1. Керчь, раскопки 2007 г. в Босфороском переулке. План усадьбы рыбака (СК-III)

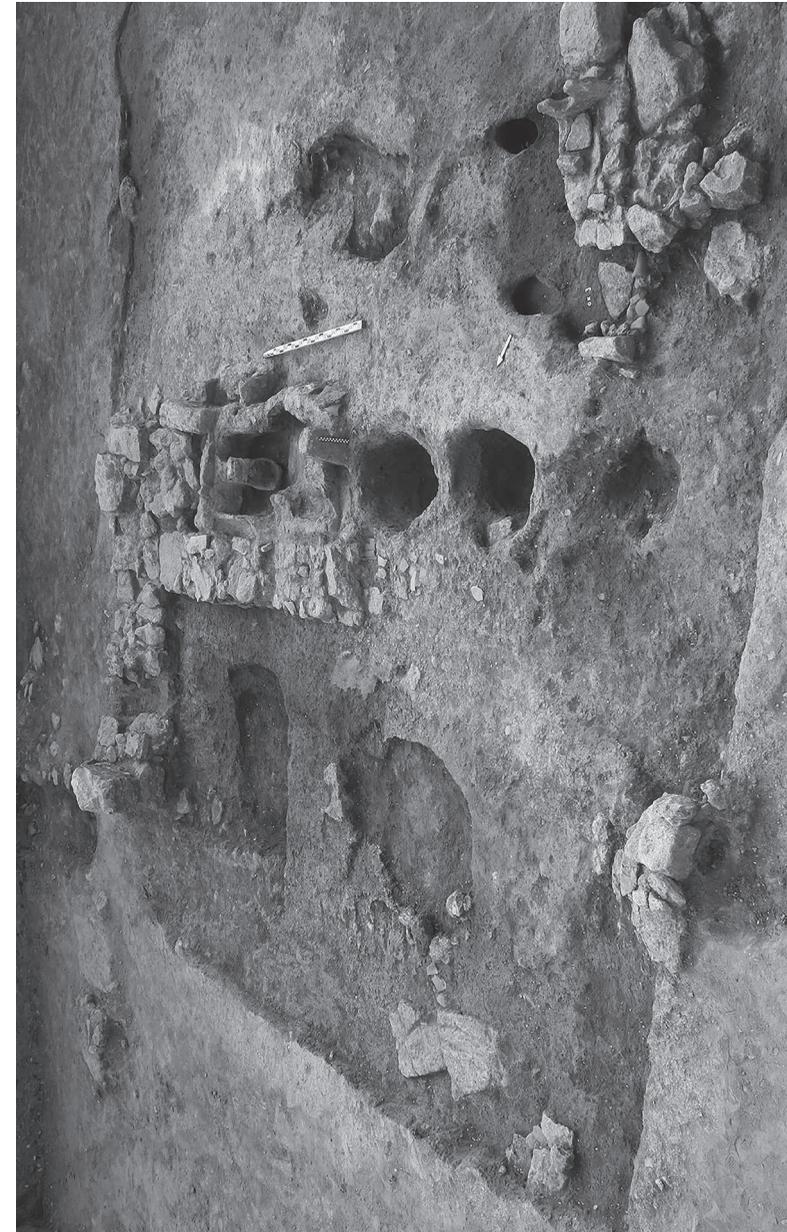

Рис. 2. Усадьба рыбака (СК-III)

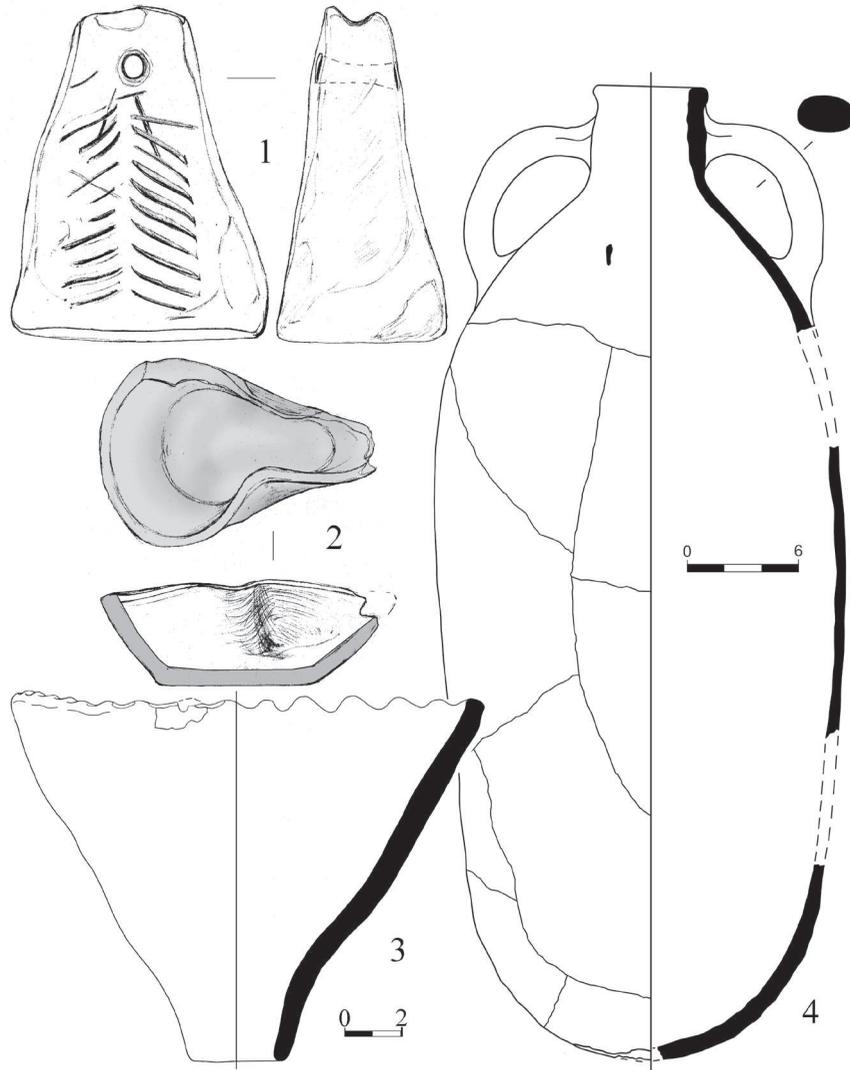

Рис. 3. Находки из СК-III: глиняные грузило (1), светильник (2), воронка (3) и критская амфора типа Зеест 98 или TRC 6 (4)

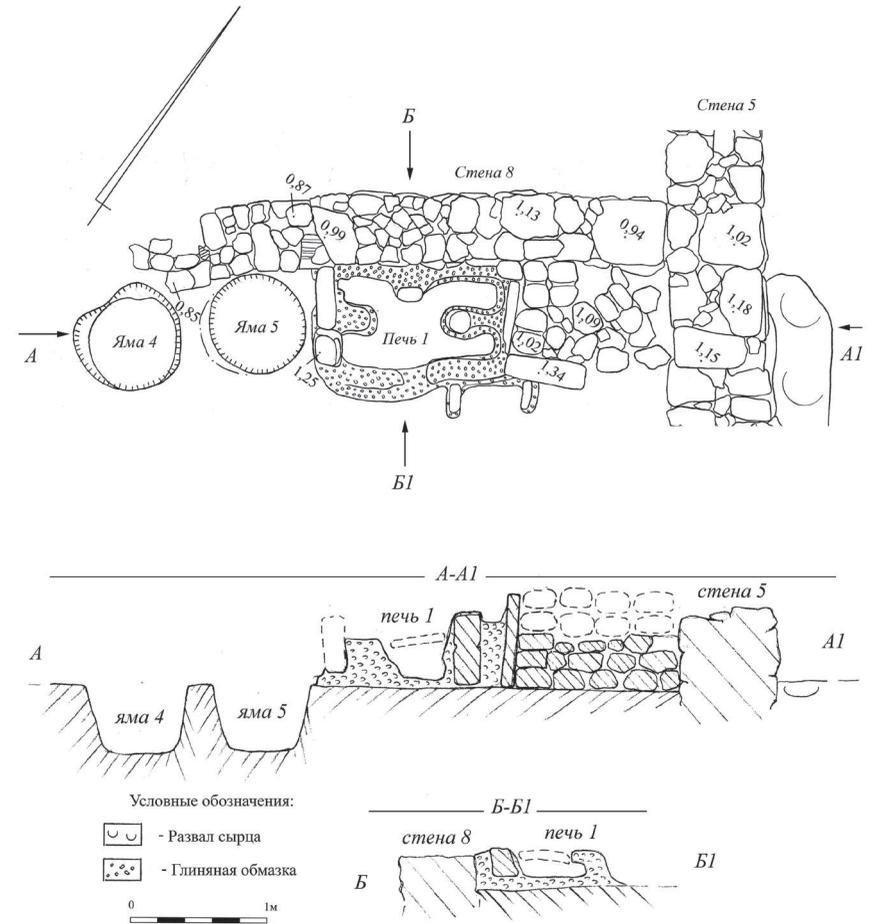

Рис. 4. Помещение 1. План печи и разрез к плану

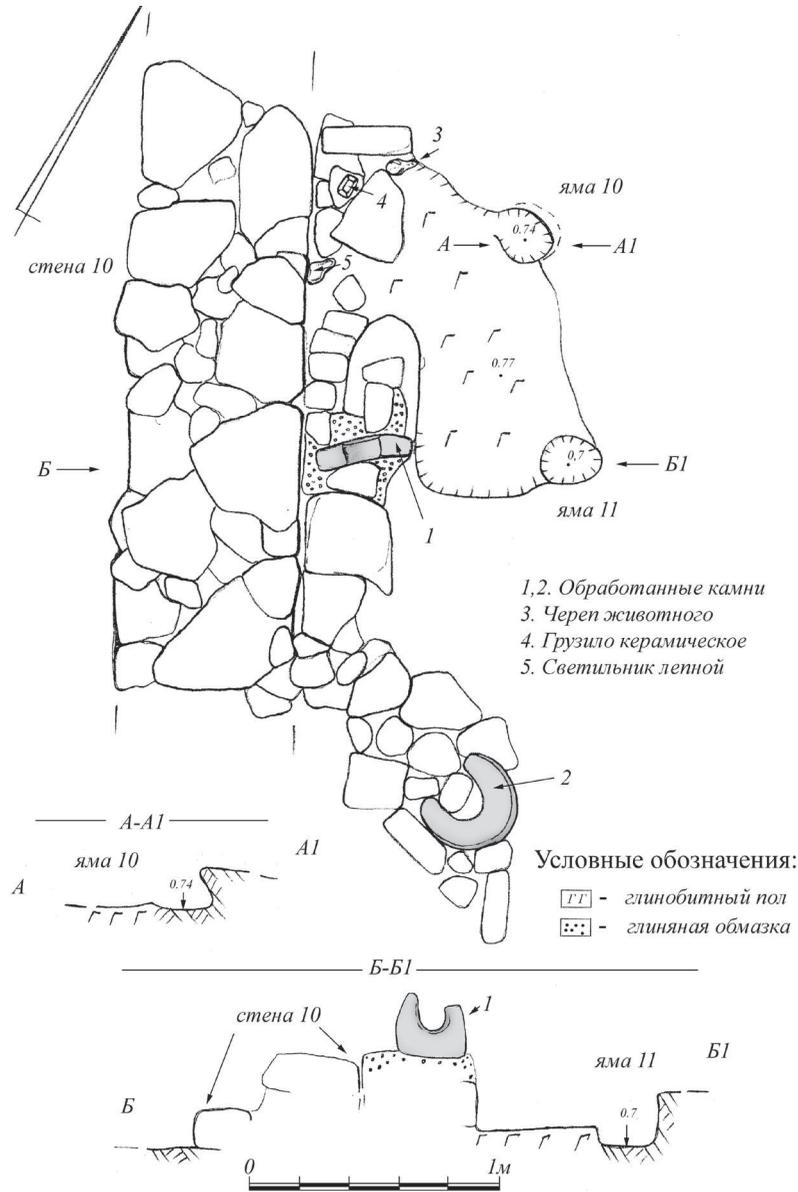

Рис. 5. Помещение 1. Давильный пресс

Н. А. Алексеенко

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Печать Алексея Манасиса из крымской коллекции Н. П. Лихачёва

С именем выдающегося ученого академика Н. П. Лихачёва связано множество ярких страниц в разных отраслях исторической науки, но основным предметом его исследований все-таки стала византийская сфрагистика. Одной из главных тем, интересовавших Н. П. Лихачёва, были исследования, связанные с находками моливдулов в Крыму. Понимая ценность и важность данных о происхождении той или иной находки, ученый делал специальные пометки в своей картотеке, чтобы сохранить информацию для дальнейших исследований.

Одной из таких находок хотелось бы сегодня уделить внимание. Печать (рис. 1) была приобретена Н. П. Лихачёвым в Севастополе, и, вероятно, происходит из находок в византийском Херсоне. Она принадлежит к группе наиболее поздних печатей, происходящих с территории средневековой Таврики и, на наш взгляд, обладает важной и ценной информацией. Учитывая повышенный интерес именно к этой категории находок в связи с практическим отсутствием данных о византийском присутствии на полуострове в XII–XIII вв. и взаимоотношениях Таврики с Империей, появление новых свидетельств о контактах местных функционеров с центром имеет для нас особое значение.

На лицевой стороне печати изображена анфас фигура архангела Михаила с распростертыми крыльями, одетого в доспехи. Над головой архангела жемчужный нимб, в правой руке, оперев на плечо, он держит поднятый вверх обнаженный меч; левой – у пояса придерживает его ножны. По сторонам фигуры надпись в столбик: слева — [Χ]|[Α]Ρ; справа — |Χ|ῥ| — [Α]ρ[χ(άγγελος) Μ[ι]χ(αήλ) — Архангел Михаил.

На реверсе начертана семистрочная метрическая надпись (первая строка сильно повреждена и частично вышла за поле печати):

Φύλαξ γραφῶν γένοικ τῶν Ἀλεξίου τοῦ Μανασσή, πρῶτιστε ταυμάτων νόων —

«Страж писаний Алексея из рода Манасисов, первейший в воинстве признанный».

Сфрагистический тип и характерные эпиграфические особенности использованного шрифта дают все основания отнести моливдулу

.ΘΥΛΑ...
 ΦΩΙΓΕΙΟΙΣ
 ΤΩΙΑΛΕ·ΣΙΟΥ
 ΤΟΥΝΑΙΑΣΗ
 ΠΡΩΤΙΕΤΑΓ
 ΜΑΤΩΙΙΙΟ
 ΩΙ

Θύλα[ξ γρα]
 φῶν γένοι[ς]
 τῶν Ἀλεξίου
 τοῦ Μανασ(σ)ῆ
 πρῶτιστε ταυ
 μάτων νό
 ων

к памятникам не ранее XII–XIII столетия. В первую очередь, об этом свидетельствует наличие в легенде особых начертаний литер, встречающиеся лишь на печатах XIII–XIV вв. — прямоугольной мю (Ϡ), ретроградной ню (ι), сигмавидной кси (ξ), стигмы (Ϝ) и петлевидной омеги с короткой средней гаской [см.: Oikonomides 1986, p. 167–169].

Тип изображения фигуры архангела Михаила с обнаженным мечом, получивший название Михаила Хониата по представленному на моливдовулах эпитету [Laurent 1981, p. 504–505, nr. 937–938, pl. 36], также предполагает достаточно позднюю датировку. Такое изображение, например, известно на одном из типов моливдовулов императора Андроника II Палеолога (1282–1295) и ряде булл византийских сановников XIII столетия [Campagnolo-Pothitou, Cheynet 2016, p. 38, 79, 225, 246, 351, 376, nr. 21, 60, 199, 217, 310, 334]. В то же время такой тип образа архангела Михаила известен и во второй половине XI в. Самыми ранними печатами с таким изображением, на сегодняшний день, можно считать буллы Великого доместика схол Востока Иоанна (вторая половина XI в.) [Laurent 1981, p. 504–505, nr. 937–938, pl. 36] и архонта и дуки Таматархи и всей Хазарии Олега Михаила (1084–1094) [Al'orov 2015, p. 97–104, fig. 1, 2].

К сожалению, владелец нашей печати — Алексей Манасис не известен по другим источникам. Отсутствие указаний на его титулатуру не позволяет с уверенностью говорить о каком-либо его социальном

статусе. В то же время известно, что в эпоху Никейской империи представители рода Манасисов, в основном, были служителями церкви [Laurent 1962, p. 199, note 1–2]. Тем не менее, В. Лоран при публикации аналогичного моливдовула из собрания Ватикана отмечал, что «однако тот факт, что архангел представлен не по обычаю имперского облика (в воинских доспехах или императорском дивитисии с лором – Н.А.), а в сражении – с обнаженным мечом, предполагает, что владелец печати скорее сделал карьеру в армии» [Laurent 1962, p. 199].

Безусловно, изображение Михаила Хониата не дает оснований считать Алексея Манасиса представителем византийских военных. Однако напомним, что именно это изображение выбирает для одного из своих моливдовулов и император Андроник II Палеолог, и Великий доместик схол Востока Иоанн.

В пользу светского статуса Алексея Манасиса в определенном смысле может свидетельствовать не только сфрагистический тип моливдовула, но и надпись оборотной стороны. Не исключено, что последняя фраза легенды моливдовула «πρῶτιστε ταυμάτων νόων — первейшим в воинстве признанный» могла быть адресована не только небесному патрону владельца печати, но и самому собственнику буллы.

Высокорельефное, детализированное изображение архангела и четкий, аккуратно выдержанный шрифт печати, вне всякого сомнения, говорит, что это работа квалифицированного столичного мастера-гравера. По стилистическим особенностям моливдовул очень близок буллам высокопоставленных византийских сановников и военачальников, и, очевидно, таковым и является.

Несмотря на то, что собственник печати не отразил на ней свою титулатуру, так или иначе, появление рассматриваемого моливдовула на крымской земле, безусловно, связано с сохранением традиционных связей и контактов местных функционеров с представителями византийских аристократических кругов и в XIII столетии.

Литература

1. Al'orov O. A Seal of Michael, Archon and Doux of Matarcha and All Khazaria (in Oleksii Sheremetiev's Collection) // Byzantine and Rus' Seals. Proceeding of the International Colloquim on Rus'-Byzantine Sigillography (Kyiv, Ukraine, 13–16 September 2013) / Ed. H. Ivakin, N. Khrapunov, W. Seibt. Kyiv, 2015. P. 97–104.
2. Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-Cl. Sceaux de la collection George Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève. Genève, 2016.
3. Laurent V. Les sceaux byzantins du Médaillier Vatican. Cité du Vatican, 1962.
4. Laurent V. Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin II: L'administration. Paris, 1981.
5. Oikonomides N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Washington, 1986.

А. В. Антипенко

Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Элементный состав позднеантичных и раннесредневековых пряжек из Инкермана¹

Могильник Инкерман открыт в 1940 г. в ходе строительных работ на правом берегу р. Черной, после чего сотрудниками Херсонесского музея и Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (далее – БИКАМЗ) на территории обнаруженного памятника были раскопаны земляной склеп и ямная могила [Стржелецкий 1947, с. 283]. В 1941 г. БИКАМЗ проводил только охраняемые наблюдения за строительными работами на могильнике, в результате чего удалось собрать значительное количество вещей, происходящих из разрушенных погребений. Они опубликованы Е. В. Веймарном [Веймарн 1963; Айбабин, Хайрединова 2017, с. 38]. Вместе с материалами, полученными в 1941 г., в фондах музея² на данный момент хранятся византийские пряжки, которые характерны для крымских погребений второй половины VII – VIII вв. Точное место находки этих предметов неизвестно. В полевой документации Е.В. Веймарна информация о них отсутствует:

— цельнолитая пряжка с овальным кольцом, подвижным язычком с уступом сзади (передняя часть язычка отломана) и прямоугольным фигурным щитком с петлей для крепления на тыльной стороне. Рамка украшена двумя прочерченными пересекающимися линиями и третьей поперечной по краю изделия (КО 289) (рис. 1,14). А. И. Айбабиным цельнолитые пряжки с овальным кольцом разделены на два типа. Пряжка из Инкермана принадлежит к 8 варианту II типа и относится к концу VII — VIII вв. [Айбабин 1990, с. 42, 45, рис. 41,8];

— цельнолитая пряжка с овальной рамкой, язычок утрачен, на лицевой части рамки схематичное изображение льва, тыльная имеет две петли для крепления (обе фрагментированы) (КО 237) (рис. 1,13). Пряжка относится к варианту II 3-2, бытовавшему во второй половине VII в.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ грант мол-а № 18–39–00064.

² Благодарю за помощь в работе над статьей Главного хранителя Бахчисарайского историко-археологического заповедника О. Н. Алпашкину и хранителя музейных предметов И. И. Неневолю.

[Айбабин 1990, с. 42, рис. 42,3]. Э. А. Хайрединова считает их застежками-апотрополями, изготовленными специально для детей [Хайрединова 2016, с. 76].

— цельнолитая овальнорамчатая пряжка, язычок заходит за передний край рамки и имеет выступ, щиток обломан, что затрудняет ее отнесение к какому-либо типу (КО 571) (рис. 1,11);

— овальнорамчатая пряжка с массивным язычком с выступом, щиток отсутствует (КО 569) (рис. 1,12). Относится к группе византийских шарнирных пряжек, датирующихся второй половиной VII в. [Айбабин 1999, табл. XXX].

Для сравнения элементного состава в таблице приведены данные для пряжек позднеантичного времени, происходящих из раскопок могильника Инкерман в 1948 г.:

— пряжек с круглой рамкой, расширяющейся в передней части, и прямым язычком, заходящим за край рамки (КО 238, 335, 518) (рис. 1,1–3);

— овальнорамчатых пряжек с язычком с уступом, заходящим за переднюю часть рамки (КО 470, 469, 608, 368) (рис. 1,4–7). Возможно, к этому же типу принадлежит КО 400 и 367, у которых обломан край язычка (рис. 1,8–9). Пряжки относятся к типу П11 по В. Ю. Малашеву, характерны для IV хронологической группы (середина IV — начало V в.) [Малашев 2000, с. 196, рис. 2]. А. И. Айбабиным и Э. А. Хайрединовой пряжки этой конфигурации отнесены в группу древностей, бы-

	Номер КО	Наименование	Cu	Sn	Pb	Ag	Ni	Zn	Fe
1	570	рамка пряжки	99,38		0,29			0,33	
2	238	рамка пряжки	77,88		0,24	0,07	0,09	21,57	0,14
3	335	рамка пряжки	77,55	1,28	1,89			19,28	
4	518	рамка пряжки	84,21		0,60			15,19	
5	470	рамка пряжки	99,58		0,23	0,09			0,11
6	608.1	рамка пряжки	81,50		0,18		0,18	17,87	0,27
7	608.2	язычок пряжки	89,87		0,43		0,1	9,42	0,19
8	368	рамка пряжки	79,38		0,99		0,12	19,50	
9	367	рамка пряжки	85,43		0,55		0,21	13,81	
10	400	рамка пряжки	83,30	1,90	1,07			12,78	0,96
11	469	рамка пряжки	95,34	1,49	0,98	2,18			
12	571.1	рамка пряжки	85,93	7,34	5,60			1,13	
13	571.2	язычок пряжки	78,90	7,05	13,07			0,99	
14	569	рамка пряжки	89,08	10,05	0,75		0,12		
15	237	пряжка	92,89		5,61	0,19	0,09	1,22	
16	289.1	рамка пряжки	89,09	9,42	1,22		0,09		0,19
17	289.2	язычок пряжки	93,43	4,79	1,43		0,14		0,22

тующих с начала IV по первую половину V в. [Айбабин, Хайрединова 2017, рис. 53].

Рамка пряжки КО 570 овальной формы, немного расширяющаяся в передней части, огранена, прогнутый в центральной части язычок доходит до края рамки, без уступа у основания (рис. 1,10). Пряжки с рамками такого вида характерны для группы Пб, которая датируется в пределах второй половины III в. [Веймарн 1963, с. 207].

Из данных элементного состава металла³, приведенных в таблице, видно, что пряжки позднеантичного времени изготовлены из чистой меди (КО 570 и 470) или меди с небольшим содержанием серебра и олова (КО 469), но преимущественно из латуни с вариацией цинка в составе сплава от 9,42% до 21,57% и незначительным количеством микропримесей. Эту тенденцию удалось проследить и на материалах могильника Чернореченский. Раннесредневековые пряжки (КО 289, 237, 569, 571) отлиты из бронзы, в трех случаях — оловянистой, в одном — основным легирующим компонентом выступал свинец (КО 237). Исходя из данных по составу металла, полученных отдельно для рамки и язычка, можно сделать вывод, что функциональные элементы пряжки готовили из разных сплавов. Скорее всего, это является свидетельством того, что пряжки производили большими партиями, и потому литые рамки и прокованные в месте крепления язычки выполнялись не из одной заготовки.

Литература

1. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1990. Вып. I. С. 3–86.
2. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017.
4. Веймарн Е.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. 13. С. 15–42.
5. Малашев В.Ю. Периодизация ремennых гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Под ред. Ю.К. Гугуева. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–233.
6. Стржелецкий С.Ф. Раскопки в Инкермане в 1940 г. // Советская археология. 1947. Вып. 9. С. 283–302.
7. Хайрединова Э.А. Византийские цельнолитые пряжки-апотропеи второй половины VII в. из Крыма // Античная древность и средние века. 2016. Вып. 44. С. 60–86.

³ Элементный анализ проводился на приборе Brucker M1 Mistral с ускоряющим напряжением 50 kV.

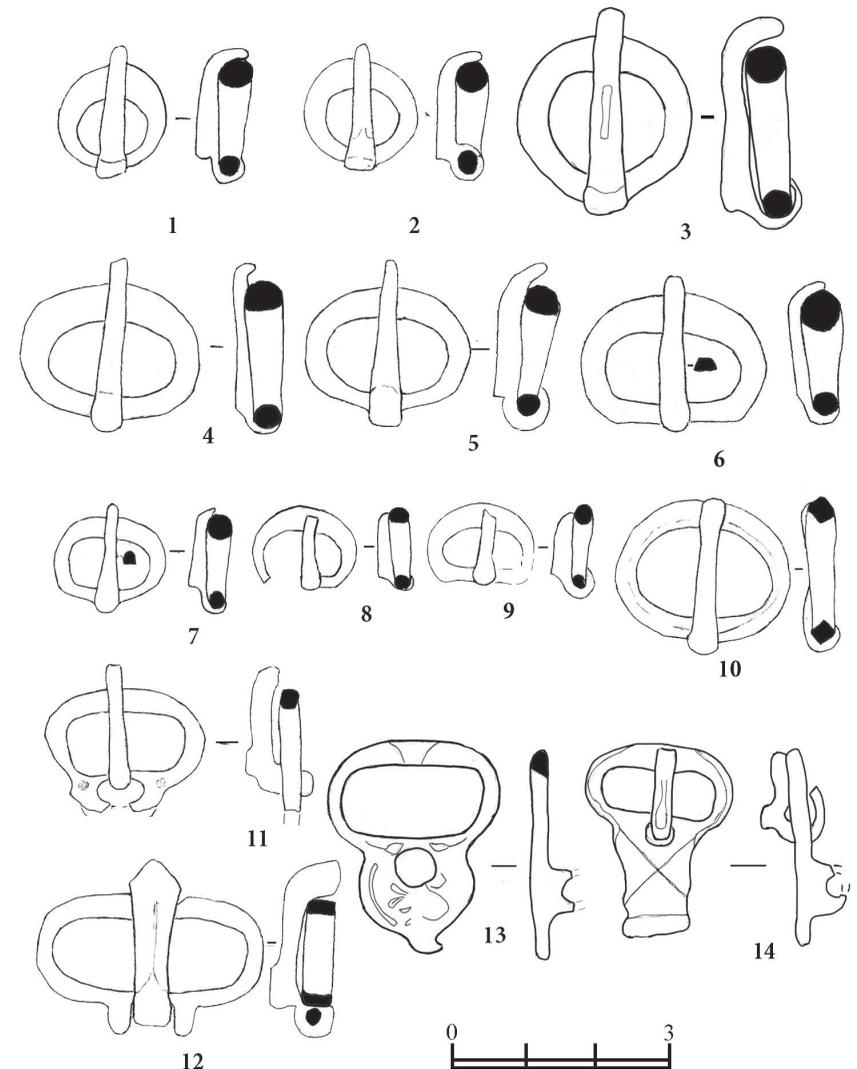

Рис. 1. Пряжки из Инкермана.

- 1 – КО 335, 2 – КО 518, 3 – КО 238, 4 – КО 470, 5 – КО 469,
 6 – КО 608, 7 – КО 368, 8 – КО 400, 9 – КО 367, 10 – КО 570,
 11 – КО 571, 12 – КО 569, 13 – КО 237, 14 – КО 289.
 4, 5, 10 – медь; 1-3, 6-9 – латунь; 11-14 – бронза

Д. Е. Афиногенов

Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Еще одна версия этимологии названия «Каламита»

Существуют, как известно, две наиболее популярные версии, выводящие название крепости Каламита (Инкерман) из греческого языка. Согласно одной, это слово восходит к *καλή μύτη* — буквально «красивый нос», то есть «красивый мыс». Другая связывает его с греч. *κάλαμος* — «камыш, тростник». Вместе с тем, фонетико-грамматический механизм перехода ед. ч. ж. р. *καλή μύτη* в форму мн. ч. ср. р. **Καλαμίτα* неясен. Следует учитывать, что древнейшие упоминания о Каламите находятся в гетуэзских документах в латинской графике, так что ударений там нет, а род подразумевается женский. От *κάλαμος* / *καλάμη* в греческом языке образуются сходные топонимы, но звучат они как *Καλαμίατα* (вспомним родину знаменитых оливок, которая ранее называлась *Καλάμαι*). Поскольку греческое происхождение названия явно более вероятно, чем какое-либо иное, а существующие этимологии неудовлетворительны с лингвистической точки зрения, хотелось бы предложить еще одну версию.

Наряду со многими лексемами, относящимися к военному делу (такими как *φωσάτων*, *πραϊδεύω*, *ἄρμα* и т. д.), в средневековый греческий язык было заимствовано слово *μητάτα*, встречающееся главным образом в форме множественного числа среднего рода. Оно представляет собой пассивное перфектное причастие от латинского отложительно-го глагола *mētōr*, *mētātus sum*, *mētārī*, чаще всего употреблявшегося в словосочетании *castra mētārī* («разбивать лагерь»). В греческом языке *μητάτα* первоначально обозначало «квартиры», то есть помещения, где размещали на постой солдат или государственных чиновников. Именно из-за *μητάτα* произошло роковое восстание в Фессалонике, когда солдаты императора Феодосия I перебили множество горожан [Theophanes 1883: 72, 29]. В таком значении слово фигурирует и в законодательстве Юстиниана, и у Константина Багрянородного. В современном греческом языке, в основном на островах Эгейского моря, оно стало обозначать «временное пристанище пастуха», причем употребляется и в единственном числе, *μητάτο*. В качестве топонима *Μητάτα* зафиксировано в византийское время на Олимпе Вифинском, а сейчас так называется деревушка на о. Кифира, в которой проводятся

ежегодные винные фестивали (см.: <https://www.kithera.gr/en/villages-kythira/mitata/>).

Словосочетание *καλά μητάτα* звучало бы вполне естественно в речи византийских военных как VI в., к которому обычно относят постройку крепости, так и более позднего времени. Поскольку термин *μητάτα* всегда относился к разговорному языку, нет ничего удивительного, если бы он в просторечии подвергся гаплогогии: вместо двух слогов [та] подряд стали произносить один. Особенно естественно это было бы, если бы название сопровождал артикль: *τὰ Καλά μητάτα* легко могло упроститься до *τὰ Καλαμίητα* или *τὰ Καλάμητα*, каковой топоним и воспроизвели гетуэзцы в форме *Calamita*.

Свое название местность могла получить из-за выгодного расположения на холме по сравнению с находящейся рядом болотистой долиной Черной реки.

Литература

1. Theophanis Chronographia / ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883.

О. Н. Афиногенова

ЦНЦ «Православная энциклопедия» (Москва, Россия)

Северное и южное Причерноморье в житиях трех святителей эпохи Иконоборчества

Три жития, которые довольно хорошо изучены, мы рассмотрим в новом аспекте, обращая внимание на связь Причерноморья в VIII–IX вв. со столицей Византийской империи. Речь идет о житиях двух святителей-уроженцев Причерноморья — это Иоанн, епископ Готский (VIII–IX вв.; память 19 мая, 26 июня), Григорий, епископ Амастридский (ум. 802–807; память 21 февраля) и об одном святителе, который жил раньше вышеупомянутых и происходил не их Крыма, а из Каппадокии — это Стефан, архиепископ Сурожский (ум. ок. 775; память 15 декабря).

Несмотря на то, что до VIII в. в Крыму не зафиксировано какого-то особого почитания икон, в агеографических источниках эта область выглядит как настоящий оплот иконопочитания. Мученик Стефан Новый (пострадал в 1-й период иконоборчества) прямо рекомендует своим единомышленникам-иконопочитателям искать убежища в Крыму. В Житии Иоанна Готского сообщается, что Иоанн был поставлен епископом взамен не принятого паствой Готии присланного из Константинополя епископа-иконоборца. Такое резкое противодействие даже не предписанию не почитать образа, а всего лишь иерарху из столицы, вызывает удивление в отношении столь ярко выраженной иконопочитательской позиции местного населения. Находясь на кафедре Готии, Иоанн бывал в Иерусалиме, где прожил 3 года, и в Константинополе после воцарения императрицы Ирины, где даже проповедовал в соборе Святой Софии, хотя и не получил от Константинопольского патриарха официального признания своей епископской хиротонии.

Георгий Амастридский родился, вероятно в середине VIII в. в городе Кромна, близ Амастриды (совр. Амасра, Турция). В юности покинул родину и ушел в Сирию, где провел несколько лет, приняв монашеский постриг. Около 790 г. был избран на кафедру родной Амастриды и рукоположен во епископы в Константинополе патриархом Тарасием. В Амастриде под покровительством Георгия провел свои последние годы Иоанн Готский, вынужденный покинуть свою кафедру и бежать из Готии вследствие конфликта с хазарами. Когда Иоанн скончался,

Георгий руководил возвращением его мощей на родину. Упоминание о том, что Иоанн нашел приют в Амастриде, есть в его собственном житии, а вот в житии Георгия об этом ничего не говорится, может быть из-за того, что каноническое положение Иоанна на кафедре так и не было закреплено.

И, наконец, третий святой, Стефан Сурожский. Он был старше Иоанна и Георгия (родился около 700 г.) и не был с ними знаком. Он дважды посещал столицу, где вращался в самых высоких кругах церковной иерархии. После рукоположения и нескольких лет епископства на Сурожской кафедре, Стефан вновь отправился в Константинополь, чтобы поддержать патриарха Германа в его противостоянии императору Льву III, издавшему указ о запрете иконопочитания. Крымский епископ был посажен в тюрьму, откуда его вызволила жена Константина V Ирина (хазарская принцесса Чичак), заступившаяся за Стефана, как за своего земляка. В Житии сообщается, что Стефан крестил сына Константина и Ирины. С житием Георгия Амастридского Житие Стефана объединяет наличие посмертных чудес, которых нет у Иоанна Готского, и упоминание нападения народа Рос, но если в Житии Георгия этот эпизод аутентичный, то в Житии Стефана упоминание Новгорода и русских является позднейшей вставкой.

Вопреки довольно распространенному мнению о слабых связях Крыма с Константинополем, особенно в эпоху иконоборчества, на основании информации этих трех житий можно сделать противоположный вывод: по крайней мере, церковные иерархи были тесно связаны со столицей империи, неоднократно бывали в ней и принимали активное участие в актуальных догматических дискуссиях, а Стефан Сурожский, вероятно, состоял в дружеских отношениях с императором-иконоборцем Константином V, несмотря на резкое несовпадение взглядов на иконопочитание. Наряду с этим Крым традиционно поддерживал связи с южным Причерноморьем.

А. Г. Герцен, А. А. Душенко, В. Л. Руев

Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Вновь открытые наскальные рисунки на городище Кызык-Кулак-кая

Городище Кызык-Кулак-Кая было открыто Н. И. Репниковым в 1937 г., в 1938 и 1949 гг. обследовалось Е. В. Веймарном, на основании материалов последнего описано А. М. Лесковым. Типологически объект определялся как таврское «убежище», расположенное на поверхности изолированной скалы-останца на южной окраине с. Красный Мак Бахчисарайского района Республики Крым (цветная вклейка рис. 1). В этом месте участок внутренней гряды прорезан глубокими балками, расчленившими некогда единый скальный массив на отдельные возвышенности мысового типа с обрывистыми склонами. Длина останца по линии север – юг составляет около 360 м, максимальная ширина – 40 м. С запада он отделен от соседнего мыса Узун-сырт (Сулли-сырт) балкой Сулли-дере, с востока от возвышенности Улаклар-бурун балкой Ахмулла-дере. Культурный слой на плоской поверхности имеет, согласно публикациям, толщину до 0,5 м и покрывает скалу на отдельных участках. С последним утверждением можно согласиться, но толщина по современным наблюдениям не превышает 0,2 м (цветная вклейка рис. 2). Оборонительные сооружения отсутствуют, поскольку обводы плато представляют как вертикальные, так и с отрицательным уклоном обрывы, высотой до 30 м. В настоящее время подняться вверх можно только с помощью импровизированной лестницы и веревки, закрепленной в южной, наиболее пониженной части останца. В нижней части склонов, с западной стороны, находятся естественные широко открытые навесы с многочисленными нишами. В 2007 г. местный житель рассказал сотрудникам Мангупской археологической экспедиции о наличии наскальных изображений в виде каких-то животных на западном склоне г. Кызык-Кулак-Кая. Первоначально это не вызвало доверия, т.к. памятник считался хорошо изученным. Однако посланный для проверки этой информации сотрудник подтвердил полученные сведения.

Наскальные изображения находятся в одном из навесов шириной около 17 м, высотой около 7 м, глубиной до 4 м в западном обрыве скального массива (цветная вклейка рис. 3). Здесь проходит скальный карниз в виде полки толщиной до 0,6 м и шириной до 0,5 м (цветная вклейка рис. 4). Очевидно, что в прошлом полка была шире, ее обломки

лежат на склоне за пределами навеса. Высота свода грота над полкой до 1,0 м. Изображения расположены горизонтальной полосой длиной 2,0 м и шириной до 0,25 м на поверхности скалы с отрицательным уклоном в труднодоступной верхней части навеса. Перед фиксацией рисунков была произведена осторожная очистка поверхности панно от пыли и современных натеклов.

Скальная поверхность на данном участке покрыта черным наложением органического происхождения, вероятно, так называемым накипным лишайником. Тридцать шесть выявленных изображений располагаются тремя группами (рис. 5). Первая включает 24 изображения, выполненных красной охрой. В свою очередь здесь выделяется две подгруппы. Левая (по отношению к наблюдателю) с вертикально построенной композицией состоит из двух стоящих человеческих фигур, пяти рогатых животных с четко выраженными хвостами и четырех знаков (рис. 6,1а). Основная группа рисунков представлена упрощенными изображениями рогатых животных с длинными хвостами. В нижней части рядом с изображением человека расположена неопределенная, не полностью сохранившаяся фигура, вероятно, всадника. Возможно, здесь располагалась сцена поединка пешего и конного воинов, сходная с подобной композицией на панно Таш-Аира. В правой части данного участка фигуры второй подгруппы композиционно образуют линию из двух всадников и трех животных без рогов с хвостами, вероятно, лошадей (рис. 6,1б). Ниже расположена маленькая фигура стоящего человека, слева от нее – изображение, напоминающее ограду или горизонтально расположенную лестницу, подобное есть и в Таш-Аире. На том же уровне – маленькая фигура животного с хвостом и подчеркнута вытянутой шеей, выше которого располагается не полностью сохранившаяся изображение неопределенной фигуры. Следует отметить, что в целом композиция первой группы четко передает направление движения фигур в одном направлении: слева направо.

Вторая и третья группы отделены от первой участком скалы шириной до 0,2 м, не имеющим лишайникового покрытия (рис. 7). Вторая группа расположена в правой части темно-серого покрытия скалы и выполнена черным линиями, красящим веществом неясного происхождения, но не уступающего рисункам охрой по прочности связи с подстилающей поверхностью. Композиция состоит из шести компактно расположенных фигур: три стоящих человека, обращенных вправо, всадник и животное с хвостом без рогов, также обращенные вправо (рис. 7,2). «Лестничное» изображение, в отличие от предыдущего, здесь расположено вертикально. Наконец, третья группа занимает правую часть лишайникового покрытия и состоит из шести изображений, выполненных красной охрой (рис. 7,3). От второй группы она отделена участком без изображений шириной до 0,5 м. Ее фигуры по размерам подчеркнута меньше, чем в предыдущих группах, и хуже по сохранно-

сти. Здесь выделяются три стоящих в ряд человеческих фигуры, правая сохранилась частично. Есть также изображение неопределенного животного и два фрагмента неясных фигур.

В северной части участка навеса с изображениями полка сужается и заканчивается небольшой труднодоступной нишей, в которой, скорчившись, может разместиться один человек. На ее восточной стене также просматриваются неясные изображения антропоморфной фигуры и крестообразного знака, выполненные охрой, но они явно подверглись современным искажениям и требуют отдельного рассмотрения.

О датировке и этнической принадлежности данного памятника судить трудно, т.к. культурные напластования, непосредственно связанные с ним, отсутствуют. Культурный слой на вышележащей поверхности плато по литературным и архивным источникам датируется второй половиной I тыс. до н.э. В статье Е. В. Веймарна 1953 г. представлены фотографии найденных в разведывательной траншее фрагментов типичной лепной кизилкобинской керамики, также отмечены обломки красноглиняных амфор. Современный осмотр выявил только фрагменты амфор, в основном, так называемых «причерноморских», датированных в пределах VIII – IX вв. На дне долины под западным склоном плато, по данным разведок 1970 г., находилось поселение первых веков нашей эры. Современный осмотр этой территории, используемой уже многие годы под пашню, дал находки керамики этого периода, а также раннесредневекового времени. Более ранние материалы не выявлены. Единственным подходом к интерпретации памятника пока остается визуальное сравнение с многофигурной композицией Таш-Аира открытой Д. А. Крайновым в 1935 г. и опубликованной в 1960 г. [Крайнов 1960], отнесенной к «ямно-катакомбному» времени. Изображения колесных повозок и всадников в Кызык-Кулак-Кая позволяют датировать указанные изображения не ранее начала эпохи бронзы и появления кочевнических племен ямной историко-культурной общности (середина III тыс. до н.э.).

Подобные изображения линейно-силуэтного стиля эпохи бронзы известны на памятниках с писаницами Урала, Южной Сибири, вплоть до Приморья. Для более определенных выводов необходимо как продолжение исследования непосредственно вновь выявленных изображений, так и проведение археологических раскопок на плато и в окружающих его долинах.

Литература

1. Крайнов Д.А. Пещерная стоянка Таш-Аир I. / Материалы и исследования по истории СССР. М., 1960. № 91.

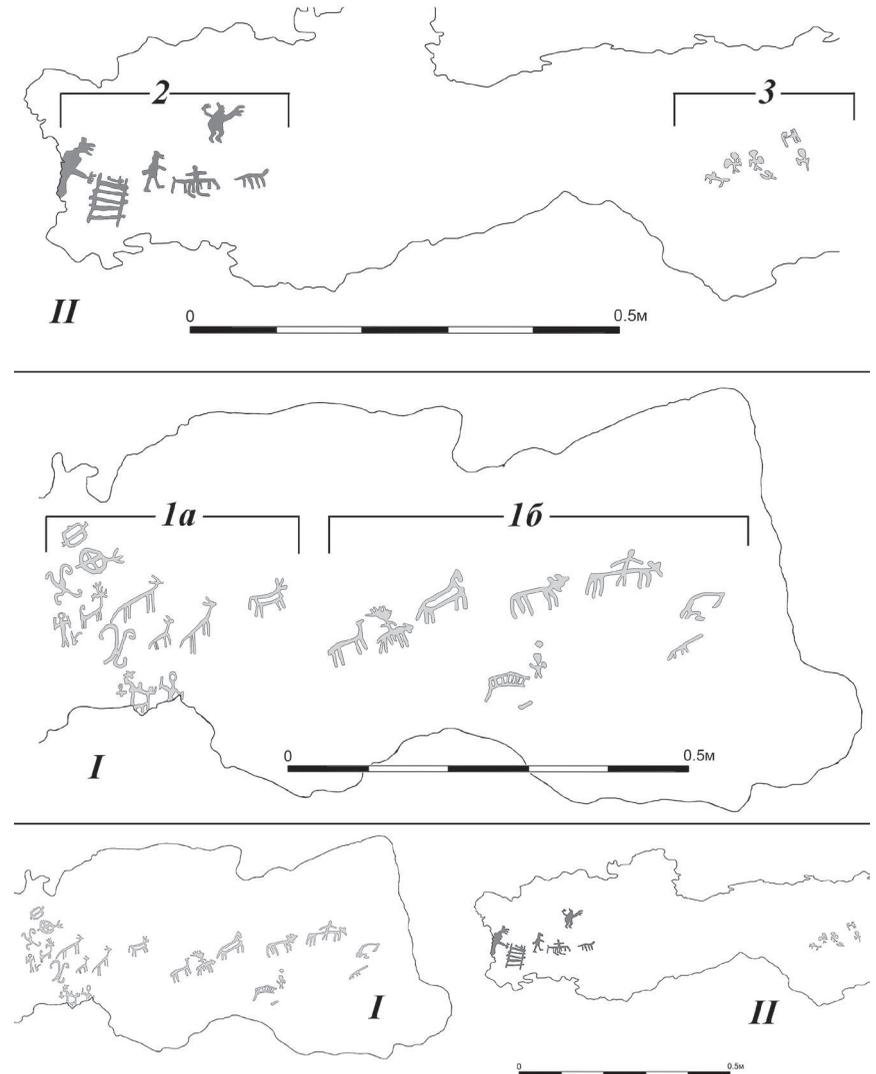

Рис. 5. Наскальные изображения (общий вид)

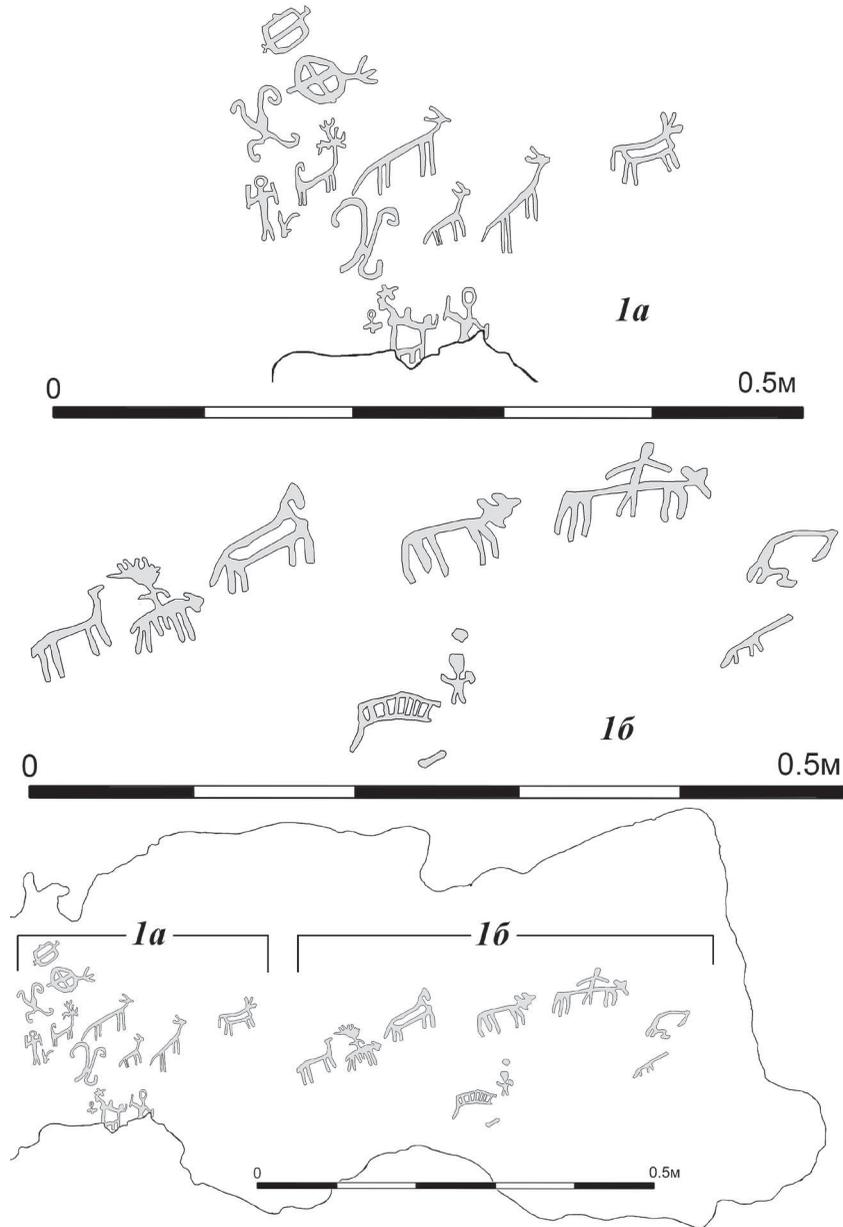

Рис. 6. Первая группа наскальных изображений

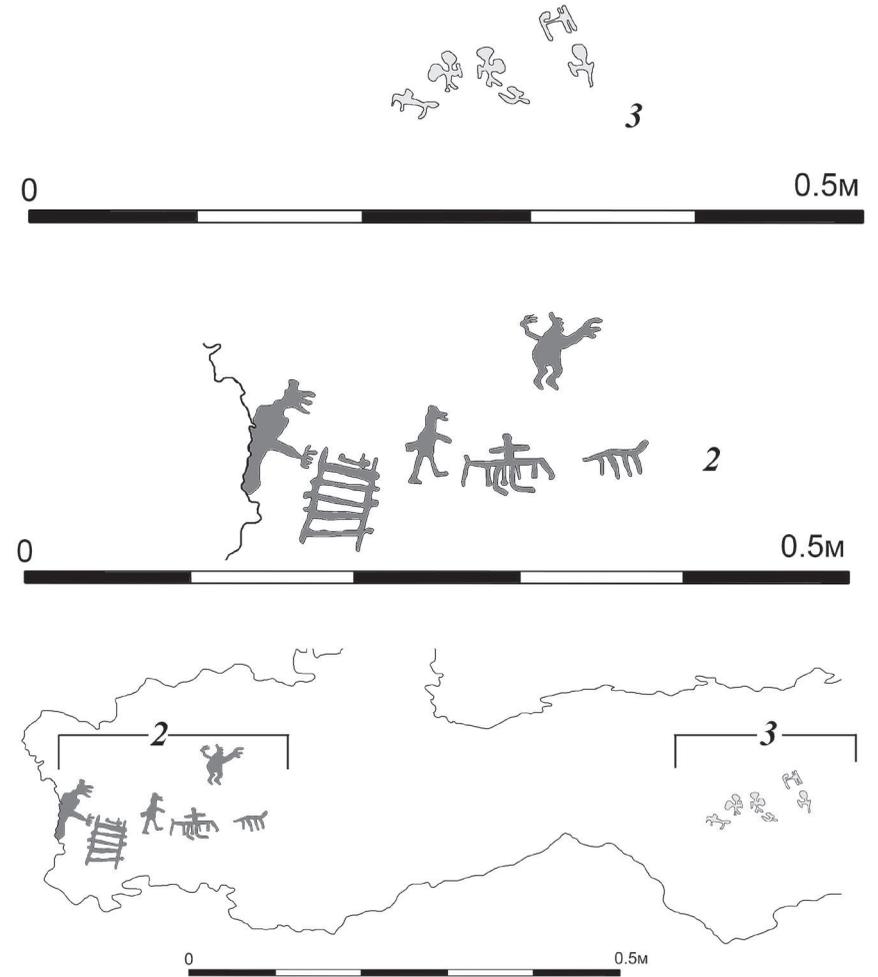

Рис. 7. Вторая и третья группы наскальных изображений

А. Г. Герцен, В. Е. Науменко

*Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)*

Актуальные задачи изучения исторической периодизации Мангупского городища¹

Изучение Мангупского городища, крупнейшей крепости из группы «пещерных городов» Юго-Западного Крыма, имеет исключительное значение для понимания истории средневековой Таврики. Прежде всего, Мангуп является редким примером сосредоточения на территории одного памятника многочисленных (более 50) разноплановых и разновременных (от III до XVIII вв.) археологических объектов, что позволяет рассматривать его одновременно как предмет исследования нескольких направлений археологической науки, в первую очередь, византийской и османской археологии. Другим определяющим фактором постоянного научного интереса к городищу является его важная роль в политической истории средневекового Крыма. Достаточно напомнить о том, что городище отождествляется с целым рядом крупных политических центров региона этого времени в письменных источниках — Доросом, главной крепостью Крымской Готии, и Феодоро, столицей одноименного княжества в XV в. В османский период Мангуп являлся центром одного из наиболее крупных кадылыков османской провинции Кефе.

Археологические исследования Мангупского городища были начаты еще в середине XIX в. раскопками А. С. Уварова. В дальнейшем они возобновлялись работами Ф. А. Брауна в 1890 г., Р. Х. Лепера в 1912–1914 гг., экспедиции ИИМК АН СССР и Севастопольского музейного объединения в 1938 г. С 1967 г. раскопки памятника ведутся Мангупской археологической экспедицией Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского [об истории изучения Мангупа в целом см.: Герцен 2008; Герцен 2017; Герцен, Науменко 2017].

Исследования Мангупа последних десятилетий позволили решить многие важные задачи истории и археологии памятника. Среди них особое место занимает разработка объективной периодизации истории городища. Настоящий доклад, в определенном смысле, подводит общие

итоги этой работы. Его первая часть содержит историографию вопроса, дополненную обзором опорных археологических памятников для современной периодизации городища. Во второй части доклада авторами сформулированы наиболее важные задачи будущих исследований городища.

Основные этапы формирования исторической периодизации Мангупского городища. В целом они отражают, прежде всего, различные этапы археологической изученности памятника; иные группы источников (письменные, эпиграфические, нумизматические, сфрагистические), если и влияли на источниковую базу исследований, то лишь косвенно и, главным образом, на ранних стадиях раскопок городища.

В середине XIX — начале XX вв. в историографии преобладало убеждение о позднем (не ранее XI–XII вв. и даже позднее) характере крупного поселения на площади Мангупского плато. Лучшее всего эта гипотеза сформулирована Н. И. Репниковым, который в своих выводах опирался на ряд объективных и субъективных факторов. К числу первых следует отнести отсутствие среди материалов раскопок 1853, 1890 и 1912–1914 гг. хорошо выраженной группы артефактов раннесредневекового периода, что сейчас необходимо объяснять слабой разработанностью хронологии массового археологического материала в это время, и датировку практически всех известных к 1930-м гг. эпиграфических источников, происходящих с Мангупа, в пределах XIV–XV вв. Исключение — плита с именем императора Юстиниана (527–565) из Мангупской базилики, однако она рассматривалась как привезенная извне и использованная здесь в качестве обычного строительного материала. Анализ материальных источников, проделанный Н. И. Репниковым, дополнялся теоретической посылкой автора о локализации Дороса не на Мангупе, а на соседнем городище Эски-Кермен, где в ходе археологических исследований были обнаружены вещественные находки эпохи раннего средневековья [Репников 1932, с. 134–150]. Слабость гипотезы Н. И. Репникова показали уже новые раскопки Мангупского городища в 1938 г. М. А. Тиханова и А. Л. Якобсон датировали VI в. сооружение на Мангупском плато большой византийской крепости и синхронной ей трехнефной базилики; ими же были приведены аргументы в пользу прежней локализации раннесредневекового Дороса на Мангупе [Тиханова 1953; Якобсон 1940; Якобсон 1949].

В 1967 г., с организацией Мангупской археологической экспедиции, начинается новый этап изучения городища, характерной особенностью которого становятся систематические исследования территории и крупных объектов памятника. Однако концепция его истории, которой придерживался первый научный руководитель экспедиции Е. В. Веймарн, по-прежнему существенно отличалась от современной, сочетая, в определенной степени, представления Н. И. Репникова и М. А. Тихановой и А. Л. Якобсона. Для Е. В. Веймарна поселение на Мангупе

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 17-49-92019 «Историко-археологические исследования княжеского дворца Мангупского городища в 2018 г.: восточный участок дворцового комплекса».

возникло в III–IV вв. В V–VI вв. появляется первое укрепление на мысе Тешкли-бурун. На его эспланаде находился ранний некрополь городища. Только после VIII в. или в начале IX в. начинается формирование «Большого Мангупа» на всей территории Мангупского плато [Веймарн и др. 1974, с. 125, 139]. Сейчас эти заключения следует также признать малообоснованными.

Современный этап археологического изучения Мангупского городища начинается только в 70–90-е гг. XX в. после того, как были открыты новые звенья Главной (Внешней) линии обороны крепости и неизвестная прежде группа раннесредневековых грунтовых могильников на ее южной периферии. Эти открытия полностью изменили наши представления об исторической топографии, масштабах и периодизации памятника. В процессе работ постепенно сложилась объективная концепция глубоко эшелонированной, состоящей из трех линий обороны, системы фортификации крепости; пришло убеждение о ее строительстве, в пределах всего плато, уже в ранневизантийское время и, в целом, о византийском характере памятника на протяжении большей части его истории.

Масштабные исследования Мангупа последних лет позволили сформировать необходимую источниковую базу для установления его общей хронологии и периодизации. Последняя ныне включает шесть основных этапов: докрепостной (позднеримский, конец III — середина VI вв.), ранневизантийский (середина VI — конец VIII вв.), хазарский (конец VIII — середина IX вв.), фемный (середина IX — середина XI вв.), феодоритский (XIV в. — 1475 г.) и турецкий (османский, 1475–1792 гг.) [Герцен 2003; Герцен, Науменко 2015]. Все они достаточно полно представлены в общей стратиграфии памятника, либо рядом показательных комплексов или архитектурных объектов. Следует отметить недавнюю попытку выделить в рамках феодоритского периода особого золотоордынского этапа, связанного, вероятно, с включением Мангупа в 1360–1390-е гг. в сферу прямого контроля администрации Золотой Орды на полуострове [Герцен, Науменко, 2016].

Актуальные задачи современных исследований истории Мангупа. Представленная периодизация Мангупского городища носит объективный характер, так как опирается, главным образом, на результаты многолетних и систематических раскопок памятника. В то же время ее следует рассматривать не как некую константу, а, скорее, как рабочую схему, отражающую нынешнее состояние изученности городища.

Среди наиболее важных проблем современного этапа изучения Мангупа–Дороса–Феодоро необходимо отметить разную степень археологической изученности отдельных периодов в его истории. Лучше всего реконструируется топография и историческая канва событий на городище для периода княжества Феодоро, когда обширное укрепленное поселение окончательно приобрело черты средневекового города и столичного центра. В максимальных размерах и также активно использовалась территория памятника в ранневизантийское и османское время,

но результаты этих исследований пока еще слабо опубликованы. Менее изученными, на сегодняшний день, остаются остальные периоды в истории Мангупа — позднеримский, хазарский и фемный, что связано, с одной стороны, с очевидным снижением уровня экономической жизни, а, с другой стороны, с отсутствием их специальных исследований.

Таким образом, пожалуй, первостепенной задачей изучения городища на ближайшие годы остается введение в научный оборот результатов полностью раскопанных крупных археологических объектов (цитадели, княжеского дворца, церкви Св. Константина, синагоги, поселения в Лагерной балке и др.), характеризующих ключевые этапы его существования. Следует признать, что пока такого рода работ явно немного, в сравнении с общим количеством исследованных объектов [Герцен, Манаев 2005; Герцен и др. 2006; Герцен, Карлов 2006; Герцен и др. 2007; Герцен, Науменко 2009; 2010; Герцен и др. 2010; Bemmann und andere 2013; Maćzyńska und andere 2016; Науменко и др. 2017]. Не менее важными представляются до сих пор отсутствующие публикации по систематизации археологических источников в пределах отдельных периодов истории Мангупа, а также активизация вещеведческих исследований, направленных на детальное изучение хронологии и технологии отдельных категорий археологических материалов — керамики, находок из стекла и камня, металлических изделий группы «small finds» и др. Здесь виден большой потенциал для сотрудничества археологии со специалистами в области естественно-научных дисциплин, а, главное, присутствуют возможности получения новой информации для реконструкции разнообразных социально-экономических процессов на городище и в целом в регионе в средневековую эпоху.

Литература

1. Веймарн Е.В., Лобода И.И., Пиоро И.С., Чорев М.Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 123–139.
2. Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // Античная древность и средние века. 2003. Вып. 34. С. 94–112.
3. Герцен А.Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX в.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2008. Вып. 3. С. 228–246.
4. Герцен А.Г. К 50-летию возобновления археологического изучения Мангупа: начальный этап // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2017. Вып. XXII. С. 12–45.
5. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2006. Вып. XII. С. 371–494.
6. Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI–XVIII вв.) // Материалы по археологии, истории и этнографии

Таврии. 2007. Вып. XIII. С. 233–298.

7. Герцен А.Г., Карлов С.В. Дозорный и культовый комплекс под оконечностью мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // Готы и Рим. Киев: Стилос, 2006. С. 221–253.

8. Герцен А.Г., Манаев А.Ю. Демир-Капу (Укрепление А.ХІХ) в системе оборонительных сооружений Мангупа // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2005. Вып. XI. С. 314–345.

9. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2009. Вып. XV. С. 389–431.

10. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2010. Т. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII вв.: материалы международного семинара. С. 227–253.

11. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Иванова О.С. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп). III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2010. Вып. XVI. С. 240–295.

12. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 88–100.

13. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2016. № 9. С. 247–258.

14. Герцен А.Г., Науменко В.Е. История изучения и топография храмовых комплексов и некрополей Мангупского городища // Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М.; СПб., 2017. С. 10–55.

15. Науменко В.Е., Иोजица Д.В., Набоков А.И. Церковь Святого Георгия // Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М.; СПб., 2017. С. 56–108.

16. Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1932. Т.12. С. 107–152.

17. Тиханова М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // Материалы и исследования по археологии СССР. 1953. № 34. С. 319–333.

18. Яковсон А.Л. Из истории архитектуры средневекового Крыма. II. Мангупская базилика // Советская археология. 1940. Т. 6. С. 205–226.

19. Яковсон А.Л. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. 1949. Вып. 29. С. 55–63.

20. Bemmann J., Schneider K., Gercen A.G., Černyš S., Mączczyńska M., Urbaniak A., von Freden U. Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Çokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuss des Mangup. Mainz: Verlag des RGZM, 2013. 100 S.

21. Mączczyńska M., Gercen A.G., Ivanova O., Černyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalykdere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des RGZM, 2016. 205 S.

Л. А. Голофаст

Институт археологии Российской академии наук (Москва, Россия)

Комплексы амфор причерноморского типа из Фанагории

В ходе раскопок 2007–2008 годов в Фанагории на раскопе «Верхний город» была выявлена нивелировочная засыпь, в которой наряду с фрагментами ранней керамики найдены крупные фрагменты амфор с мелким зональным рифлением (МЗР) (рис. 1).

От застройки, возведенной на нивелировочной засыпи, сохранились несколько объектов, в том числе фрагмент большой каменной вымостки с фланкирующими ее с севера шестью подпорными камнями для деревянных опор, сложенные в елку кладки 355, 354, 359, 361 и 369 и вымостка 366. Вокруг стены 359 были обнаружены 6 амфор причерноморского типа с желобчатым туловом, которые лежали в беспорядке по обе стороны стены на древней дневной поверхности.

В 2011 году на том же раскопе был обнаружен развал шести разбитых амфор с МЗР (рис. 2), лежавших непосредственно под сложенной в елку кладкой 601. В той же технике сложена и синхронная ей кладка 600, возле которой лежали несколько амфор причерноморского типа с желобчатым туловом.

Все строительные остатки, перекрывавшие комплексы с амфорами с МЗР, синхронны домам 502, 503 и 504 2008 года раскопок, в которых также обнаружены исключительно амфоры с желобчатым туловом [Кузнецов, Голофаст 2010].

Выявленные в нивелировочной засыпи византийские шаровидные амфоры относятся к разряду т.н. «международных» (“international”) типов [Riley 1981], к которым относятся амфоры LRA 1, LRA 2, LRA 5/6. Шаровидные амфоры были широко распространены по всему Средиземноморью и производились в многочисленных центрах, расположенных в бассейне Эгейского моря, на Крите, Кипре, в Северной Африке, Италии и Сирии [Poulou-Papadimitriou, Nodarou 2014, p. 874]. Несколько центров по их производству зафиксировано в Таврике [Паршина, Тесленко, Зеленко 2001].

В Средиземноморье шаровидные амфоры были распространены с первых десятилетий VII в. (или даже VI в.) до конца VIII, возможно, середины IX в. [Vroom 2005, p. 61; Poulou-Papadimitriou, Nodarou 2014, p. 874]. Что же касается их северопричерноморского варианта, то наи-

более часто время их бытования определяют в рамках VIII–X/XI вв. [Науменко 2009, с. 39–43]. Однако некоторые данные позволяют скорректировать предлагаемые даты.

Наиболее ранние экземпляры амфор с МЗР происходят из слоя пожара в Керчи, образовавшимся не ранее 660 г., жилища, построенного в начале VIII в. на развалинах Тиритакской базилики [Айбабин 2013, с. 283–285], закрытых комплексов Сугдеи рубежа VII — первой половины VIII вв. [Майко 2012, с. 56]. Однако на сегодняшний день самым ранним комплексом, содержащим фрагменты амфор с МЗР, следует признать засыпь рыбозасолочной цистерны 3, открытой в квартале IX Северного района Херсонеса¹, в которой, помимо перечисленных фрагментов амфор, найдены фрагменты горшков с круглой в сечении или крученой ручкой с пальцевым вдавлением у основания, мисок группы PhRSW формы 10A 570/580–650/670 и блюда группы ARSW формы 104C 550–625 [Hayes 1972, p. 345, 166].

Скорее всего, в Северном Причерноморье, как и в Средиземноморье, амфоры с МЗР были распространены до начала/середины IX в., а к концу IX в. выходят из употребления. В пользу этого предположения говорит комплекс амфор, сопровождавший строительные остатки верхнего горизонта Фанагории. В нем на несколько десятков амфор с желобчатым туловом, оставленных покидавшими город жителями в своих домах, приходится лишь один кувшин с плоскими ручками и ни одной амфоры с МЗР. Учитывая принятую на сегодняшний день дату появления кувшинов с плоскими ручками в последней трети IX в. [Науменко 2009, с. 54–56], логично сделать вывод о выходе к этому времени амфор с МЗР из употребления. Возможно, учитывая отмеченный В. Е. Науменко регионализм в распространении разных вариантов амфор причерноморского типа [Науменко 2009, с. 39–43], этот вывод правомерен только для Приазовского региона, о чем уже писал Л. Ю. Пономарев [Пономарев 2003, с. 268]. Однако логичнее предположить, что хронология шаровидных амфор крымского производства не может сильно отличаться от хронологии амфор Средиземноморского происхождения.

Что же касается нивелировочной засыпи, то широкая дата бытования амфор с МЗР не позволяет определить узкую дату ее образования. Однако можно предположить, что новая застройка и проведенная перед ней нивелировка поверхности были произведены после захвата хазарами территории восточного берега Понта, который, опираясь на данные письменных источников, исследователи относят ко времени после 660 г. [Айбабин 2013, с. 282–283]. Эту дату подтверждают следы разрушения этого времени, выявленные в Тиритаке, Илурате, Кепях, Гермонассе, Патрее и Боспоре [Айбабин 2013, с. 284–285].

¹ Автор признателен автору раскопок С. Г. Рыжову за разрешение использовать материал из его раскопок.

Литература

1. Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2013. С Вып. XVIII. С. 277–315.
2. Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А. Дома хазарского времени в Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 1(27). С. 393–428.
3. Майко В.В. Сугдея во второй половине VII – первой половине VIII вв. Обзор археологической ситуации // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 2. Збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «XVI Слобожанські читання». Харків, 2012. С. 54–123.
4. Науменко В.Е. Амфоры. Высокогорлые кувшины с плоскими ручками // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Симферополь, Керчь: АДФУ-Украина, 2009. С. 35–57.
5. Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001. С. 52–81.
6. Пономарев Л.Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // Боспорские исследования. 2003. Вып. III. С. 264–282.
7. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Екатеринбург, 1995. 169 с.
8. Hayes J.W. Late Roman Pottery. London, 1972. 468 p., 23 pls., 93 figs., 40 maps.
9. Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E. Transport Vessels and Maritime Trade Routs in the Aegean from the 5th to the 9th c. AD. Preliminary Results of the EU Funded “Pythagoras II” Project: the Cretan Case Study // N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou (Eds.), LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers. Vol. I. BAR Int. Series 2616 (I). 2014. P. 873–883.
10. Riley J. The pottery from the cisterns 1977.1, 1977.2 and 1977.3 // J. Humphrey (Ed.), Excavations at Carthage, conducted by the University of Michigan. VI. Ann Arbor, 1981. P. 85–124.
11. Vroom J. Byzantine to Modern Pottery in the Aegean: an Introduction and Field Guide. Utrecht, 2005. 224 p.

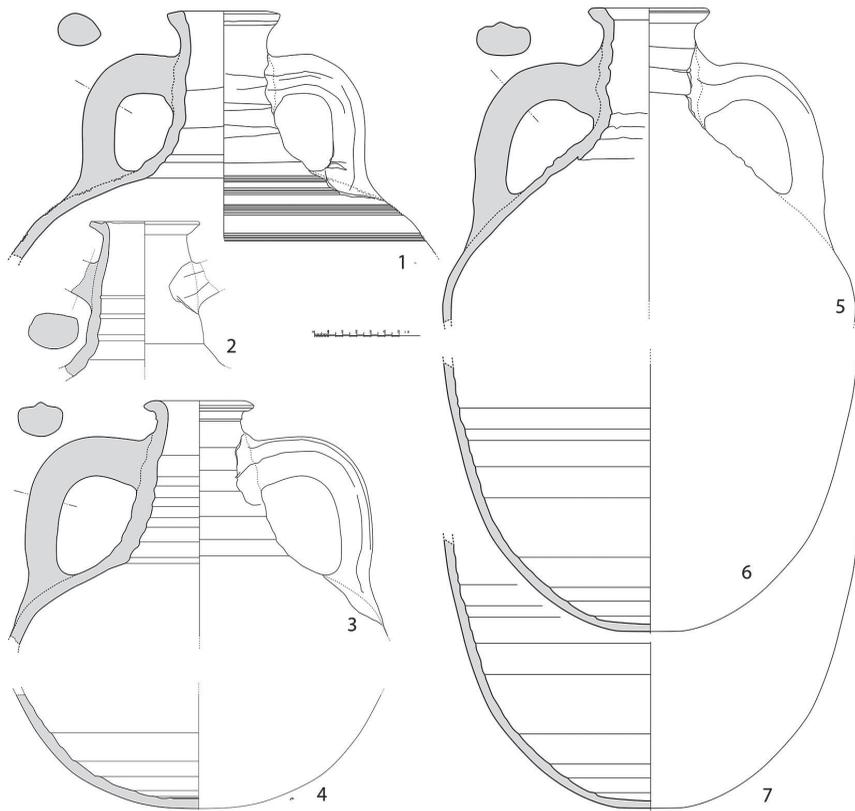

Рис. 1. Амфоры из нивелировочной насыпи на раскопе «Верхний город».

Рис. 2. Развал амфор, открытый под кладкой 601.

А. А. Душенко, А. Ю. Манаев

Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Предварительные результаты археологического исследования Верхореченского могильника в 2018 г.¹

В 2018 г. экспедицией ООО «Таврическое археологическое общество» под руководством А. В. Белого² были проведены археологические исследования раннесредневекового могильника у с. Верхоречье Бахчисарайского района Республики Крым. Памятник расположен на правом берегу р. Кача, на южном склоне г. Резанная в 1 км к западу от с. Верхоречье (рис. 1).

Верхореченский могильник известен исследователям с середины XX в. В 1947 г. Я. А. Дубинским были осмотрены несколько грунтовых склепов, выявленных при подрезке склона [Волошинов 2005, с. 252]. Найденный в них погребальный инвентарь был отнесен А. Л. Якобсоном к VI—VII вв. [Якобсон 1970, с. 14]. Одна из выявленных пряжек была включена в свод салтовских поясных наборов Крыма, составленный А. И. Айбабиным [Айбабин 1977, с. 230, рис. 1,14]. В 1998 г. А. А. Волошиновым и И. И. Неневолей был раскопан склеп, датированный по погребальному инвентарю второй половиной VIII — первой половиной IX в. [Волошинов 2005, с. 252–256].

Участок работ 2018 г. расположен вдоль северной кромки шоссе Бахчисарай — Синапное (рис. 1). Общая площадь исследований составила немногим более 1000 кв. м. В процессе работ был получен полный разрез могильника по линии запад — восток. Его протяженность составила около 170 м.

Всего на участке исследований были выявлены 28 вырубленных в желтовато-серой материковой глине погребальных сооружений, в том числе 21 склеп и 7 подбойных могил. Большинство из них разрушены в процессе строительства шоссе. Все исследованные погребальные сооружения ограблены, вероятно, в средневековье и повторно в XX в.

¹ Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты», выполняемому в рамках базовой части госзадания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/БЧ.

² Авторы благодарят А. В. Белого за возможность публикации материалов.

Несмотря на плохую сохранность и высокую степень ограбления погребальных сооружений, в процессе работ удалось зафиксировать некоторые особенности их конструкции и погребального обряда. Все склепы имеют Т-образную форму, характерную для гото-аланских некрополей Крыма [Айбабин, Хайрединова 2017, с. 41]. Большинство из них ориентированы вверх по склону, по линиям юг — север или юго-восток — северо-запад. Исключениями являются склепы №№ 9, 13, 15, 20, ориентированные поперек склона. Входные ямы имеют подпрямоугольную форму длиной 1,50–1,60 м и шириной 0,50–0,60 м. В торцевых стенках входных ям склепов № 6 и № 18 зафиксированы ниши. Во входной яме склепа № 20 зачищены две ступеньки. Входные отверстия в камеры заложены плоскими мергелевыми плитами или сложенными насухо крупными бутвыми камнями.

Погребальные камеры в плане имеют форму прямоугольника со скругленными углами. Средние размеры 2,70х2,00 м. Сохранившиеся своды имеют куполообразную форму. В большинстве погребальных камер под входными отверстиями имеются небольшие трапециевидные ступени.

Все погребенные уложены на спину, ногами к входу в погребальную камеру. По предварительным данным в склепах хоронили не менее двух человек. В склепе № 2 погребения совершались в два яруса. Вокруг погребения № 7 нижнего яруса были зачищены остатки деревянного гроба.

Четыре из семи раскопанных подбойных могил ориентированы вверх по склону, по оси юг — север. Могилы №№ 4, 6, 7 расположены поперек склона. Большинство сооружений имеют один подбой, за исключением могилы № 1, где ниши устроены в обеих длинных стенках входной ямы. Все исследованные подбойные могилы содержали одиночные захоронения.

Интересной особенностью погребального обряда, зафиксированного на Верхореченском могильнике, является наличие между погребальными сооружениями небольших ям (№№ 1–5), содержавших фрагменты керамических сосудов и кости животных. Вероятно, они являются остатками тризны. Раскопанные в восточной части участка исследований ямы №№ 6–8 содержали строительный мусор XX в. и, видимо, не связаны с могильником.

В ходе исследований могильника была получена небольшая, но достаточно презентабельная коллекция погребального инвентаря. Наиболее яркой находкой является золотой семиссис, чеканенный в Константинополе в годы правления Константина IV Погоната (668–685 гг.)³ (цветная вклейка рис. 2,8). Монета была найдена в заполнении погребальной камеры склепа № 3. Вместе с ней была найдена фрагментированная красноглиняная ойнохоя Скалистинского типа (цветная вклейка

³ Благодарим М. М. Чорефа за атрибуцию находки.

рис. 2,1) с широкой датировкой в пределах конца VI — XI в. [Веймарн, Айбабин 1993, с. 191; Науменко 2009, с. 63], фрагмент бронзовой пряжки (рис. 2,5) второй половины VII в. типа П-2 по классификации А. И. Айбабина [Айбабин 1990, с. 42, рис. 2,161; 41,11], бронзовая пальчатая фибула с концентрическим орнаментом (рис. 2,7) типа I, датирующаяся VII в. [Айбабин 1990, с. 22–23; Айбабин, Хайрединова 2008, с. 57, 59].

В склепе № 2 на левом бедре погребения № 7 была найдена бронзовая цельнолитая пряжка типа «Сиракузы» (цветная вклейка рис. 2,3). Аналогичная пряжка без язычка (рис. 2,4) была найдена на поясе погребения № 8 того же склепа. Этот тип пряжек датируется VII — началом VIII вв. [Айбабин, Хайрединова 2014, с. 10].

В заполнении камеры склепа № 12 были найдены две золотые бляшки треугольной формы из спаянных рифленых трубочек (цветная вклейка рис. 2,6), характерные для женских погребений второй половины VI — третьей четверти VII вв. [Хайрединова 2017, с. 70].

Редкая для Крыма бронзовая шарнирная пряжка с овальной рамкой и щитком в виде трех соединенных колец (цветная вклейка рис. 2,2) была найдена на поясе погребения № 1 в склепе № 15. Аналоги ей известны в склепе 23 Адым-чокракского могильника [Bemmann et al. 2013, s. 156-157, abb. 9,1] и Симеизском склепе 1955 г. [Турова 2012, с. 80, рис. 2,16]. В. Б. Ковалевская относит близкие по форме пряжки к типу 24 своей классификации и датирует VIII—IX вв. [Ковалевская 1979, с. 30, табл. XII,14]. Отметим морфологическое сходство описанного предмета с пряжками типа «Коринф» второй половины VIII — начала IX вв. [Айбабин, Хайрединова 2008, с. 63–64].

В заполнении склепа № 21 была найдена бронзовая серьга с полукруглым щитком с пятью напаянными шариками и изображением павлинов (цветная вклейка рис. 2,9). Подобные предметы известны в Лучистом, в погребальных комплексах IX в. [Айбабин, Хайрединова 2008, с. 67, рис. 32,13; 33,9–10]. Вероятно, этим же временем датируется морфологически близкая серьга из того же склепа, украшенная концентрическим орнаментом (цветная вклейка рис. 2,10).

В результате исследований Верхореченского могильника в 2018 г. были установлены западная и восточная границы памятника, выявлен ряд особенностей погребального обряда. Предварительный анализ погребального инвентаря позволяет определить время функционирования могильника в пределах второй половины VI — IX вв.

Литература

1. Айбабин А.И. Салтовские поясные наборы из Крыма // Советская археология. 1977. № 1. С. 225–239.
2. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1990. Вып. I. С. 3–86.

3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Том I. Раскопки 1972, 1982–1984 гг. Симферополь, Керчь, 2008. 336 с. (Боспорские исследования. Suppl. 4).

4. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Том II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 гг. Симферополь, Керчь, 2014. 400 с. (Боспорские исследования. Suppl. 14).

5. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.

6. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 201 с.

7. Волошинов А.А. Раннесредневековый склеп на могильнике у с. Верхоречье Бахчисарайского района // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2005. Вып. XI. С. 252–257.

8. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV – IX вв. Пряжки. М.: Наука, 1979. 112 с. (Свод археологических источников. Вып. E1-2).

9. Науменко В.Е. Амфоры. Высокогорные кувшины с широкими плоскими ручками. Фляги. Столовая посуда // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII – X вв. Киев: АДЕФ-Украина, 2009. С. 35–64.

10. Турова Н.П. Симеизский склеп 1955 г. // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах. Донецк: Донбасс, 2012. № 28. С. 171–184.

11. Хайрединова Э.А. Парадный убор жителя раннесредневекового Дороса (по находкам из Тешкли-бурунского клада Мангупского городища) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2017. Вып. XXII. С. 62–88.

12. Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1970. № 168. 224 с.

13. Bemmann J., Schneider K., Gercen A.G., Černyš S., Mączyńska M., Urbaniak A., von Freden U. Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuss des Mangup – Ein Vorbericht // Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches / Hrsg. S. Albrecht, F. Daim, M. Herdick. Mainz: RGZM, 2013. S. 147–166.

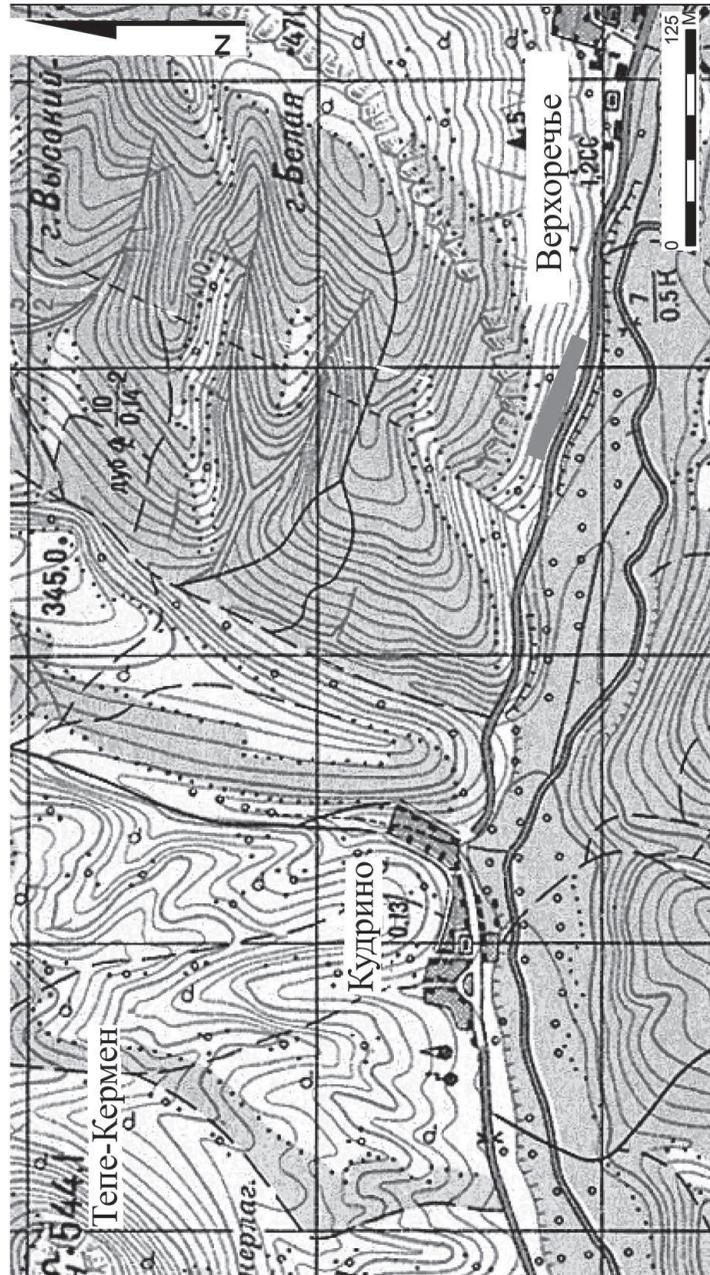

Рис. 1. Карта месторасположения Верхореченского могильника.

И. А. Завадская

Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Строительная керамика как хроноиндикатор (по материалам раскопок средневекового квартала на городище Эски-Кермена)¹

Строительная керамика, а именно кровельная черепица, принадлежит к числу самых массовых археологических находок при раскопках средневековых памятников Крыма. Как правило, она попадает в руки археологов сильно фрагментированной и требуется немало времени и труда, чтобы из множества оббитых кусков сложить более или менее целые формы. Главным образом из-за сложностей, связанных с обработкой, изучением и хранением многочисленного, на первый взгляд однородного и малоинтересного материала, черепица редко изучается специально, не всегда должным образом фиксируется, еще реже публикуется. Отношение к ней как к малоинформативному, «второстепенному» материалу приводит к тому, что она продолжает оставаться малоизученной и, как правило, не используется в качестве датирующего источника. Средневековая черепица датируется в лучшем случае несколькими веками, что на данном этапе вполне оправдано, так как ее хронология практически не разработана.

Проблемы датировки строительной керамики обусловлены также рядом других, как субъективных, так и объективных факторов, в частности отсутствием детально изученных мест производства (мастерских, обжигательных печей) и сравнительно длительным периодом использования самой черепицы. Тем не менее, тщательное изучение и фиксация строительной керамики на близких по времени и культурной принадлежности памятниках позволит, надеюсь, в не очень отдаленном будущем значительно уточнить хронологические рамки появления и бытования хотя бы отдельных групп крымской средневековой черепицы. Одним из таких памятников является Эски-Кермен.

Современные раскопки средневекового городища на плато Эски-Кермен с некоторыми перерывами проводятся с 2003 г. под руководством

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00314 «Средневековый город на плато Эски-Кермен в Горном Крыму».

А. И. Айбабина, с 2015 г. под совместным руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой². В результате систематических комплексных исследований в течение 11 полевых сезонов (2003–2008, 2013, 2015–2018 гг.) впервые на эски-керменском городище практически полностью открыт жилой квартал 1, гибель которого А. И. Айбабин относит к концу XIII в. и связывает с набегом Ногая в 1299 г. [Айбабин 2014, с. 249–250; Айбабин, Хайрединова 2016].

Открытые в квартале помещения, принадлежавшие нескольким усадьбам, были покрыты керамической черепицей, фрагменты которой составляют самую многочисленную категорию находок. Благодаря грамотно организованной и слаженной работе на всех этапах проведения археологических исследований, четкому соблюдению методики раскопок и предельно бережному отношению ко всем категориям археологического материала со стороны руководителей и всех участников раскопок, были созданы условия для специального детального изучения строительной керамики. В течение 10 сезонов зафиксировано более 118,3 тыс. черепичных фрагментов. В ходе камеральной обработки разработана самостоятельная классификация средневековой черепицы, обнаруженной на Эски-Кермене [Завадская 2008; Завадская 2010]. Тщательная послойная фиксация строительной керамики при раскопках позволяет проводить ее статистический анализ и в определенной степени реконструировать состав крыш помещений квартальных усадеб. Важные данные получены также по проблеме датировки черепицы разных групп.

Особую значимость для установления хронологии строительной керамики представляет материал и характер заполнений скальных вырубков на хозяйственной территории между усадьбами I и II, раскопанной в 2006 и 2007 гг. Речь идет о ямах 3 и 4, хранилищах 1 и 8, подвалах 4 и 5. Судя по керамическому материалу из их заполнений и некоторым стратиграфическим данным, эти вырубки были засыпаны в разное время.

Раньше всех были сnivelированы ямы 3 и 4, над которыми возвели одну из стен усадьбы II и северо-западную стену часовни. По находкам гончарной керамики, их засыпь датируется временем не ранее середины X — XI вв. [Завадская, Голофаст 2018]. По наиболее поздним типам тарной и столовой посуды определяется также время засыпки и других вырубков: хранилища 1 и подвала 5 — не ранее XII в., хранилища 8 — не ранее конца XII в. и подвала 4 — не ранее второй половины XIII в. [там же]. Характер заполнения подвала 4, аналогичный слою разрушения на территории двора и остальной части квартала, свидетельствует о том, что этот подвал был засыпан в результате разрушения квартала, т.е. в конце XIII в.

Существенные отличия в заполнениях указанных вырубков имеет и состав черепицы. Абсолютно все группы строительной керамики,

² Выражаю искреннюю благодарность руководителям раскопок за возможность изучать и публиковать строительную керамику Эски-Кермена.

известные по раскопкам эски-керменского квартала, зафиксированы только в подвале 4. Больше трети от всех фрагментов керамид из его заполнения принадлежало 1-й группе по херсонесской классификации (далее ХК) (483 фр., 31,3%). Следующими в количественном отношении были группы по эски-керменской классификации: IV (23,5%), Iб (16,2%), Ia (14,3%), II (12,1%) и III (2,4%). Большинство фрагментов калиптеров относится к группе Ia (80%).

Строительная керамика из ям 3 и 4, хранилищ 1 и 8 и подвала 5 состояла из небольших сильно оббитых фрагментов, основная масса которых (94–96,5%) принадлежит керамидам групп Iб, II, III и IV, из которых наиболее многочисленна группа IV (от 34,8% в хранилище 8 до 73,7% в яме 3). Фрагменты черепиц 1-й группы по ХК и группы Ia полностью отсутствовали в заполнениях ям 3 и 4; их единичные обломки в верхних слоях хранилищ 1, 8 и подвала 5 уверенно можно считать случайными.

Таким образом, материал из заполнений указанных вырубков свидетельствует о том, что черепица групп Iб, II, III и IV по эски-керменской классификации уже использовалась в исследуемом квартале во второй половине X или в XI в. Появление в этом квартале черепицы групп Ia по эски-керменской классификации и 1-й группы по ХК следует относить ко времени не ранее конца XII в., а возможно и к XIII в.

Согласно новейшим данным, черепица группы Ia производилась в керамическом центре Илька-2, открытом и частично исследованном в округе Мангунского городища под руководством В. Е. Науменко в 2010–2013 гг. [Науменко и др. 2012, с. 52–54; Завадская 2017, с. 184]. Центр производства черепицы 1-й группы по ХК пока не обнаружен, однако с большой долей вероятности можно предполагать, что ее изготавливали на территории Херсона или в его округе [Романчук и др. 1995, с. 82–84; Завадская 2017а, с. 148].

Появление черепицы этих двух групп в эски-керменском квартале связано с последней реконструкцией крыш помещений всех его усадеб, в ходе которой «старую» черепицу (группы Iб, II, III и IV) перебрали и дополнили ее вновь привезенной (группа Ia и 1-я группа по ХК). В большинстве усадеб «старая» черепица составляла более половины всего кровельного материала, что свидетельствует о бережном отношении к строительной керамике и о длительном ее использовании.

Таким образом, материалы раскопок эски-керменского квартала позволяют определить периоды использования строительных материалов разных групп. Не исключено, что они очень близки ко времени начала их производства. Однако это предположение должно быть подтверждено раскопками других кварталов Эски-Кермена и средневековых городищ Юго-Западного Крыма. Тем не менее, с учетом указанных обстоятельств черепица разных групп из раскопок квартала на городище Эски-Кермен вполне может быть использована в качестве хроноин-

Литература

1. Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
2. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Предварительные итоги археологических исследований городища Эски-Кермен в 2016 г. // *IV Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений научной конференции* (г. Бахчисарай, 8–9 сентября 2016 г.). Бахчисарай, 2016. С. 4–5.
3. Завадская И.А. Серии черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003–2005 гг.) // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2008. Вып. XIV. С. 291–315.
4. Завадская И.А. Проблемы изучения кровельного материала средневековых центров Юго-Западного Крыма // *Труды Государственного Эрмитажа*. 2010. Вып. LIII: Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. Материалы международного семинара 17–21 ноября 2009 года. С. 254–268.
5. Завадская И.А. Черепица группы Ia на Эски-Кермене: к вопросу о месте производства // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2017. Вып. XXII. С. 158–184.
6. Завадская И.А. О торговых связях города на плато Эски-Кермен с Херсоном (по материалам строительной керамики) // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. 2017а. Вып. 9. С. 145–164.
7. Завадская И.А., Голофаст Л.А. Керамические комплексы хозяйственных вырубков в квартале 1 на городище Эски-Кермен (раскопки 2006 и 2007 гг.) // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2018. Вып. XXIII.
8. Науменко В.Е., Моисеев Д.А., Смекалова Т.Н., Чудин А.В. Новые средневековые гончарные центры в округе Мангупского городища (предварительные результаты комплексных археологических и геофизических исследований) // *Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции* (Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 30 сентября – 5 октября 2012 г.). Севастополь, 2012. С. 52–54.
9. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1995. 170 с.

В. Н. Зинько, Е. А. Зинько, А. В. Зинько

*Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)*

Боспорский город Тиритака в ранневизантийское время¹

В IV в. на территории европейской части Боспорского царства осталось, помимо столицы Пантикалея-Боспора, всего два города — Китей и Тиритака. Несмотря на определенное запустение, связанное с походами варваров, в IV—VI вв. Тиритака, судя по проведенным раскопкам, оставалась важным центром в южной части европейского побережья Боспора Киммерийского. Кварталы, открытые В. Ф. Гайдукевичем в южной и восточной припортовых частях города, сохранили регулярную застройку и прежнее направление основных улиц [Гайдукевич 1952; Гайдукевич 1958]. По его мнению, Тиритака в это время представляет собою «совершенно оригинальный тип боспорского города, значительная часть территории которого была занята производственно-хозяйственными постройками» [Гайдукевич 1949, с. 173]. С севера на юг проходила лишь одна основная уличная магистраль, по обеим сторонам которой располагались жилые дома, принадлежащие тиритакским рыбопромышленникам и виноделам, а вся остальная площадь города была занята, главным образом, производственными постройками [Гайдукевич 1949, с. 378].

В последнее десятилетие постройки IV—VI вв. впервые были исследованы нами и в центральной части верхнего города [Зинько В. и др. 2004; 2005; 2006; 2008]. Они дают сведения о более сложной планировке Тиритаки, чем предполагал В. Ф. Гайдукевич. Так, на раскопе XXVI (рис. 1), площадью более 1 тыс. кв. м, были раскопаны фрагменты нескольких улиц и постройки различного назначения, в основе своей повторяющие городскую планировку, заложенную еще в архаическую эпоху. Здания располагались на двух разноуровневых террасах, ориентированных по линии северо-восток — юго-запад. Верхнюю террасу с юго-запада ограничивала стена шириной 0,8–1,0 м, а с северо-востока примыкает улица шириной до 2 м, вымощенная обломками амфорной тары. Улица функционировала довольно долго, на это указывает два

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

уровня керамической мостовой, а также материалы из развала, перекрывшего улицу, датированные не ранее третьей четверти VI в. [Зинько А. 2008, с. 329].

К западу от улицы находилась большая жилищно-хозяйственная постройка площадью около 300 кв. м, состоящая из нескольких помещений, двух комплексов цистерн и хозяйственного двора. В восточной части двора усадьбы находился рыбозасолочный комплекс (КРЦ-9) из трех цистерн. При расчистке пола в северной цистерне был обнаружен слой костных остатков керченской сельди. Вероятно, эти цистерны были предназначены для производства рыбных соусов наподобие римского гарума [Зинько А. 2006, с. 182]. Археологический материал из заполнения КРЦ-9 показывает, что две цистерны этого комплекса, северная и центральная, перестали функционировать во второй половине III в. Третья, южная, цистерна размерами 2,5х2,48 м и глубиной всего 2,5 м оказалась частично перестроенной и, судя по найденному в ней керамическому материалу, продолжала существовать вплоть до второй половины V в. Эту реконструкцию, с возведением новой уменьшившей объем южной цистерны стены, можно датировать началом IV в. [Зинько В., Зинько А. 2006, с. 12]. С западной стороны от ворот этой усадьбы в начале VI в. возводится комплекс для обработки кожи, состоящий из четырех небольших ванн. Средние размеры резервуаров составляют 2,0х0,80 м, а размеры отстойников 0,86х0,80 м. Судя по находкам керамики, этот комплекс ванн, как и сама городская усадьба, просуществовал до третьей четверти VI в. [Зинько А. 2010].

В восточной части раскопа XXVI находилось еще несколько городских усадеб, от которых сохранились фрагменты стен одно- и двухкамерных построек, а также остатки винодельни и хозяйственные дворы с зерновыми ямами. Часть комплексов была сооружена еще в первые века, а остальные — в середине — второй половине V в. [Зинько А. 2008, с. 334]. Серединой V — третьей четвертью VI вв. датируются многочисленные хозяйственные ямы, среди которых некоторые были ямами-зернохранилищами, обложенными камнем и имевшими каменные оголовки с крышками. В заполнении ям обнаружены многочисленные фрагменты амфор, краснолаковых мисок и кубков, стеклянных сосудов. Во дворах стояли вкопанные в землю пифосы и большие боспорские амфоры [Зинько В., Зинько А. 2008, с. 94].

В результате археологических исследований установлено, что в основе планировки Тиритаки в IV—VI вв., как и в предшествующие эпохи, была городская усадьба, состоящая из жилого дома и расположенных во дворе хозяйственных комплексов. Размеры тиритакских усадеб были сравнительно невелики — от 160 до 300 кв. м. Все это свидетельствует о том, что здесь проживало достаточно однородное городское население, сравнительно невысокого достатка. Жилищно-хозяйственные постройки блокировались в кварталы и занимали всю городскую

территорию общей площадью до 10 га, ограниченную крепостными стенами, капитально перестроенными еще в I в. Основными занятиями жителей этого боспорского города были рыбный промысел и сельское хозяйство, а также некоторые ремесла.

На основании раскопок последних лет установлено, что своеобразной градостроительной доминантой в центральной части верхнего города являлось большое культовое здание (рис. 2). Неоднократные перестройки уничтожили большую часть культовых предметов из святилища, поэтому сложно утверждать, каких языческих божеств в нем почитали [Зинько А. 2008, с. 332]. Святилище функционировало несколько столетий и было заброшено лишь во второй половине V в. Это следует связывать с тем, что в последней трети V в. христианство становится государственной религией Боспорского царства. Именно с этого времени появляются бесспорные материальные свидетельства присутствия христиан среди жителей боспорского города Тиритака, вероятно, организованных в самостоятельную христианскую общину. События, связанные с принятием боспорской правящей верхушкой христианства в лице царя Тиберия Юлия Дуптуна, коренным образом изменили публичную религиозную практику. Забрасываются старые святилища и с помощью Византии начинается строительство христианских базилик в боспорских городах. В то же время в частной жизни, в той или иной степени, сохранились и прежние языческие обряды. Поэтому период второй половины V — начала VI вв. можно рассматривать как время перехода общественной культовой жизни от языческих обрядов к христианским литургиям [Зинько Е. 2003, с. 114].

Среди раннехристианских храмов Боспора наиболее хорошо, с археологической точки зрения, сохранилась трехнефная базилика в юго-восточной части города Тиритака. Базилика была построена в нижней части города на месте разрушенного рыбозасолочного комплекса первых веков. На сновании уцелевших частей здания установлено, что базилика была трехнефная, ориентированная на восток — юго-восток. Внутренние размеры базилики следующие: ширина 9 м, длина до алтарной части около 10,2 м, ширина среднего нефа 4,75 м, ширина боковых нефов 1,35 м. Тем самым, по площади она была лишь немногим больше, чем заброшенное несколькими десятилетиями ранее языческое святилище в верхнем городе. Стены базилики и фундаменты сложены из местного известняка в виде грубо обработанных квадров или просто бута. Многочисленные обломки говорят о том, что некоторые части этого здания были сложены из кирпичей-плинф, а кровля была черепичная [Гайдукевич 1952, с. 70]. Долгое время предполагалось, что алтарная часть была пристроена на отдельных фундаментах впритык к основному корпусу здания базилики. Однако при расчистке фундамента постройки в 2007 г. нам удалось установить, что с восточной стороны находилась не пристройка, а два контрфорса, в толще же

очень массивной восточной стены была устроена небольшая овальная ниша-апсида. При исследовании базилики В. Ф. Гайдукевичем были обнаружены в большом количестве обломки мраморных архитектурных деталей, которые позволяют датировать эту постройку в пределах второй половины или конца V — начала VI вв. [Гайдукевич 1952, с. 71]. Все это дает основание выдвинуть предположение, что лишь с конца V в. начинается активная христианизация жителей Тиритаки. Причем ведущую роль в этом процессе играла Византия, за средства которой, вероятнее всего, и была построена тиритакская базилика для христианской общины города.

В начале VI в. Византийская империя активизирует свою политику в Крыму, в том числе и на Боспоре Киммерийском. Материалы археологических раскопок свидетельствуют о сохранении во время Юстиниана прежней планировки и границ города Тиритака. В первой половине VI в. строительство ведется в центральной части города, где перестраиваются дома и возводятся новые производственные и хозяйственные постройки [Зинько А. 2008, с. 333–334]. Однако уже не строятся большие рыбоперерабатывающие комплексы, отмечены лишь небольшие отдельно стоящие цистерны, рассчитанные для соления рыбы для личных нужд. Во дворах и постройках городских усадеб Тиритаки исследовано значительное количество хозяйственных ям и керамических пифосов, которые служили для хранения зерна, вина и рыбы. Для этого периода жизни города характерно наличие среди столовой керамики большого количества краснолаковой посуды с изображением христианских символов, в первую очередь креста, а также полное исчезновение терракотовых статуэток языческих божеств. Кроме того, в 2012 г. при раскопках в западной части города на мраморной доске была обнаружена надгробная эпитафия церковного чтеца Феодора, которая датируется VI в. Она свидетельствует о высоком иерархическом статусе предостоятеля христианской общины Тиритаки. Это первая находка христианского надгробия для этого боспорского города.

Судя археологическим материалам и немногочисленным эпиграфическим источникам, подавляющее большинство населения Тиритаки в IV—VI вв. составляли, как и ранее, боспорские греки, в основной массе невысокого достатка, занятого в рыболовстве и сельскохозяйственном производстве, а также ремесле и мелкой торговле. Можно также предполагать, что самые большие городские усадьбы с производственными и хозяйственными постройками могли принадлежать незначительной по численности социальной верхушке из среды зажиточных горожан. В последней трети V в., после официального принятия Боспорским царством христианства в качестве государственной религии, церковь начинает играть определяющую роль в жизни и окончательно оформляется тиритакская христианская община. С этого времени в городскую верхушку, вероятно, вошли и представители клира. Заканчива-

ется этот период тюркским погромом 576 г., в ходе которого Тиритака сильно пострадала, однако жизнь в ней продолжалась еще несколько десятилетий.

Литература

1. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М., Л., 1949.
2. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л., 1952. № 25. С. 15–134.
3. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л., 1958. № 85. С. 149–218.
4. Зинько А. В. Рыболовный промысел в Тиритаке в III в. н.э. // Боспорские исследования. 2006. Вып. XI. С. 177–186.
5. Зинько А. В. Боспорский город Тиритака в ранневизантийскую эпоху. По материалам раскопок 2002–2005 гг. // Труды Государственного Эрмитажа. 2008. Вып. XLII. Византия в контексте мировой культуры. С. 329–337.
6. Зинько А. В. О кожевенном деле в боспорском городе Тиритака // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010. С. 145–150.
7. Зинько В. Н., Зинько А. В. Ранневизантийские слои Тиритаки (по материалам раскопок 2002–2005 гг.) // Византия в контексте мировой культуры. Тезисы докладов. СПб., 2006. С. 12–13.
8. Зинько В. Н., Зинько А. В. Тиритака в V–VI вв. н.э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2008. Вып. XIV. С. 91–102.
9. Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю., Зинько А. В. Исследования хоры Нимфея и городища Тиритака // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. Київ, 2004. С. 129–133.
10. Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю., Зинько А. В. Археологические исследования хоры Нимфейского полиса и боспорского города Тиритака в 2004 г. // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. Запоріжжя, 2005. С. 129–133.
11. Зинько Е. А. Христианские мотивы в росписях пантикапейских склепов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2003. Вып. X. С. 78–89.
12. Зинько Е. А. Процесс христианизации Боспорского царства // Боспорские исследования. 2010. Вып. XXIII. С. 424–433.
13. Зинько Е. А., Зинько В. Н., Зинько А. В. Основные проблемы этно-политической истории Европейского Боспора в V в. н.э. // Terra barbarica. Lodz, Warszawa, 2010. P. 631–643.
14. Зинько Е. А., Зинько В. Н. Процесс христианизации населения боспорского города Тиритака // Труды Государственного Эрмитажа. 2015. Т. LXXIV. Византия в контексте мировой культуры. С. 377–388.

Рис. 1. Раскоп XXVI в центральной части Тиритаки. Вид с запада.

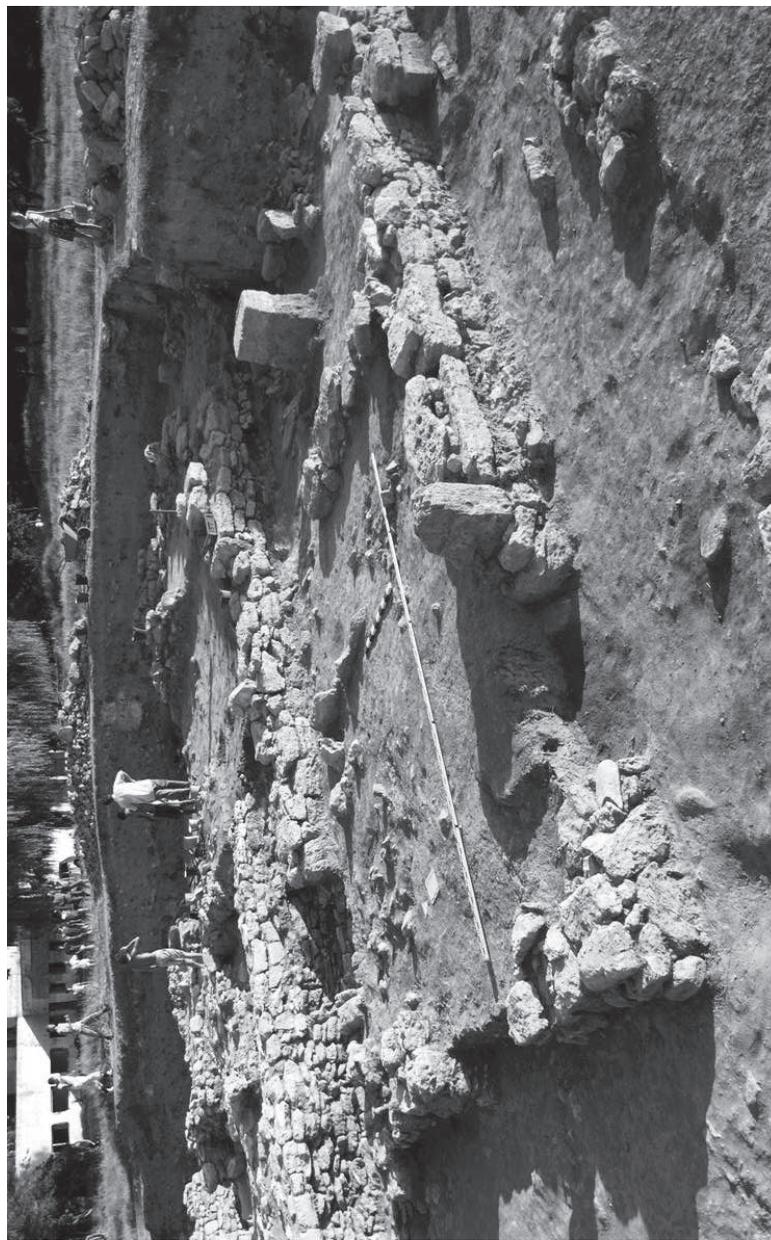

Рис. 2. Здание святилища на раскопе XXVI. Вид с юго-востока.

М. М. Казанский

Национальный центр научных исследований (CNRS) (Париж, Франция)

О поясах с накладными узкими пластинами из могильника Лучистое

На могильнике Лучистое в двух случаях обнаружены пояса с накладными узкими пластинами конца IV — первой половины V в.: в склепе 100 [Айбабин, Хайрединова 2001, с. 76, рис. 6,14,15] и могиле 168 [Айбабин 2002] (рис. 1). А. И. Айбабиным определены даты и круг аналогий этих крымских поясов, здесь пойдет речь о возможном источнике их распространения.

Особое внимание привлекают находки на территории Римской империи, в первую очередь в районе пограничья с европейским Барбарикумом [Kazanski 1993, p. 121–124]. Среди них надо назвать погребение женщины с младенцем в некрополе пограничной крепости Vindonissa (сейчас Windisch-Oberburg, в Швейцарии), содержавшее такой пояс, а также малую пряжку с хоботковым язычком и прямоугольным щитком и центральноевропейскую фибулу типа Гросс Умштадт второй трети V в. (рис. 2,7–9) [Hartmann 1981; Kazanski 1993, p. 122]. Похожее погребение было найдено, довольно далеко от лимеса, в Лионе, на могильнике Сент-Иренэ (Saint-Iréné). Здесь в захоронении 46 обнаружен серебряный пояс с двумя прямоугольными пряжками и 15 накладками (рис. 2,1–3), находившийся под спиной погребенного, а также малая пряжка, аналогичная найденной в Виндониссе [Colardelle, Reynaud 1981, pl. 9,46; Kazanski 1993, p. 121, 122]. Недавно такой пояс был обнаружен на нормандском могильнике Эвреси (Évrecy), в зоне морского пограничья (litus Saxonicum), в погребении начала V в. (рис. 2,12,13). Захороненный там мужчина был убит ударом топора по голове [Thormann 2018, p. 65]. Для более восточных территорий подобный пояс с богатым декором был найден на территории Паннонии, в комитате Толна (Tolna), обстоятельства находки неизвестны (рис. 2,4–6) [Fettich 1953, pl. 57,4–13; Bóna 2002, fig. 6,3].

За пределами собственно Империи, но на территориях с ней связанных военно-политически, необходимо отметить две находки. Это, прежде всего, знаменитый шотландский клад Трапрейн Ло (Traiprain Law), содержавший монеты 364–378, 379–392 и 395–425 гг., а также большое количество римской серебряной посуды. Считается, что со-

кровище принадлежит местному вождю — союзнику Рима. Из клада происходит богато декорированный серебряный пояс с узкими прямоугольными накладками и прямоугольной пряжкой. Так же как в Видониссе и Лионе, в состав находки входит малая пряжка с хоботковым язычком и прямоугольной обоймой (рис. 2,10,11) [Curle 1923, pl. 23,147; хорошее фото: Levada 2013, fig. 9,3,4]. Еще один пояс близкой конструкции, но с несколько иными накладками, был обнаружен в погребении 44 могильника Шапка-Абгыздраху в Абхазии. Погребение датируется концом IV — первой половиной V в. и принадлежало знатному воину [Трапш 1975, рис. 46,1].

Пояса с узкими накладками в эпоху переселения народов широко распространяются в Восточной Европе, особенно в Волго-Уральском регионе. Известны они и в погребениях кочевников гуннского времени степного пояса Евразии, например, в таких известных погребениях как Кубей в Бессарабии, Федоровка на Нижней Волге или Канатгас в Казахстане. Из территориально близких Крыму находок можно назвать пояс из Капуловки, на нижнем Днепре [Kazanski 1993, p. 121–124]. При этом пояса с прямоугольными пряжками, как в погребении из Лучистого (могила 168), доминируют среди находок на территории Империи или на ее границах, в то время как в Восточной Европе наиболее распространены пояса с овальными пряжками [Kazanski 1993, p. 121–124]. Впрочем, имеются на востоке и экземпляры с прямоугольной пряжкой, например, в Канатгасе [Kazanski 1993, fig. 3,4; Bóna 2002, fig. 6,1/3].

Поскольку самые роскошные пояса этого типа встречены, в первую очередь, в зоне римского пограничья, реже — внутри Империи (Толна, Трапрейн, Лион), то можно предполагать, что они распространяются под влиянием «лимесной» моды, охватывавшей как население римских провинций, так и варваров. Декор этих поясов восходит к римскому, а среди римских поясных гарнитур имеются и прямые прототипы данной конструкции — это находки из Алтенштадта (Altenstadt), Кайзерогста (Kaiseraugst), Майнца (Mainz-Greifenglausstrasse). Наконец, на прямоугольной пряжке из Трапрейна есть греческие буквы [Kazanski 1993, p. 122]. Впрочем, в том что касается происхождения данных поясов, следует проявлять осторожность, поскольку похожие гарнитур есть и у варваров римского времени, в частности у западных балтов и германцев [Kazanski 1993, p. 122].

В заключение стоит отметить, что вопрос выявления особой пограничной культуры эпохи переселения народов пока внятно не ставился. Тем не менее, широкое распространение у варваров некоторых элементов материальной культуры, скорее всего, римского происхождения, таких как например фибулы-цикады, серьги с полиэдрической подвеской или умбоны щитов с продольными каннелюрами на калотте, свидетельствует о важности вклада лимеса в формирование общеевропейской цивилизации эпохи переселения народов.

Литература

1. Айбабин А.И. Поясной набор с пуансонным орнаментом из Лучистого // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2002. Вып. IX. С. 37–52.
2. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Новые ранние комплексы из могильника у с. Лучистое в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2001. Вып. VIII. С. 74–90.
3. Трапи М.М. Труды. Том третий. Культура цебельдинских некрополей. Тбилиси: Мецниереба, 1975. 312 с.
4. Bóna I. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe IVe–Ve siècle. Paris: Errance, 2002. 240 p.
5. Curle A. The Treasure of Traprain, a Scottish Hoard of Roman Silver Plate. Glasgow: Maclehose, Jackson & Co, 1923. 63 p.
6. Colardelle M., Reynaud J.-F. (Eds.), Des Burgondes à Bayard. Mille ans du Moyen âge. Grenoble: Centre d'Archéologie historique des Musées de Grenoble et de l'Isère, 1981. 240 p.
7. Fettich N. La trouvaille de tombe princière hunnique a Szeged-Nagyszéksós. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1953. 203 p.
8. Hartmann M. La nécropole de Windish-Oberburg // A l'aube de la France. La Gaule de Constantin à Childéric. Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux, 1981. P. 136–137.
9. Kazanski M. Les objets orientaux de l'époque des Grandes Migrations découverts dans le couloir rhodanien // Antiquités nationales. 1993. 23. P. 119–127.
10. Levada M. Sösdala: the Problem of Singling out an Artistic Style // Khrapunov I., Sylegard F.-A. (eds.), Inter ambo maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea. Kristiansand, Simferopol: Dolya, 2013. P. 213–235.
11. Thormann A. La nécropole d'Evecy au Bas-Empire // Berthelot S., Hincker V. (Eds.), Vous avez dit Barbares 7 Archéologie des temps mérovingiens en Normandie, Ve–VIIIe siècle. Caen: Musée de Normandie – Snoeck, 2018. P. 64–65.

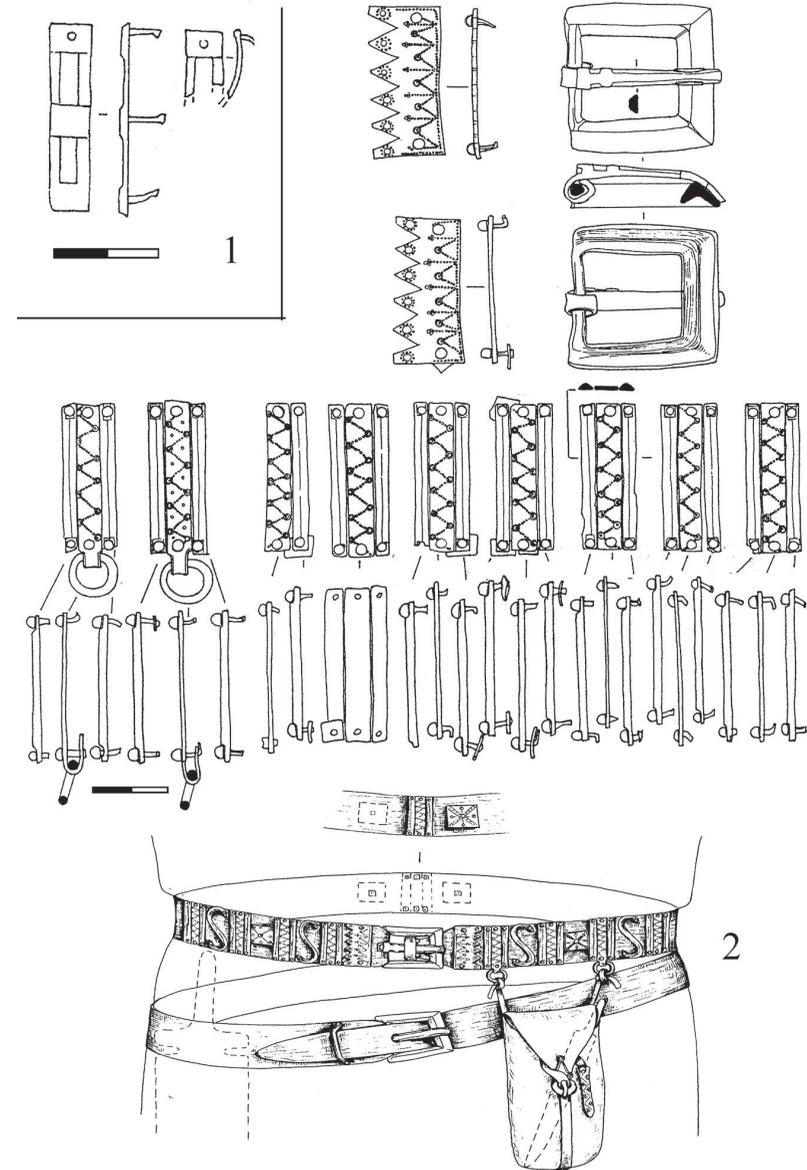

Рис. 1. Находки поясов из могильника Лучистое: 1 – склеп 100, 2 – могила 168 [по: Айбабин, Хайрединова 2001, рис. 6,14,15; Айбабин 2002, рис. 4,5]

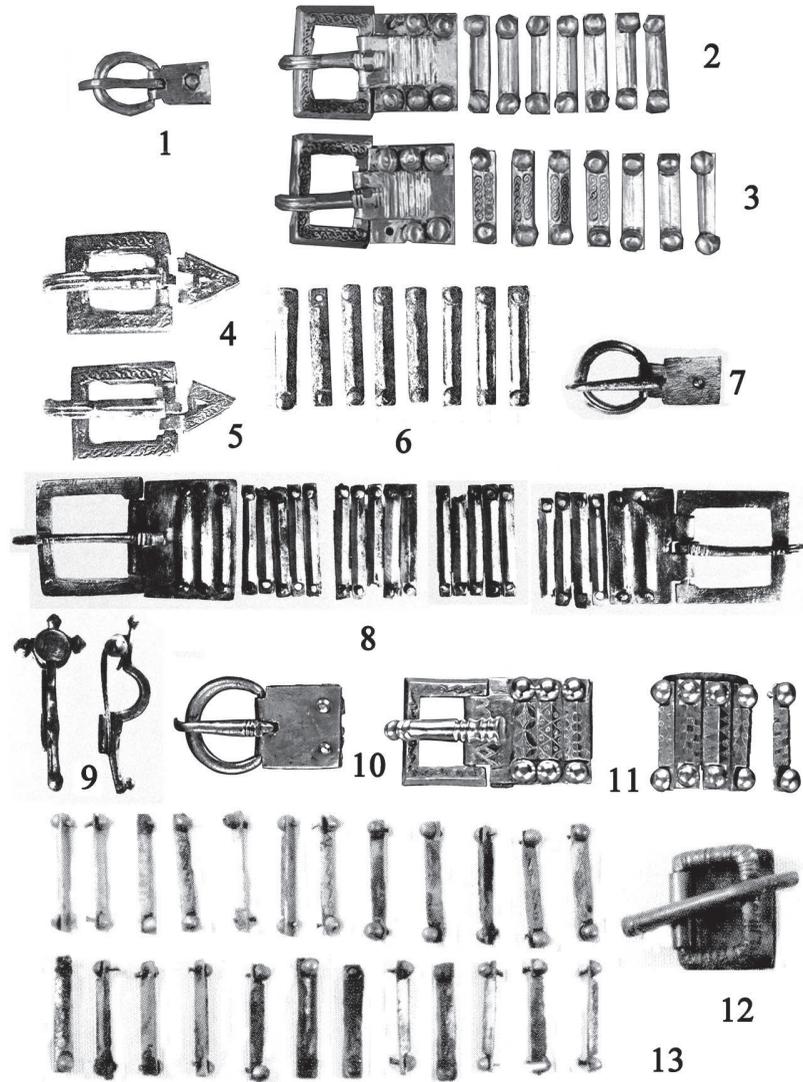

Рис. 2. Параллели, происходящие с территории Римской империи и римского пограничья: 1-3 – Лион-Сент-Иренз; 4-6 – Комитат Толна; 7-9 – Виндонисса; 10, 11 – Трапрейн Ло; 12, 13 – Эвесу [по: 1-3 – Colardelle, Reynaud 1981, pl. 9,46; 4-6 – Fettich 1953, pl. 57,4-13; 7-9 – Hartmann 1981, fig. 91; 10, 11 – Levada 2013, fig. 9,3,4; 12, 13 – Thormann 2018, p. 65]

А. Е. Катюшин

Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Разведки южных окрестностей Эски-Кермена в 2018 г. (к вопросу о водоснабжении городища)¹

Трудно переоценить значение самовозобновляемого источника питьевой воды на территории любого населенного пункта, а наличие достаточных водных запасов в осаждаемой крепости — фактор критический. И в этом вопросе защитники средневекового городища Эски-Кермен находились в незавидном положении, поскольку на плато городища отсутствовали родники (в отличие от, например, городища Мангуп-Кале, где имеются источники в пределах Главной линии обороны [Герцен 1990, с. 90, 104–105]). Частично проблема была решена постройкой так называемого Осадного колодца, прорубленного в толще известняковой скалы на восточном обрыве плато [Репников 1939–1940, с. 110–114; Эрнст 1929, с. 37]. Однако мощности этого источника вряд ли было достаточно для жителей Эски-Кермена в период его расцвета.

В конце 20–30-х гг. XX в. силами Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) были предприняты масштабные полевые обследования крымских древностей. В ходе исследований была проявлена заинтересованность историческими объектами не только в историко-археологическом контексте, но и в области применения добытых данных в народном хозяйстве СССР (конкретно это проявилось, например, в сотрудничестве ГАИМК с Всесоюзным научным инженерно-техническим обществом водоснабжения и санитарной техники в 1934–1935 гг. при исследованиях окрестностей Феодосии [Ахмадеева 2018, с. 27]). Значительное внимание было уделено поискам элементов водоснабжения Эски-Кермена и его округа: в 1929 году водопроводные гончарные трубы были обнаружены «в балке у южного склона Эски-Кермена при обработке баштанов» (скорее всего, это место приблизительно локализуется в пределах современного персикового сада, находящегося в долине под Южными воротами). Трубы были расположены по линии север — юг, что позволило исследователям опре-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00314 «Средневековый город на плато Эски-Кермен в Горном Крыму».

делить точкой начала этого трубопровода водоносную балку Бильдеран (Бильдран), где, в 1,2 км к югу от Южных ворот, бил мощный родник. В 127 м от источника был сделан перерезающий балку шурф, в ходе раскопок которого выявлен водопровод из 27 керамических труб, соединенных с помощью известкового раствора, уложенных в специально облицованную траншею и пересыпанных песком. По данным Н. И. Репникова, направление трубопровода составило 325 градуса 30 минут от юга к северу, уклон на месте разведки — 5 градусов. Это позволило исследователю предположить, что водопровод продолжался на протяжении около 2 км и подходил к началу древней дороги на городище (видимо, у Южных ворот) [Репников 1932, с. 132]. В последующие годы Н. И. Репников изучил сам источник. По данным исследователя, первоначальный каптаж родника состоял из крупных тесаных камней, среди которых попадались «камни с закладными крестами типа V–VI вв.». Позднее каптаж неоднократно перестраивался, а в начале второй половины XIX в., в разгар Крымской войны, там стоял лагерь французских войск и при роднике был сделан резервуар для водопоя лошадей [Репников 1939–1940, с. 67–69].

Летом 2018 г. во время очередных археологических исследований на плато Эски-Кермен, проводимых сотрудниками Института археологии Крыма и КФУ им. В.И. Вернадского, автор данной заметки, вооружась GPS-навигатором, предпринял пешую вылазку к роднику Бильдран-Чокрак. Целью разведки было определение высоты объектов над уровнем моря для создания относительной шкалы высот этих объектов. Было взято облако точек у родника и на пути от родника к Южным воротам. Следует отметить, что метод взятия точек через ручной туристический GPS-навигатор несовершенен из-за капризов и неточностей самого прибора, но выигрывает в скорости ориентирования, если сравнивать его с использованием более точных инструментов, например, Total Station. В данной заметке приведена спутниковая карта-фотография Эски-Кермена с несколькими точками, высота которых измерена относительно отправного объекта — родника Бильдран-Чокрак, причем сам родник маркирован цифрой «0», а все остальные точки, находящиеся ниже него, маркированы знаком «-» и цифрой, обозначающей метры (рис. 1).

В итоге предварительного сведения высот Бильдран-Чокрака и Южных ворот, а также прилегающей к этим объектам местности, можно утверждать, что и южная часть Эски-Кермена, и склоны горы на, без малого, 60 метров (иногда и существенно больше) ниже этого родника. Не обладая специальными знаниями в области гидротехнической инженерии, трудно сказать, реальна ли была прокладка действующего водопровода (с учетом местных средневековых технологий и пересеченной местности) с Бильдрана на плато Эски-Кермен, однако в идеальном случае это представляется возможным по закону сообщающихся сосудов. «Дело за малым» — разыскать материальное подтверждение этому

предположению. Прежние попытки найти какие-то водохранилища на южной окраине Эски-Кермена, по большому счету, закончились неудачей (за некоторым, впрочем, исключением [Айбабин 2014, с. 244]), да и на самом городище сооружений, однозначно интерпретируемых как водосборные, до сих пор не найдено [Никифоров 2012, с. 346]. Тем не менее, я убежден, что большое число неисследованных сооружений на плато обязательно преподнесет сюрпризы в будущем. С другой стороны, можно с уверенностью утверждать, что окрестности горы, на которой располагалось городище, изобиловали хорошими источниками со всех сторон света, которые вполне могли обеспечивать и сельское хозяйство в долинах, и жителей на горе [Катюшин 2018, с. 48–50]. Способ доставки воды в такие «безводные» города Крыма на вьючных животных не представлял особой проблемы и существовал и в XIX в. (на Чуфут-Кале, например). Предполагаю, что из-за отсутствия водных источников в пределах Главной линии обороны, Эски-Кермен XII–XIV вв. может быть и не годился на роль полноценной крепости, способной выдержать долгую осаду против более-менее организованных вооруженных сил, но зато отлично подходил как место, где земледельцы и скотоводы могли до поры до времени спокойно жить и не бояться обычных бандитов в относительно мирное время.

Литература

1. Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
2. Ахмадеева М.М. Погребальные традиции Феодосии классического времени и технические инновации инженера Ф.И. Зибольда // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Симферополь, Керчь, 2018. С. 24–31.
3. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1990. Вып. I. С. 88–166.
4. Катюшин А.Е. К вопросу о водоснабжении средневекового города на плато Эски-Кермен // Международная научная конференция «III Свято-Владинские чтения». Севастополь, 2018. С. 48–50.
5. Никифоров М.А. Проблема водоснабжения городища Эски-Кермена в XII–XIV вв.: к постановке вопроса // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012. С. 345–347.
6. Репников Н.И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма (копия рукописи) // Архив Ленинградского отделения Института археологии РАН. Ф. 10. Д. 10. 1939–1940.
7. Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1932. Т. XII. Вып. 1–8. С. 107–152.
8. Эрнст Н.Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1929. Т. III (60). С. 25–43.

Рис. 1. Спутниковая карта-фотография южных окрестностей Эски-Кермена

Д. В. Конкин

Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

К вопросу о хлебопашестве в Крыму в XV–XVIII вв.

Крымское ханство объединило в своих границах два абсолютно непохожих географически, климатически, экономически и культурно региона: Горный Крым и причерноморские степи. Проникавшие в Крым кочевники неизменно сталкивались в предгорье с сельскохозяйственным населением, образуя зону контактов двух совершенно разных миров. В рамках единого государства (Крымского ханства) данные взаимоотношения не должны были носить антагонистический характер, но обуславливали ярко выраженный контекст сотрудничества, взаимопроникновения и культурного взаимообогащения.

В степной зоне, в отличие от горных и южнобережных территорий, резко ощущался недостаток естественных источников воды, сильные ветра и засушливый климат осложняли ведение круглогодичного сельскохозяйственного цикла с правильным севооборотом. Единственно возможным вариантом становился засев целинных или давно не возделывавшихся участков быстрозреваемыми злаковыми культурами. Такой способ позволял при благоприятных погодных условиях собрать урожай (порой весьма значительный) к началу лета, до наступления наиболее засушливого и знойного периода. Наиболее ранние источники позволяют нам утверждать о наличии подобной практики у кочевого населения Причерноморья в XV–XVI вв. [Барбаро и Кантарини 1971, с. 150; Шильтбергер 1984, с. 43–45; Перо Тафур 2006, с. 167; Меховский 1936, с. 59; Броневский 1867, с. 356].

С развитием земледелия напрямую связан процесс седентаризации кочевников, который в первую очередь коснулся внутрикрымских территорий. К XVI в. крымскотатарская знать обзавелась уже постоянными стационарными резиденциями на полуострове. В отношении рядового населения крымскими ханами проводилась организованная политика, направленная на поощрение оседлого образа жизни. Широко известны меры, предпринятые Сагиб-Гиреем в этом устремлении [Негри 1844, с. 384].

Отказ от кочевого образа жизни вовсе не означал автоматического перехода к хлебопашеству. Стационарное место жительства в Крыму

позволяло бывшим номадам продолжать заниматься скотоводством, но с определенными коррективами (использовать близкорасположенные сезонные пастбища, сенокосные луга). Такой вид хозяйственной деятельности известен советский и российский этнограф Г. Е. Марков предлагал относить к типу т.н. «подвижного скотоводства», что подразумевало достаточно широкое распространение земледелия, которое, однако, не являлось основным занятием населения и тем более не было нацелено на экспортную торговлю зерном [Марков 1981, с. 91–92].

Сведения источников XVII века не дают нам оснований говорить, что внутрикрымская хозяйственная жизнь крымских татар радикально перестроилась к этому времени. Определенное количество земельных ресурсов стало использоваться для хлебопашества, и часть урожая даже экспортировалась за пределы Крыма. Но сами крымские татары, по сообщению источников, обработкой земли, как правило, не занимались, принуждая к этой работе многочисленных невольников [Эвлия Челеби 2008, с. 227; Броневский 1867, с. 357; де Люк 1879, с. 477; Витсен 2010, т. 1, с. 567–569]. Халил Иналджик считал, что в Крыму местной аристократией создавались сельскохозяйственные колонии, состоящие из русских пленных, целью которых было увеличение производства зерновых для последующего экспорта [Иналджик 1998, с. 143]. По-видимому, имели место нерегулярные поставки (т.н. «маргинальная торговля» по терминологии Броделя) на небольших кораблях (карамузалисы), курсировавших в это время по Черному морю. Главным же видом внутрикрымской хозяйственной деятельности продолжало оставаться «подвижное скотоводство», при котором хлебопашество имело второстепенное значение. Основная часть жителей стационарно проживала в небольших поселениях, главным образом в предгорьях и степной части Крыма.

Конец XVII – начало XVIII вв. ознаменовали не только фактические, но и юридические изменения в Северном Причерноморье. Карловицкий и Константинопольский договора предусматривали формирование стабильных границ между Османской империей, Речью Посполитой и Россией, на стороны накладывались обязательства по прекращению приграничных конфликтов, включая татарские и казацкие набеги, Россия избавилась от обязательства выплачивать «дань» крымскому хану. В целом наступала иная эпоха, где возможности для набегов, захвата ясыря и другой добычи резко ограничивались, сократился приток невольников из южнорусских степей. В новых геополитических условиях необходимо было менять внутреннюю экономику ханства. Очевидно, что должна была активнее происходить трансформация хозяйственной жизни крымских татар, усиливаться процессы седентаризации, внедрения земледельческих способов хозяйства.

Капитальный труд современника событий, французского консула в Крыму в 1753–1757 гг. Шарля Пейсонеля подтверждает значительные

перемены внутренней жизни ханства. Хлебопашество в XVIII в. становится по-настоящему важной хозяйственной отраслью у всего населения Крыма. Продукты земледелия в большой степени оказываются востребованы внутри полуострова. Часть крымского зерна, прежде всего пшеница, поступала для продажи за границу [Peyssonel 1787, р. 165–168]. Такой экспорт стал важным источником наполнения ханской казны [Лашков 1897, с. 30; Секиринский С. А., Секиринский С. Д. 1991, с. 144].

Литература

1. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статьи, подготовка текста, пер. и ком. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971.
2. Броневский М. Описание Крыма // ЗООИД. 1867. № 6. С. 333–368.
3. Витсен Н. Северная и Восточная Тартария: В 3-х тт. Амстердам, 2010.
4. Иналджик Х. Османська імперія. Класична доба 1300–1600 / Пер. з англ. О. Галенко. Київ, 1998.
5. Лашков Ф.Ф. О камеральном описании Крыма 1784 г. // ИТУАК. 1897. № 2. С. 22–30.
6. Марков Г.Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // Советская этнография. 1981. № 4. С. 83–94.
7. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М., Л., 1936.
8. [де Люк] Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин, Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625) // ЗООИД. 1879. № 11. С. 473–493.
9. [Негри А.] Извлечение из Турецкой рукописи Общества, содержащей историю Крымских ханов // ЗООИД. 1844. № 1. С. 379–392.
10. Перо Тафур. Странствия и путешествия. М., 2006.
11. Секиринский С.А., Секиринский Д.С. Аграрный строй крымских татар в XVI–XVIII вв. // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 140–149.
12. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Пер. Ф. К. Бруна; ред и прим. З. М. Буниятова. Баку, 1984.
13. Эвлия Челеби. Книга путешествий. Крым и сопредельные области. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь, 2008.
14. Peyssonel C. Traite sur le Commerce de la Mer Noire. T. I. Paris, 1787.

А. Ю. Лобода

НИЦ «Курчатовский институт» (Москва, Россия)

Изучение технологии изготовления металлических подвесок из могильника Черная речка¹

Данная работа посвящена анализу технологических особенностей одиннадцати амулетов-подвесок, девять найдены в подбойных могилах 9 (35), 20 (54) и склепе 1 (6) Чернореченского могильника [Бабенчиков 1963]. Все три погребения отнесены А. И. Айбабиным к комплексам первой хронологической группы I этапа (240–300 гг.) [Айбабин 1999, с. 14, табл. III, V, VI], а И. Н. Храпуновым и А. А. Стояновой, на основании анализа погребального инвентаря, захоронение в могиле 9 (35) датируется серединой или началом второй половины III в. [Храпунов, Стоянова 2016, с. 187].

Подвески относятся к группе украшений, ареал которых ограничен преимущественно предгорным Крымом с концентрацией в юго-западной части полуострова, что позволило Е. М. Алексеевой предположить их местное производство [Алексеева 1982, с. 23]. А. А. Труфанов называет эти изделия амулетами-апоτροпеями, большинство которых найдено в погребениях женщин и детей [Труфанов 2011, с. 225, 267].

По форме изделия делятся на 5 типов:

а) подвески-«шишки» (4 шт., КО 56, 186, 250, 280) (рис. 1,1–4). Соответствуют типу 22 по Е. М. Алексеевой [Алексеева 1982, с. 25], датируются I–III вв. По мнению А. А. Труфанова, датировка таких подвесок укладывается в рамки II – первой половины III в. [Труфанов 2011, с. 242–244].

б) подвески-амфоры (2 шт., КО 53 и 185) (рис. 1,5–6) соответствуют типу 23к по Е. М. Алексеевой [Алексеева 1982, с. 25]. По данным А. А. Труфанова, все подвески этого типа относятся ко II – первой половине III в. [Труфанов 2011, с. 245].

в) подвеска шаровидной формы (1 шт., КО 55) (рис. 1,7) А. А. Труфановым отнесена к типу гладких подвесок-«шишек» с валиком [Труфанов 2011, рис. 10].

г) подвеска в виде меча (1 шт., КО 279) (рис. 1,8).

д) подвески-птички (3 шт., КО 69, 196, 51) (рис. 1,9–11) относятся к типу 216 по Е. М. Алексеевой [Алексеева 1982, с. 25]. И Е. М. Алексеева, и А. А. Труфанов датируют эти изделия второй половиной II – III в. [Алексеева 1982, с. 240].

Подвески-«шишки» характеризуются как общностью формы, так и схожими размерами (дл. 27–48 мм, шир. 6–8 мм). На трех подвесках видны литьевые швы, подвеска 56 имеет плохую сохранность. Петли «шишечек» 186 и 250 имеют довольно равномерное уменьшение толщины к верхнему окончанию. Петли 56 и 280 обломаны, сохранились лишь частично. На тыльной поверхности петли подвески 280 металл образует ровную площадку, ступенью переходя к телу вращения «шишки». На тулове подвесок 186, 250 и 280 наблюдается орнамент из сетки прямых линий, нанесенный ударными инструментами. Нижнее окончание 250 и 56 скошено в сторону и слегка деформировано, 186 имеет окончание в виде шара, а низ 280 заострен.

Подвески-амфоры также имеют схожие размеры (дл. 34–35 мм, шир. 10–12 мм). Несмотря на общую форму, подвески 53 и 185 значительно отличаются в области петли. Подвеска 185 имеет на поверхности литьевые дефекты (каверны) и следы литьевого шва на тонкой петле, нижнее окончание заострено. Подвеска 53 также имеет на поверхности литейные дефекты (каверны), на боковых гранях хорошо детектируются следы обработанного литейного шва, нижнее окончание в виде небольшого шара. Петля подвески 53 более массивна, имеет на одной из уплощенных сторон значительный литьевой дефект (каверны), деформированный ударной постлитейной обработкой.

Подвеска шаровидной формы (дл. 34 мм, шир. 11 мм) имеет хорошо сохранившийся литейный шов на боковых поверхностях, переходящий с одной стороны и на петлю. Нижнее окончание подвески 55 оформлено в виде несимметричного шара.

Подвеска в виде меча (дл. 38 мм, шир. 10 мм) имеет литьевой шов на боковых гранях. Основной рельеф на тулове подвески 279 представляет собой следы работы ударным инструментом. Петля также имеет следы постлитейной обработки. Нижнее окончание подвески имеет утолщение, не обработано.

Подвески-птички имеют схожие размеры (дл. 28,4–32 мм, шир. 23–24 мм). Подвеска 51 имеет хорошо детектируемый литьевой шов. Ударные следы орнаментации сеткой наблюдаются на одной стороне. На тыльной поверхности видны лишь две параллельные линии, пересекающие наискось тулово птицы. На лицевой стороне видны следы проковки литьевых дефектов (наростов). Нижнее окончание 51 обсечено. На подвеске 69 видны остатки литьевого шва, а также двухсторонняя орнаментация ударным инструментом. Нет следов проковки поверхности тулова или петли. Фрагмент петли утрачен. Нижнее окончание представляет собой прямоугольный в сечении стержень, длиной 9 мм.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант мол-а № 18-39-00064.

Подвеска 196 имеет на одной стороне значительные литейные дефекты (каверны). Следы украшения ударным орудием видны на обеих сторонах подвески. Петля 196 незамкнута. Характер ее контуров указывает на то, что, возможно, данный дефект является литейным браком, который мог затруднить использование подвески. Нижнее окончание птицы 196 также представляет собой прямоугольный в сечении стержень длиной 6 мм.

Таким образом, на большей части подвесок наблюдаются следы их изготовления литьем в двухсторонних формах. Многие изделия декорированы при помощи ударных орудий простейшей формы (с уплощенным вытянутым рабочим краем). У ряда подвесок петли дорабатывались после литья (имеют следы проковки), а у некоторых предметов (280, 185) петля сразу изготавливалась в своем окончательном виде. Изучение нижнего окончания подвесок крайне важно для понимания технологии изготовления подвесок. Шаровидное окончание встречается как на «шишках», так и на подвесках-амфорах, птички же, в свою очередь, имеют выступающий прямоугольный в сечении стержень, резко обесеченный в одном случае (51). Несколько подвесок завершаются слегка деформированным скосом. Вероятно, именно через нижнее окончание происходила заливка металла в форму. Впоследствии стержень-литник обрубался и либо опиливался в форму шара, либо максимально удалялся с изделия.

Литература

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
2. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. Ч. 3. М.: Наука, 1982. 104 с.
3. Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1963. Т. 13. С. 90–122.
4. Труфанов А.А. Металлические амулеты—подвески Северного Причерноморья первых веков н.э. // Stratum plus. 2011. № 4. С. 225–271.
5. Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Могила №9 (35) из Чернореченского могильника в Крыму // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2016. Вып. 244. С. 166–194.

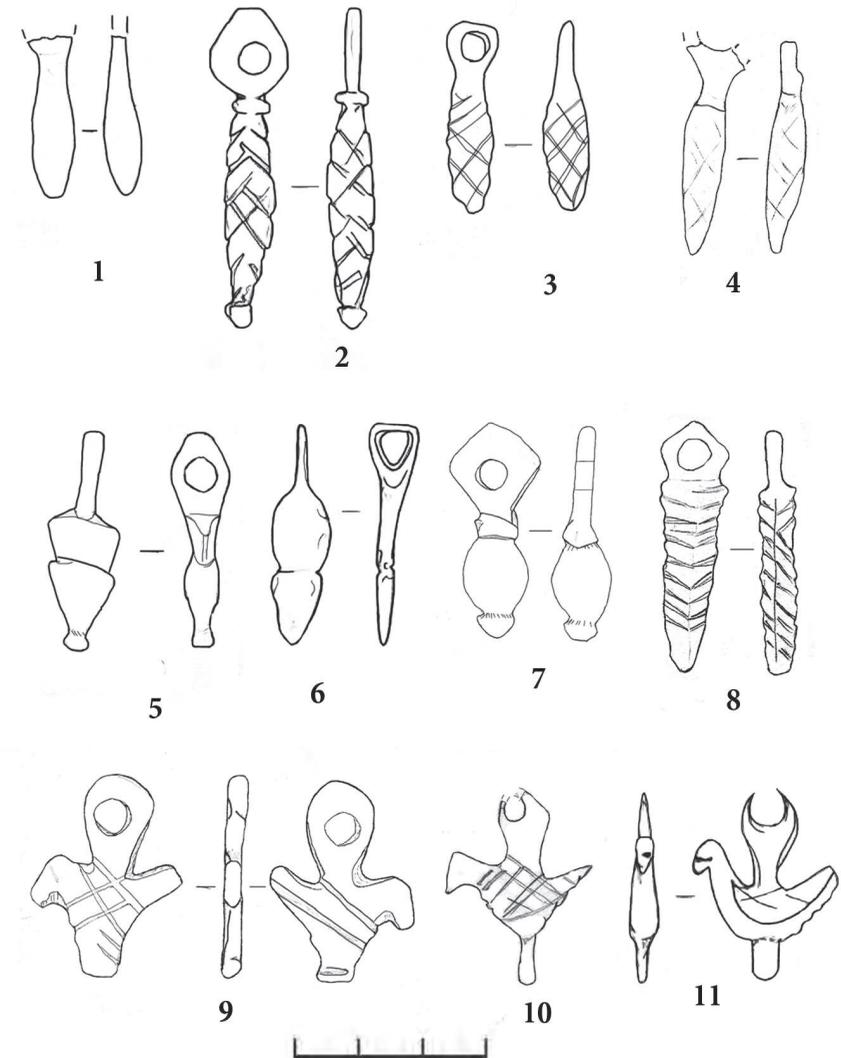

Рис. 1. Подвески из могильника Чернореченский.
1 – КО 56, 2 – КО 186, 3 – КО 250, 4 – КО 280, 5 – КО 53,
6 – КО 185, 7 – КО 55, 8 – КО 279, 9 – КО 51, 10 – КО 69, 11 – КО 196.
2, 6, 11 – могила 9 (35); 1, 4, 7, 8 – могила 20 (54);
5, 9 – склеп 1 (6). 1-11 – бронза

М. А. Ломакина ^{а)}, Д. А. Ломакин ^{б)}

^{а)} Крымский этнографический музей (Симферополь, Россия)

^{б)} Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Образ Киммерии в творчестве К. Ф. Богаевского¹

Значимым достижением К. Ф. Богаевского является создание образа «Земли Киммерии», прошедшего через все творчество художника. Это, прежде всего, Крымский полуостров и, конкретно, Восточный и Юго-Восточный Крым — земля, которая насыщена историческими воспоминаниями и сохранившимися памятниками. Эта территория ассоциировалась с древней Киммерией, чьим именем этот край был назван литературной и художественной элитой в конце XIX — начале XX века в поэзии и прозе, живописи и мемуаристике в память о киммерийцах, древнем народе, упоминавшимся еще в гомеровских эпосах.

К. Ф. Богаевский связан с этим краем физически — он был рожден в Феодосии и провел в ней большую часть своей жизни, и духовно — здесь были восприняты его первые впечатления, родились первые художественные образы, получены первые уроки живописи, здесь прошла вся его творческая жизнь. Он принадлежал к плеяде живописцев-пейзажистов, которым М. А. Волошин дал своеобразное, точное по содержанию и по месту происхождения название «художников-киммерийцев». Феодосийская «опаленная и неуютная земля, изъеденная щелочью всех культур и рас, прошедших по ней, осеянная безымянными камнями засыпанных фундаментов, нашла в себе силы, чтобы процвести в русском искусстве самостоятельной «Киммерийской» школой пейзажа. Эта школа определяется такими именами, как Айвазовский, Куинджи, Богаевский, и не столь яркими, как Феслер, Петров, Лагорио, Шервашидзе, Латри» [Волошин 1990а, с. 217]. М. А. Волошин определяет в этой плеяде К. Ф. Богаевского как воссоздателя «исторического пейзажа», в котором Киммерия, по его мнению, отражена и преображена глубже всего: «Никто так не почувствовал древности этой оголенной и стертой земли, никто так не понял ее сновидений и миражей. Искусство Богаевского — это ключ к пониманию пейзажа Киммерии и к сокровенной душе Крыма, бывшего и оставшегося страной, измученной страстью судьбы» [Волошин 1990а, с. 218].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00024мол_а.

В искусствоведческой среде распространено мнение, что изображение Киммерии в творчестве К. Ф. Богаевского начинается картиной 1903 г. «Последние лучи» (рис. 1) [Манин 2000, с. 54]. Вернувшись в 1898 г. в Феодосию после обучения в Академии художеств в Петербурге, К. Ф. Богаевский много путешествует по Крыму, пишет этюды с натуры, делает карандашные зарисовки средневековой архитектуры, видов необычного ландшафта, изогнутых странных деревьев. Любимым пейзажем художника был пейзаж Восточного Крыма. Зарисовки с натуры служили для К. Ф. Богаевского основой для изучения природных особенностей края.

Образ Киммерии — сквозная тема, прошедшая через все многообразное творчество художника, отдавшего дань разным направлениям и стилям (символизм, эстетика модерна, классицизм, реалистический стиль). Это основная тема его пейзажа, воплотившаяся в образах коктейльской бухты, берегов Судака и Феодосии, видов Старого Крыма, Орталана, Меганом. Образ Киммерии в творчестве К. Ф. Богаевского варьировался, приобретал новые краски, предстал в разных ракурсах. В создании живописных работ художник прибегал к выразительным художественным приемам, подвергая реальный пейзаж значительной творческой переработке. Необходимо отметить два направления, две особенности создания образного строя Киммерии.

Первая — на полотнах К. Ф. Богаевского Киммерия — это часто узнаваемые виды, места: берега, морские мысы, скалы и камни, силуэты гор, долины, поселки и города. В то же время, образ Восточного и Юго-Восточного Крыма предстает в исторической ретроспективе, пронизанный легендарным духом. М. А. Волошин, первый критик творчества К. Ф. Богаевского, отметил две причины, которые определили развитие в его живописи ретроспективного образа этой земли. Это, прежде всего, многоэтничность полуострова, отразившаяся в его внешнем облике и сохранившаяся в его исторической памяти. Второе — разнообразие на полуострове пейзажей, разных по духу, стилю, «так тесно сосредоточенных на малом пространстве земли». Первое воспитало у К. Ф. Богаевского творческое восприятие крымского пейзажа как исторического, в котором сохранились древние античные и средневековые культурные корни средиземноморских цивилизаций. Видимо поэтому его творчеству оказались близки виды римских окрестностей полотен Лоррена, Пуссена, итальянских скал и гротов Иерусалимских пейзажей Мантеньи.

Касаясь творческой лаборатории художника, М. А. Волошин писал, что в «бесконечных ночах, которые он проводит без сна перед его мысленным оком без конца и без начала разворачиваются панорамы Киммерии. Не в переносном смысле, а в буквальном» [Волошин 1990б, с. 221]. Художник всегда находился в состоянии творческого поиска, в его воображении хорошо знакомые, родные виды перерождались в образы древней земли Киммерии.

Ретроспективный образ Киммерии предстает уже в серии рисунков К. Ф. Богаевского 1905–1907 годов, исполненных тушью, которые стали иллюстрациями книги стихов М. А. Волошина «Годы странствий» [Волошин 1910]. Иллюстрации — эскизы-фантазии на тему древней Киммерии. Художников, выросших на одной феодосийской земле, связывала дружба, длившаяся в течение всей жизни. Оба глубоко и любовно воспринимали природу Киммерии, она была для обоих источником творческого вдохновения. В пейзажах, отобранных М. А. Володиным к своему первому сборнику стихов, параллельно с поэтическими образами развивается близкая тема. Пейзажи не просто иллюстрируют поэтические строки, а дополняют их, перекликаются с ними, переплетаясь с ними естественно и гармонично.

Своеобразным мотивом звучит образ древней земли в серии автолитографий 1923 года, рисующих картины архаического и фантастического пейзажа гомеровской «Киммериян печальной области». Иной, светлой и яркой предстает перед нами земля на картине 1908 г. «Южная страна. Пещерный город» (рис. 2), в которой отразились впечатления окружающей местности Бахчисарая и древних руин Чуфут-Кале. Или на картине 1907 г. «Жертвенники» (рис. 3), в которой можно увидеть силуэты пещерного города Тепе-Кермен. Полотна, стилистически относимые к виду «под гобелены», наполнены символическим смыслом, отражают видение художником прекрасной лучезарной страны, гармоничной и возвышенной.

Образ Киммерии, то есть определенного пространства, полуреального, полуфантастического, вернее фантастического, но созданного на реальной основе, не покидает творчества К. Ф. Богаевского никогда. И в поздних пейзажах 1930–1940-х годов легко угадываются просторы родного побережья, горные массивы, тонкие струи водопадов долины Меганомы, кудрявые деревья Старого Крыма, влажный ветер с моря, некогда раздувавший греческий и итальянский парус, плывущий к киммерийским берегам. Вместе со стилистическим и тематическим разнообразием, характерным для творчества К. Ф. Богаевского, разнообразен и сложен его подход к изображению места и эпохи, пространства и времени. Вместе с тем, его творчество отличает цельность мировосприятия, выразившаяся в создании единого образа — природы. К. Ф. Богаевский выразил своей живописью поклонение природе, которое можно сопоставить с античным, космогоническим отношением к окружающему миру. Эта сторона его мировоззрения проявилась в творчестве художника наиболее сильно. При этом он отдает дань и человеческому, созидательному, расставляя четкие акценты времени — прошлое (мифическое, полуреальное), настоящее (реальное) и будущее (фантастическое). В лучших его произведениях мотивы земного и космического, реального и фантастического слились воедино. Это не конкретная реальность, а преображенный в творческом сознании художника образ

земли, идеально-романтический, либо титанический, героический и противопоставленный «вечным явлениям повседневной жизни».

Литература

1. [Волошин М.А.] Стихотворения. 1900–1910. Годы странствий. Amori Amara Sacrum. Звезда Полюнь. Алтари в Пустыне. Corona Astralis. М.: Гриф, 1910. 124 с.
2. Волошин М.[А.] Культура, искусство, памятники Крыма // Коктебельские берега: стихи, рисунки, акварели, статьи / Сост. З. Д. Давыдов. Симферополь: Таврия, 1990а. С. 212–219.
3. Волошин М.[А.] К. Ф. Богаевский – художник Киммерии // Коктебельские берега: стихи, рисунки, акварели, статьи / Сост. З. Д. Давыдов. Симферополь: Таврия, 1990б. С. 219–222.
4. Манин В.[С.] Константин Богаевский. М.: Белый город, 2000. 64 с.

В. В. Майко

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Языческие элементы салтово-маяцкой культуры Крыма

Одной из отличительных особенностей салтово-маяцкой культуры Таврики является религиозный синкретизм оставившего ее населения. Проявился он, прежде всего, в сочетании языческих тюркских и христианских элементов. Это сочетание для разных периодов существования рассматриваемой культуры Крыма было различным. До середины IX в. христианские черты проявляются достаточно редко. Во второй половине этого столетия большая часть салтовского населения полуострова воспринимает христианство полностью. Тем не менее, языческая составляющая материальной культуры не исчезает, а продолжает оставаться до конца существования салтово-маяцкой культуры Крыма.

Попытаемся суммировать археологические источники, свидетельствующие о языческих элементах материальной культуры восточного Крыма, сконцентрировав внимание именно на тех, которые датируются второй половиной IX в.

Наиболее ярким и пока уникальным памятником, связанным с языческими верованиями салтовцев полуострова, является святилище, расположенное возле центрального входа в Сугдею хазарского времени (рис. 1,1). Этот объект, раскопанный в 1990 г. и предварительно атрибутированный как культовый, достаточно полно опубликован [Баранов, Майко 1996, с. 71–88], что избавляет от повторений. Коротко напомним, что предварительно с внутренней стороны крепостной стены была сnivelирована прямоугольная площадка, обнесенная каменной оградой. Сама площадка была подсыпана бутом и щебнем и покрыта слоем нивелировочного песка, поверх которого положена деревянная обрешетка из жердей толщиной до 3 см. Последняя покрыта слоем глиняной обмазки. В восточной части площадки, поверх глиняной обмазки был зачищен слой белого известнякового раствора. Возможно, им покрывалась вся ритуальная площадка [Баранов, Майко 1996, с. 88, рис. 4,1]. Непосредственно на обмытом полу ритуальной площадки было зачищено девять, расположенных бессистемно, очагов диаметром 0,7–1,0 м. Судя по рыхлости грунта и пепла, очаги существовали непродолжительное время. Можно предположить, что кострищ было значительно больше, но они не сохранились, т.к. после завершения обряда пепел с костями животных и другими предметами, побывавшими в огне, сыпался в золь-

ник, примыкающий к святилищу с севера, но расположенный с внешней стороны крепостной стены. Исходя из фрагментированного, но достаточно представительного археологического материала, объект функционировал на протяжении второй половины VIII – первой половины IX вв.

Однако наиболее ярко языческие черты проявились в погребальном обряде салтовцев Крыма. Так, в заполнении склепа № 1 некрополя, расположенного на участке куртины XIV Судакской крепости, были обнаружены угли и мел подсыпки, конский череп и копыта, бараний череп, а также отдельные кости животных. Автором публикации было высказано предположение о том, что в склеп была положена либо шкура, либо чучело коня [Баранов 2003, с. 4]. Сам склеп представляет собой христианское погребальное сооружение [Виноградов, Джанов 2004, с. 402–424; Майко, Джанов 2015, с. 299–301], ориентированное, исходя из рельефа местности, по оси север–юг. Предварительно датируется второй половиной VIII — первой половиной IX вв.

Обряд помещения загробной пищи в христианское погребальное сооружение, вероятно всего, сохраняется у салтовцев Крыма на протяжении всего периода существования культуры. Ярким свидетельством этому являются материалы, полученные при изучении некрополя Конрат на территории Керченского полуострова. Здесь в христианскую плитовую могилу в полукруглую арку в изголовье были помещены кости жертвенных животных.

Подтверждают эту практику и комплексы, полученные при раскопках средневековых поселений на месте античных городищ Артезиан и Белинское, также на территории Керченского полуострова, расположенных в прямой видимости один от другого. Здесь, прежде всего, наиболее ярко проявился обряд совместного погребения людей и жертвенных животных. В центральной части поселения на месте городища Артезиан Н. И. Винокуровым и Л. Ю. Пономаревым было выделено два условных культовых комплекса. В состав одного из них, «южного», входило совместное захоронение в каменном ящике подростка и частей туши быка и, что наиболее важно, два жертвоприношения, состоявших из расчлененных останков людей и животных. В составе другого, «юго-восточного», культового комплекса было исследовано захоронение в хозяйственной яме расчлененных останков подростков и домашних собак [Винокуров, Пономарев 2015а, с. 18–22; Винокуров, Пономарев 2015б, с. 266–300; Винокуров, Пономарев 2016а, с. 44–50; Винокуров, Пономарев 2015б, с. 208–211]. Исследователями была высказана обоснованная точка зрения о связи комплексов с земледельческим и скотоводческим культурами плодородия.

Материалы склепа № 23 некрополя городища «Белинское» также свидетельствуют о существовании языческих верований, связанных с культом домашних животных, при совершении которых производилось перезахоронение некоторых костей погребенных с принесением в жерт-

ву частей расчлененных туш животных [Зубарев, Майко, Ярцев 2017, с. 348–363].

К языческой практике можно отнести и специальное изготовление погребальной лепной посуды для отдельных погребений середины — второй половины IX в. Безусловно, подобная практика носила единичный характер. В качестве таких погребений можно пока рассматривать только погребение 2 на раскопе 6 2006 г. городища на плато Тепсень и погребение 2 некрополя Конрат (рис. 1,2,4). Подобных примеров немного и для основного ареала салтово-маяцкой культуры.

Специального рассмотрения заслуживает и обряд тризны, отмеченный на некоторых салтово-маяцких некрополях Таврики. В качестве примера можно привести уже упоминавшийся могильник Конрат, где к западу от могилы 2 обнаружена амфора причерноморского типа с остатками мясной пищи. Интересна и тризна над могилой 2 раскопа 6 городища Тепсень, где среди костей животных и была обнаружена лепная кружка (рис. 1,3).

Таким образом, есть все основания утверждать, что христианское вероучение воспринималось салтовцами Крыма поэтапно и на протяжении всего периода существования салтово-маяцкой культуры органично переплеталось с прежними языческими верованиями и обычаями, что нашло свое отражение в приводимых археологических источниках.

Литература

1. Баранов И.А., Майко В.В. Комплексът салтовски съоръжения в Судакската крепост // Българите в Северното Причерноморие. Т. V. В.Тырново, 1996. С. 71–88.
2. Баранов В.И. Судакские склепы // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2003. № 2. С. 4–17.
3. Виноградов А.Ю., Джанов А.В. Греческие надписи Сугдеи // Сугдейский сборник. Киев, Судак, 2004. Вып. I. С. 402–424.
4. Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкое поселение на античном городище Артезиан (Керченский полуостров) // *Laurea I. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадева*. Материалы. Харьков, 2015а. С. 18–22.
5. Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Южный участок Салтово-Маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам исследований на раскопе II) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2015б. № 3. С. 266–300.
6. Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие погребения на городище Артезиан // *Таврические студии*. 2016а. № 10. С. 44–50.
7. Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по итогам исследований на раскопе I в 1989–2001 гг.) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2016б. № 1. С. 184–232.
8. Зубарев С.В., Майко В.В., Ярцев И.Б. Новый склеп с раннесредневековыми материалами из раскопок некрополя городища Белинское // *Боспорские исследования*. 2017. Вып. XXXV. С. 348–363.
9. Майко В.В., Джанов А.В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь, 2015. 448 с.

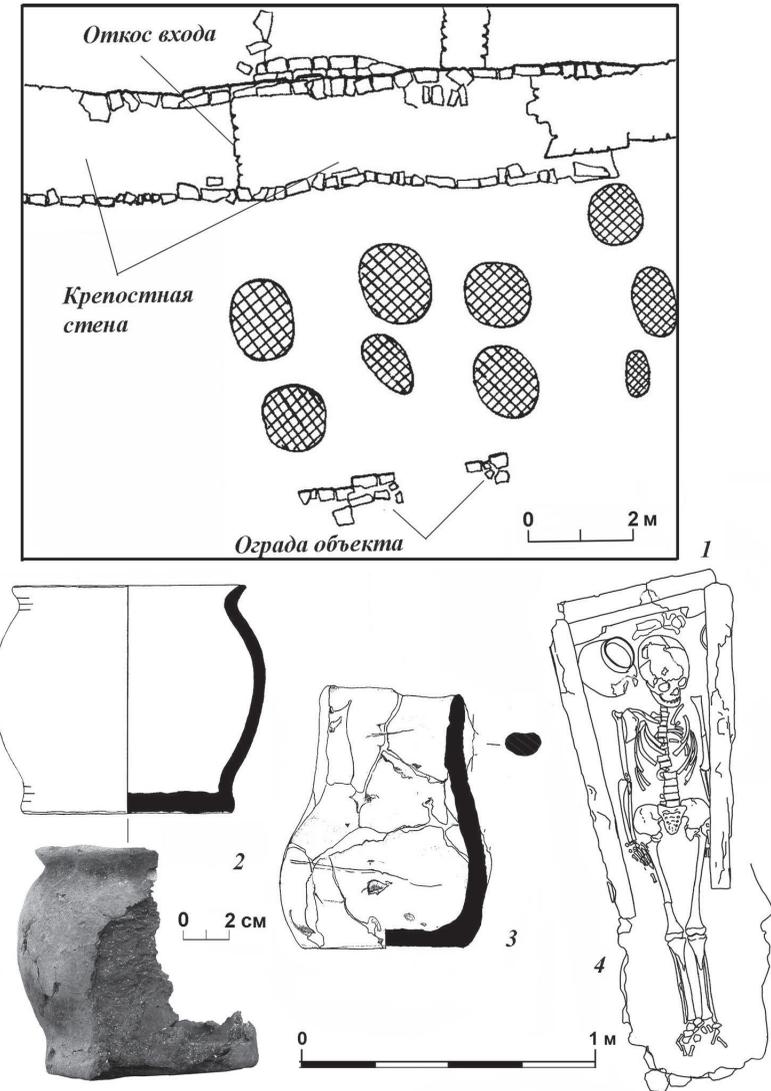

Рис. 1. Языческие объекты и материалы салтово-маяцкой культуры Крыма. 1 – языческое «святилище» Сугдеи; 2, 4 – лепной горшок из могилы 1 и могила 2 некрополя Конрат; 3 – лепная кружка из тризны могилы 2 раскопа 6 городища Тепсень (по С. Г. Бочарову)

А. В. Мастыкова

Институт археологии РАН (Москва, Россия)

О погребальных конструкциях средневекового могильника Горзувиты

Первым исследователем археологического памятника Горзувиты был известный византист А. Л. Якобсон, он обнаружил здесь остатки средневекового поселения, храмовую постройку («храм в храме») и могильник [Якобсон 1951; Якобсон 1954, с. 109–120]. На могильнике им было открыто десять захоронений, которые по погребальным конструкциям он разделил на две группы. К первой группе отнесены четыре погребения, обложенные рваным камнем; ко второй – три захоронения, совершенные в гробницах, стены которых были выложены тщательно отесанными плитами и сверху перекрыты большими плитами. В эту вторую группу также были включены и две детских могилы, обложенные черепицей [Якобсон 1954, с. 114]. Все могилы сильно разрушены и были безинвентарными, что, как отмечал исследователь, значительно затрудняло датировку погребений. Тем не менее, по ряду признаков А. Л. Якобсон пришел к выводу, что эти девять захоронений приблизительно одновременны и хронологически соответствуют каменным гробницам верхнего слоя могильника Суук-Су, т.е. относятся к VIII–IX вв.; в X в., как считал исследователь, на могильнике прекратились захоронения, и эта территория стала застраиваться поселением [Якобсон 1954, с. 114, 116, 120; Репников 1906, с. 69, рис. 26, 28, 29, 31]. И лишь одну из десяти открытых могил А. Л. Якобсон отнес к более раннему времени, поскольку она близка по типу к погребениям нижнего слоя могильника Суук-Су, т.е. к VI–VII вв. Это захоронение было совершенно, вероятно, в деревянном гробу в грунтовой могиле и располагалось под детским погребением, перекрытым черепицей [Якобсон 1954, с. 116].

В 2017 г. Институт археологии РАН в связи со строительством лагеря «Солнечный» (МДЦ «Артек») начал спасательные работы на той самой территории, где в 1951 г. А. Л. Якобсоном были проведены разведочные исследования [Мастыкова 2018, с. 190, рис. 10–11]. Нами, в частности, был локализован могильник, открытый А. Л. Якобсоном, а в 2018 г. ИА РАН приступил к его планомерным раскопкам. Некрополь располагается на отвесном склоне, местами его крутизна достигает 45°. Вероятно, в древности на этом месте располагался холм, основание которого было сложено из аргиллита, на южном склоне которого производились захоронения. В ходе исследования было открыто 20 грунтовых погребений.

По погребальным конструкциям их можно разделить на следующие группы:

- 1) могилы, перекрытые массивными каменными обработанными плитами (цветная вклейка рис. 1):
 - стены могильных ям выложены «рваными» необработанными камнями;
 - стены могильных ям выложены как необработанным камнем, так и обработанными плитами (цветная вклейка рис. 2);
 - длинные стены могильных ям выложены обработанным ракушечником, торцовые – обработанными плитами (цветная вклейка рис. 3);
 - стены могильной ямы выложены рваным камнем, в одном торце могилы – вертикально поставленные целые керамиды;
- 2) могилы, перекрытые фрагментами черепицы/пифоса (цветная вклейка рис. 4):
 - стены выложены фрагментами черепицы и необработанным камнем;

И только одно погребение совершено в грунтовой могиле, которая не имела никакой каменной конструкции.

Большинство могил имеют подпрямоугольную в плане форму, но не всегда можно проследить точную форму могильной ямы, поскольку на данной территории активно проявляются эрозионные, гравитационные (оползни, обвалы) и сейсмические процессы. В связи с этими явлениями у большинства могильных сооружений конструкция нарушена, перекрывающие плиты треснуты, провалены вглубь могильного пространства и иногда фиксируются в вертикальном положении.

Обнаружены могилы как с погребальным инвентарем, так и безинвентарные. Погребальный инвентарь в исследованных могилах позволяет предварительно датировать некрополь VII–X вв., могилы же безинвентарные, вероятно, относятся к более позднему времени — XI–XIV вв.

Итак, изучаемый нами некрополь Горзувиты, судя по найденным в погребениях предметам, начал функционировать уже с VII в. Возможно, что данное кладбище существовало долгое время, вплоть до XIV в.

Литература

1. Мастыкова А.В. Средневековый комплекс (поселение, базилика, могильник) в Гурзуфе (Республика Крым, Ялгинский округ) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25. М.: ИА РАН, 2018. С. 186–191.
2. Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готтов // Известия имп. Археологической комиссии. 1906. Вып. 19. С. 1–80.
3. Якобсон А.Л. Отчет об археологической разведке средневекового поселения и могильника Горзувит (бл. Гурзуфа) в 1951 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. 1951. № 654.
4. Якобсон А.Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. 1954. Вып. 53. С. 109–120.

Д. А. Прохоров

*Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)*

Мемуары городского головы Евпатории С. Э. Дувана¹

В последнее время в исторической науке заметен интерес к генеалогии — вспомогательной исторической дисциплине, занимающейся изучением и составлением родословных, выяснением происхождения отдельных родов, семей и лиц и выявлением их связей в тесном единстве с установлением основных биографических фактов и данных о деятельности, социальном статусе и собственности этих лиц. При этом в поле зрения исследователей попадают репрезентанты, деятельность которых, в той или иной мере, повлияла на развитие общественной, культурной, социально-экономической и политической жизни социума. Важным элементом в этом процессе являются т.н. «эго-документы» — мемуары и автобиографические записки ряда видных общественных деятелей России конца XIX — начала XX в.

Симха (Семен) Эзрович (Сергеевич) Дуван (1 (13) апреля 1870, Евпатория — 5 февраля 1957, Больё-сюр-Мер, Франция) — городской голова Евпатории, занимавший этот пост на протяжении многих лет. Его карьере без преувеличения можно назвать весьма успешной. После окончания Симферопольской мужской казенной гимназии в 1889 г. С. Э. Дуван решил посвятить себя общественной деятельности. В 1898 г. его избрали на четырехлетие гласным Евпаторийской городской Думы, после чего он выдвигался на этот пост еще несколько раз. С 22 мая 1902 г. по 18 апреля 1906 г. С. Э. Дуван — член Евпаторийской городской Управы; также состоял гласным Евпаторийского уездного земского Собрания (с 1906 г.). 13 мая 1906 г. на заседании Евпаторийской городской Думы С. Э. Дувана избирают городским головой, причем утверждение в этой должности таврическим губернатором состоялось в тот же день.

На этом посту наиболее ярко проявился талант С. Э. Дувана как администратора и управленца. К перечню его заслуг можно отнести: формирование нового архитектурного облика Евпатории, строительство ряда значимых объектов (в их числе — здание городского театра в стиле модерн, ставшего одной из визитных карточек города, город-

ской библиотеки и др.), модернизация всей инфраструктуры города с учетом его уникальных природно-климатических условий (проведение водопровода, канализации, замощение улиц, устройство трамвая, крытых рынков, строительство новых гостиниц, лечебниц, курзалов, клубов, организация дешевого питания и многое другое) [Дуван 2013, с. 8]. Деятельность С. Э. Дувана в должности городского головы позволила Евпатории в начале XX в. стать одним из привлекательных курортных центров не только Крыма, но и всей Российской империи.

Обстоятельства обнаружения воспоминаний С. Э. Дувана таковы. М. А. Кублицкая, в прошлом сотрудник Ялтинского краеведческого музея, ныне проживающая в Аргентине, в Буэнос-Айресе, посвятила себя поиску и каталогизации сохранившихся в библиотеках бумаг и документов, имеющих отношение к прошлому русской эмиграции. Сотрудничала в библиотеке при Корпусном Доме (доме чинов Русского Корпуса в пригороде Буэнос-Айреса Вижа Бажестер), заведовала библиотекой русской скаутской школы (ОРЮР) в пригороде Оливос. В 2014 г. настоятель храма Св. Троицы в центре Буэнос-Айреса, протоиерей Александр Ивашевич обратился к ней с просьбой провести каталогизацию библиотеки и архива при храме, который является первым православным храмом в Южной Америке. Он построен по инициативе «Апостола Православия в Южной Америке» протопресвитера о. Константина Изразцова (1865–1953); был освящен 6 октября 1901 г., и в 1920–1940 гг. стал центром притяжения для примерно тысячи русских белых эмигрантов, приехавших в страну [Кублицкая 2013, с. 13]. После того, как книги более десяти лет назад упаковали в коробки и перевезли из старого помещения библиотеки в новое здание, они длительное время пролежали невостребованными. Как выяснилось, вместе с книгами в коробках оказались и многие документы прихожан, фотографии и рукописи. Именно в ходе начатой М. А. Кублицкой каталогизации среди книг, фотографий, нот, журналов и газет удалось выявить мемуары бывшего городского головы Евпатории Симхи Эзровича Дувана. Он прислал эти воспоминания, отпечатанные на машинке, своему сыну, Иосифу Семеновичу Дувану, проживавшему в Аргентине, из Монте-Карло в 1951 г. В соответствии с завещанием, составленным в июне 1950 г., С. Э. Дуван распорядился о том, чтобы рукопись с его воспоминаниями была напечатана отдельной брошюрой, экземпляры которой следовало «раздать на память всем моим детям, внукам», а также друзьям и близким завещателя. Очевидно, что рукопись, присланная И. С. Дувану в Аргентину, предназначалась именно для этой цели [Дуван 2013, с. 134].

В связи со всем вышесказанным необходимо, прежде всего, выразить искреннюю признательность М. А. Кублицкой, эксклюзивно предоставившей рукопись мемуаров С. Э. Дувана, а также раритетные и малодоступные материалы, опубликованные в разное время в русскоязычной

¹ Статья выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5763.2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

эмигрантской периодической печати. Никаких записей, сопровождающих текст мемуаров С. Э. Дувана, кроме даты отправки, нет; отсутствуют также инвентарные номера описи. Как воспоминания экс-городского головы Евпатории могли оказаться в библиотеке храма Св. Троицы? Вполне вероятно, что бумаги, обнаруженные в Буэнос-Айресе, так и не были опубликованы, как того хотел завещатель, поскольку И. С. Дуван скончался почти на год раньше своего отца. После этого вдова Иосифа Дувана Елизавета Моисеевна Дуван (урожд. Авах) могла передать эти мемуары для сохранения в храм. Нельзя исключать и то обстоятельство, что после кончины обоих, возможно, существовало какое-то завещание, в соответствии с которым личная библиотека Дуванов могла перейти в собственность библиотеки при храме, куда в итоге и попала машинописная рукопись воспоминаний.

Данный источник практически не попадал в поле зрения исследователей (как специалистов по истории семьи Романовых, так и по истории караимских общин России), поэтому введение его в научный оборот, несомненно, вызовет интерес не только у специалистов, но и у всех, кто интересуется историей Крыма. В мемуарах личность самого С. Э. Дувана рельефно отражена как в научной, так и в мемориальной перспективе. И хотя зачастую характеристики, которые бывший городской голова Евпатории дал своим коллегам и современникам, носят субъективно-личный характер, тем не менее, эти воспоминания являются весьма ценным образчиком документов личного происхождения, связанных с прошлым не только Крыма, но и России в целом.

Первые публикации небольших отрывков из мемуаров С. Э. Дувана предпринимались в русскоязычной эмигрантской прессе еще в довоенное время. Так, например, газетой «Возрождение», издававшейся в Париже, в двух номерах (1934 г., № 3306; № 3307 от 24 июня 1934 г.) опубликован отрывок из мемуаров С. Э. Дувана «Ген.<ерал> И. А. Думбадзе. Из воспоминаний евпаторийского городского головы». А уже после окончания Второй мировой войны, в № 321(7) журнала «Часовой» (Бельгия) за 1952 г. появилась заметка под названием «Царица (Из воспоминаний Городского Головы Дувана)», в которой также представлен отрывок из мемуаров С. Э. Дувана. Эта же заметка (с некоторыми изменениями и дополнениями, под названием «Царь и Царица») размещена в сборнике «Скорбный Ангел. Царица-Мученица Александра Новая в письмах, дневниках и воспоминаниях» (Общество Святителя Василия Великого, 2006 г.) [Дуван 2006, с. 154–165]. В 2017 г. издание отрывка мемуаров С. Э. Дувана предприняли А. Ю. Полканова и А. К. Клементьев [Дуван 2016, с. 112–169], однако в опубликованной ими версии части рукописи переставлены местами, текст мемуаров приведен с купюрами, отсутствуют его значительные фрагменты и т.п., в связи с чем эту версию воспоминаний городского головы Евпатории нельзя считать аутентич-

ной. Кроме того, А. Ю. Полканова и А. К. Клементьев не сопроводили текст рукописи С. Э. Дувана подробными научными комментариями, что также является недостатком публикации.

Как уже было сказано выше, в мемуарах С. Э. Дувана встречается множество личных оценок и малоизвестных сведений о современниках городского головы Евпатории, а также разнообразные факты из его насыщенной биографии. На авторском оригинале рукописи, состоящей из трех частей (каждая посвящена определенному хронологическому отрезку автобиографии С. Э. Дувана), имеются маргиналии, приписки и правки текста (сделанные рукой самого автора, или же его сына). Рукопись выполнена на пишущей машинке с использованием русской дореволюционной буквенной раскладки; бумага пожелтела от времени, имеет следы деформации – при пересылке письмом листы были сложены вчетверо. На первых страницах двух из трех частей рукописи имеются записи, сделанные рукой Иосифа Семеновича Дувана: «15.9.<19>51 от отца, из Monte Carlo, получено в В.<uenos> Aires. J. Douvan». Помимо мемуаров самого С. Э. Дувана, его заметок в зарубежной русскоязычной прессе, М. А. Кублицкой был обнаружен также некролог Елизаветы Моисеевны Дуван, впервые напечатанный в 1970 г. в Буэнос-Айресе, в русском эмигрантском издании «Сеятель» («Sembrador») (Буэнос-Айрес, 1932–1982) — периодический печатный орган русской эмиграции; обязательный второй заголовок на испанском в типографских изданиях — «орган культурно-просветительный». Периодичность издания менялась: выходил как ежемесячник, четыре раза в год, в некоторые годы не выходил, в другие — всего один раз в год).

В преддверии издания полной версии воспоминаний С. Э. Дувана ниже публикуется отрывок его мемуаров, ранее напечатанный в эмигрантской русскоязычной газете «7 дней», выходившей в Париже в начале 1930-х гг. 24 ноября (предположительно, 1931 г., поскольку сама заметка представлена в виде вырезки из экземпляра номера, но без указания даты) газета разместила на своих страницах заметку под названием «Царская семья в Евпатории (из воспоминаний евпаторийского городского головы)» за подписью С. Э. Дувана. Текст публикации представляет собой воспоминания Симхи Эзровича, связанные с визитом членов августейшего семейства Романовых в Евпаторию в 1916 г., причем проиллюстрирована данная заметка фотографией из личного фотоархива Николая II. Ее текст лишь частично совпадает с текстом, напечатанным в сборнике «Скорбный ангел» в 2006 г., и данная версия воспоминаний городского головы Евпатории ранее никогда не публиковалась.

Приложение 1

С. Дуван

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ В ЕВПАТОРИИ

В 1915 году, по распоряжению Императрицы Александры Федоровны, расположенная в парке у моря, Ламановская санатория была преобразована в «Евпаторийскую, Имени Ея Величества, Приморскую Санаторию».

Она находилась в общем ведении генерала С. Н. Вильчковского², который управляли всеми лечебными заведениями Императрицы. Хозяйственное же заведывание было поручено мне.

Государь, никогда раньше в Евпатории не бывавший, чрезвычайно заинтересовался блестящими результатами санаторного лечения, и решил приехать к нам из Севастополя, где находился тогда со всей царской семьей.

16 мая 1916 года Царская Семья прибыла по железнодорожной ветке, проведенной в военное время. Высокие гости были встречены на перроне представителями разноплеменного местного населения: русских, татар, караимов, греков, евреев, армян и поляков. В качестве городского головы, я приветствовал Государя и поднес ему Хлеб-соль. Императрице был поднесен старинный ларец слоновой кости с 25 тысячами рублями, представлявшими личные пожертвования гласных Евпаторийской Думы на нужды раненых воинов.

Со времени существования города, это был второй царский приезд: в 1812 г. посетил Евпаторию Император Александр I³. Высокими гостям был оказан чрезвычайно радушный прием. Около 1.200 человек образовали цепь по всему пути. Десятки тысяч народа, толпившегося за цепью, вели себя образцово, порядок нигде не был нарушен.

Императорский кортеж двигался медленно, что дало Царской Семье и всем встречавшим ее, возможность близкого, непосредственная общения. Столь необычайным для него приемом Государь был глубоко взволнован. Прежде всего, Высокие гости направились в кафедральный собор, а оттуда в мусульманскую мечеть и караимскую кенассу — храмы наиболее многочисленного, после русских, населения города. Прослушав везде торжественный молебен, Царская Семья посетила «Санато-

рию Ея Величества». Здесь, облакав раненых и побеседовав со служебным персоналом, Государь вместе с Наследником, направился в парк, чтобы оттуда пройти к морю, а Императрица, как хозяйка санатории, входившая во все детали ведения дела и ухода за больными, осталась вместе с великими князьями, в обществе сестер милосердия и раненых.

Наследник радостно резвился на песке, с детской живостью отдаваясь столь редкому для него удовольствию. Внезапно я был прерван вопросом Государя:

— А это, вдоль стены, улица вашего имени?

— Так точно, Ваше Величество.

— А нельзя ли нам обратно вернуться по ней? Она ведет к воротам санатории, если я не ошибаюсь?

— Совершенно верно, Ваше Величество, и, если Вам угодно, мы пройдем ее, только это отымет больше времени и будет несколько затруднено, т.к. улица запружена народом.

— Ничего, пойдете...

Меня охватила страшная тревога, но высказать ее я не посмел. Оставалось только подчиниться. На улице бушевала толпа в 5–6 тысяч человек. При неожиданном появлении Государя с Наследником, со стороны моря поднялось нечто невообразимое. Нельзя описать охватившего народ энтузиазма. Дикое громовое ура, и в мгновение ока, Государь, юный Цесаревич и все сопровождавшие их были окружены и стиснуты живым кольцом восторженных граждан. Все стремились подойти вплотную к Государю, целовали руки Наследника и забросали их дождем цветов, запасенных к царскому выходу. (Увы, после того как разыгралась революция, я видел многих из этой толпы, когда они изрыгали проклятия по адресу несчастного Царя и участвовали в зверских убийствах беззащитных офицеров и горожан).

Затем Царская Семья, осмотрела городской театр и посетила учрежденный мною Земско-городской лазарет. Здесь, между прочим, произошел случай, чрезвычайно всех взволновавший. Среди тяжело больных солдат находился татарин Мустафа. <...>⁴ Узнав о посещении Царя, он пришел в возбуждение, молил доктора употребить все средства, чтобы он мог дожить до этого момента. Он лежал в палате второго этажа. Пока Высокие гости обходили больных в первом этаже, он так разволновался, что с минуты на минуту могла наступить смерть. Заведующей лазаретом, доктор Б. И. Казас⁵, счел необходимым доложить об этом Государю. Немедленно все поднялись наверх. Государь облакал несчастного

⁴ Повреждение текста, трудночитаемо.

⁵ Казас Борис Ильич (1861–1922) — второй сын караимского просветителя И. И. Казаса, ученый и общественный деятель, доктор медицины, врач-специалист широкого профиля, обладавший универсальными познаниями в области медицинских наук. Доктор медицины, Б. И. Казас был прекрасным терапевтом, хирургом, окулистом и педиатром; он являлся и одним из авторов методики грязелечения. Около 40 лет Б. И. Казас трудился в Евпатории; большую часть этого времени — в должности главного врача евпаторийской больницы [Прохоров 2009, с. 213–215].

и прицепил ему на грудь георгиевский крест. Императрица его обняла, и он скончался буквально у нее на руках, окруженный всей Семей и шепча молитвы.

Из лазарета, гости направились к царскому поезду, на завтрак к кому были приглашены губернатор, предводитель дворянства и я. В самый разгар беседы, когда Государь рассказывал о том, насколько он был тронут сердечным приемом разноплеменного населения города, губернатор вдруг говорить ему:

— А знаете, Ваше Величество, ведь и немцы хотели поднести Вами хлеб-соль, но я не допустил, полагая, что едва ли это будет Вам по душе, когда мы с немцами воюем⁶.

Лицо Государя буквально потемнело, глаза налились кровью, он ударил кулаком по столу и вскрикнул:

— Немцы — нет, ни за что!

Воцарилось тяжелое молчание. Тогда губернатор торжественно обращается ко мне:

— Слышите, С.<имен> С.<ергеевич>, а вы спорили со мною, чтобы допустить немцев.

Гневный взгляд Государя остановился на мне. Но он ничего не сказал. Огорошенный выходкой губернатора, и вспышкой Государя, я чрезвычайно смутился, но, быстро овладев собою, обратился к Государю.

— Ваше Величество, разрешите мне доложить Вам все обстоятельство дела.

И я объяснил, что здесь идет речь о местных немцах колонистах, коих отцы и деды родились в Крыму, совершенно обрусели и преданы царю и России не менее, чем все мы. Многие службой и всей жизнью своей неоднократно доказали эту преданность. А когда вспыхнула война, евпаторийские немцы внесли мне на нужды раненых собранные по их собственной инициативе 100.000 рублей. Узнав от меня об отклонении губернатором их ходатайства об участии во встрече Царской Семей, многие из них плакали.

Моментально настроение Государя изменилось: черты лица смягчились и грустным, взволнованным голосом он сказал:

— Как жаль, как жаль, если это так, конечно, их надо было непременно допустить.

⁶ После принятия в 1915 г. «Положения Совета Министров о прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских или германских выходцев в приграничных местностях» и согласно определению, принятому Таврическим Губернским правлением на заседании 27 февраля 1916 г., на полуострове началась ликвидация немецкого землевладения, что в итоге привело к резкому снижению уровня экономики и сельского хозяйства в губернии. Были введены санкции и непосредственно против австро-венгерских, германских и турецких подданных — они подлежали выдворению за пределы страны, также, как и «подданные враждебных государств славянского, французского и итальянского происхождения». Таврический губернатор Н. А. Княжевич в этом вопросе стоял на позициях «освобождения России от немецкого засилья» [РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 777. Л. 1, 2, 2 об.].

Случай этот особенно показателен тем, что обнаружил пред нами слабость воли Государя и неустойчивость его характера.

На протяжении каких-либо пяти минут, под влиянием выслушанных противоположных суждений, он дважды изменил свое мнение.

Вторая половина дня была посвящена отдыху Царской Семей у меня на даче «Мечта», где в это время проживала подруга Императрицы А. А. Вырубова⁷. Она пользовалась евпаторийским грязевым лечением.

К приезду Высоких гостей вся дача «Мечта» была покрыта сплошным ковром маков и васильков, специально для этой цели доставленных крестьянами.

Свободные от тягостных официальных обязанностей, и почувствовав себя в интимной обстановке, члены Царской Семей предались маленьким удовольствиям. Все, за исключением Императрицы, выкупались в море, погрелись на пляже, фотографировали друг друга на песке и в воде. Наследник занялся сооружением на пляже крепости из сложенной там черепицы и камня, в чем ему усердно помогал Государь. Крепость эта сохранялась нами до самой революции со следующей надписью: «Первая крепость, собственноручно сооруженная Наследником Цесаревичем Алексеем в 1916 году».

Для развлечения детей из моего имения было доставлено гнездо какакульских овец (баран, матка и три ягненка), очень успешно разводимых в Крыму. Овцы были привезены в сопровождении старого овцевода, малоросса, Федора Литвиненко, дававшего Государю объяснения об этой отрасли. Не узнав Государя, когда тот впервые подошел к нему, Литвиненко, принимая его за одного из офицеров свиты, разговаривал совершенно непринужденно. На вопрос Государя:

— А когда привезли этих овец сюда?

Он простодушно ответил:

— Привезли сегодня утром, потому что ожидают Государя.

Тут я шепнул ему, что с ним говорит сам Государь. Он страшно взволновался, бросил шапку на землю и хлопнулся на колени.

— Батюшка, Царь, — завопил он. — Прости меня, а я, дурень, и не признал, с кем говорю. Семьдесят лет живу на свете, и не думал, что доживу до такого счастья.

Царь подняли его и всячески обласкал.

Наследник был в восторге от ягнят. Вместе с сестрами долго резвился с ними и страшно обрадовался, когда узнали, что они предназначены ему в подарок.

Евпаторийское море и пляжи произвели на Императрицу столь глубокое впечатление, что был поднят вопрос о том, чтобы к будущему сезону привезти Наследника на дачу «Мечта». И эти планы, как и многие другие, были безжалостно сметены жестокой революционной стихией.

Газета «7 дней», Париж, 24 ноября (предположительно, начало 1930-х гг.)

⁷ Вырубова Анна Александровна (Танеева) (1884–1964) — фрейлина императрицы Александры Федоровны, мемуаристка.

Рис. 2. Визит Николая II в евпаторийские караимские кенасы в 1916 г. Справа от императора – Таврический и Одесский караимский гахам С. М. Шапшал. Дореволюционное фото

В. Ю. Радочин

Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Предварительные результаты исследования антропологического материала из погребений на плато Эски-Кермен (по результатам раскопок 2018 г.)¹

В 2018 г. совместной экспедицией Института археологии Крыма РАН и Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского под руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой на плато Эски-Кермен были продолжены работы в квартале 1 и начаты исследования около базилики в центральной части городища. В ходе этих работ зачищены и изучены два погребальных сооружения: гробница 1 на второй поперечной улице и плитовая могила 1 к западу от базилики.

Из гробницы 1 на второй поперечной улице получен антропологический материал, соотносящийся с 17 погребенными, из них 5 взрослых и 12 детей. Все зачищенные *in situ* погребения были совершены в вытянутом положении на спине (за исключением погребения № 6), головой на восток. Руки взрослых погребенных были согнуты в локтевых суставах. Положение рук захороненных детей было вытянутым по продольной оси погребения. Единственное женское погребение (№ 6) совершено на левом боку. Возраст трех погребенных в гробнице мужчин соотносится с 25–30 годами, еще одного можно определить как 50+. Возраст погребенной женщины соотносится с 20–30 годами.

В могиле 1 у базилики было захоронено 2 человека: молодая женщина в возрасте 19–25 лет и ребенок в возрасте 1–1,5 года. Погребения были совершены в вытянутом положении на спине, головой на восток. Руки погребенной женщины были согнуты в локтевых суставах, положение рук ребенка было вытянутое по продольной оси.

Конструкция погребального сооружения у базилики дает возможность предполагать, что планировались и последующие погребения, однако по каким-то причинам захоронения прекратились. С высокой

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

степень вероятности можно считать, что это одно из последних погребений на городище.

В целом степень сохранности костей взрослых погребенных можно считать хорошей, детей — удовлетворительной. Положение костяков в могилах говорит о том, что при погребении тела умерших не заворачивались в тленный материал. Следует отметить, что в обоих погребальных сооружениях детских захоронений в возрасте ранее полугодия не выявлено.

На полученном материале отмечены пентагоноидные, овоидные и сфеноидные краниоформы.

Эпигенетические маркеры отмечены в 8 случаях. Преимущественно это были добавочные косточки на черепе. В двух случаях на женских костяках отмечены межмышечковые отверстия на плечевых костях. Фиксировались также адентии третьих моляров и варианты форм грудины.

На полученном материале отмечен ряд патологических изменений, среди которых наиболее частые связаны с зубным аппаратом: кариес, утрата зубов, зубной камень, абсцесс.

К следующей многочисленной группе патологий отнесены изменения, связанные с заболеваниями позвоночника. Среди них — остеофитоз позвонков, узлы Шморля, остеохондроз, спондилоз. В одном случае, на мужском костяке отмечена болезнь Форестье. Данное заболевание встречается достаточно редко и, как правило, фиксируется в два раза чаще у мужчин в возрасте после 50. Заболевание характеризуется изменениями тел позвонков, приводящих к полному анкилозированию позвоночника. В трех случаях отмечено окостенение крестцово-подвздошной связки. В одном случае патология привела к образованию костного блока, исключающего подвижность. Те или иные изменения патологического характера на позвоночнике отмечены на всех взрослых костяках из гробницы 1, что еще раз подтверждает наши предположения о чрезмерных нагрузках на организм в молодом возрасте у жителей городища на плато Эски-Кермен.

Выявленные энтезопатии костей рук и ног говорят о повышенных физических нагрузках на определенные участки организма, либо на повторяющиеся, однотипные движения без выключения из процесса длительный промежуток времени. Энтезопатии на мужских костяках отмечены на локтевых костях, надколенниках, большеберцовых и пяточных костях.

Проявления артроза отмечены на пяти костяках, среди них — артроз плечевых и лопаточных костей, а также артрозы тазобедренных суставов.

В 7 случаях отмечен поротический гиперостоз, его частный случай — *cribra orbitalia* фиксировался на 5 детских костяках.

На мужском костяке № 1 из гробницы 1 выявлена *spina bifida*. Еще на одном костяке № 5 из той же гробницы выявлено костное новообразование в носовых пазухах спорной этиологии.

Выявлен один случай травматического поражения. На левой теменной кости из мужского погребения № 4 отмечено травматическое поражение в результате компрессионного воздействия. След от травмы имеет размеры 27x30 мм и глубину до 2,5 мм.

В целом, полученный материал подтверждает и дополняет полученные ранее антропологические данные о населении средневекового городища на плато Эски-Кермен и, несомненно, является важным источником информации для палеоантропологических и палеопатологических исследований древнего населения Крыма.

Л. В. Седикова

Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия)

Квартал на участке водохранилища в Херсонесе в поздневизантийский период

Исследования Южного района Херсонесского городища впервые были предприняты в 1885 г., когда при строительных работах Военного ведомства были открыты остатки фундаментальной постройки, принятой за цитадель средневекового времени [Бертъе-Делагард 1893, с. 37]. В 1898 г. раскопки на участке продолжил К. К. Косцюшко-Валюжинич [Косцюшко-Валюжинич 1890, с. 113–119]. Им была выявлена планировка большого общественного здания позднеантичной эпохи и частично раскопана оборонительная стена, а также исследованы постройки последнего периода существования квартала. В 50–70-е годы XX столетия раскопки продолжила экспедиция ГИМ под руководством Н. В. Пяташевой. Ею было частично исследовано городское водохранилище и примыкающие к нему синхронные административные здания. В ходе исследований были открыты стены зданий позднеантичного периода, возникшие на руинах предшествующей застройки [Пяташева 1969, с. 156–158]. К сожалению, в отчетах XIX в. и послевоенного периода отсутствуют стратиграфические привязки. Нет ясности с датировкой «бутового кольца» на месте общественного здания. Однако на основе приведенного в отчетах материала можно констатировать, что поздняя застройка квартала не примыкала к городской оборонительной стене и была ориентирована на планировку разрушенного комплекса построек, связанных с водохранилищем. В верхнем слое отмечаются находки монохромной поливной посуды с орнаментом сграффито, керамики типа Zeuxippos Ware, Glazes White Ware IV и Polychrome Sgraffito Wares. Редкими находками являются бронзовый крест-энколпион древнерусского типа и зооморфный замок с арабской надписью. Найденная на участке раскопок черепица с зажимами была отнесена Н. В. Пяташевой к армянской традиции. Было высказано предположение о проживании в исследуемом квартале в конце XII — начале XV вв. армянской общины.

С 1987 по 2000 г. раскопки участка водохранилища проводились Л. В. Седиковой. Был исследован участок раскопок К. К. Косцюшко-Ва-

люжинича на месте позднеантичной застройки и участок раскопок Н. В. Пяташевой к северу от водохранилища.

К. К. Косцюшко-Валюжинич опубликовал план раскопанного участка, на котором читаются бутовые стены построек — семь помещений и двор, перекрывающие позднеантичное здание. При раскопках 1998–1999 гг. было выяснено, что от открытых в XIX в. построек сохранилась лишь одна стена. Рядом открыто еще одно помещение с вымосткой и переулок, ведущий на главную улицу. К сожалению, при исследовании нетронутые слои позднеантичного периода выявлены не были.

В 2000 г. были раскопаны три помещения, располагавшиеся вдоль главной улицы. Из трех помещений два имели выход на главную улицу. Стены сложены из бутового камня на земляном растворе. Находки арочных блоков в слое разрушения стен свидетельствуют о наличии окон. При строительстве юго-восточных стен здания использовались остатки стены водохранилища. В отчетах ГИМ есть информация о наличии вымостки в помещении 6. Это помещение, угол которого был отгорожен камнем, вероятно, являлось двором. В верхнем слое каменного завала содержалось большое количество разновременного керамического материала. Можно предположить, что это перемещенный грунт, появившийся на участке в новое время. Самой поздней находкой здесь является донная часть поливной миски типа Elaborate incised ware, который современные исследователи датируют серединой XIII — XIV вв. [Vroom 2005, p. 122–123]. На исследованном нами участке лишь одно помещение оказалось нетронутым предыдущими раскопками. Под завалом камней и мусора был выявлен слой рухнувшей черепицы с метками в виде букв и изображений птиц, а под ним — слой жизнедеятельности. Он представлял собой утрамбованный земляной пол с остатками костей животных. В восточном углу помещения в скале была вырублена яма глубиной 1,1 м. В ней были найдены фрагменты коричневоглиняных сосудов: пифоса, амфоры и археологически целого кувшина. Датировочным материалом являются фрагменты амфор типа Günsenin III, Günsenin IV, трехручных амфор местного производства. В засыпи ямы также присутствовали фрагменты белоглиняной поливной керамики типа Glazes White Ware IV по Дж. Хейсу, фрагменты керамики типа Zeuxippos Ware и один фрагмент восточного кашинного сосуда, покрытого синей поливой. Стекланные изделия представлены фрагментами рюмки, сосуда с отогнутым венчиком и браслета из синего стекла.

Как показали раскопки квартала в Южном районе Херсонеса на месте городского водохранилища, построенного в позднеантичную эпоху, застройка квартала в позднеантичный период не была плотной. Переотложенный и немногочисленный стратифицированный материал позволяет говорить о том, что строительная техника и массовый материал имеют полные аналогии с находками из соседнего квартала L,

а также других районов города, погибших в результате некоего катастрофического события, вероятно, нашествия, предположительно в середине — третьей четверти XIII столетия [Голофаст, Рыжов 2003, с. 234; Sedikova 2015, p. 277].

Литература

1. Бертье-Делагард А.Л. Древности южной России. Раскопки Херсонеса // Материалы по археологии России. СПб., 1898. Вып. 12.
2. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2003. Вып. X.
3. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1898 г // Отчет Археологической комиссии за 1898 год. М., 1990.
4. Пятышева Н.В. Раскопки Государственного исторического музея в Херсонесе // Экспедиции Государственного исторического музея. М., 1969.
5. Sedikova L. Glazed Ware from the mid thirteenth-century destruction layer of Chersonesos // Medieval and Post Medieval ceramics in the Eastern Mediterranean. Fact and fiction. Turnhout, 2015.
6. Vroom J. Byzantine to modern pottery in the Aegien. 7th to 20th century. Utrecht: Parnassus Press, 2005.

Э. И. Сейдалиев

Крымский инженерно-педагогический университет;
Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Новое поселение золотоордынского времени в Белогорском районе Республики Крым

В ходе проведения археологических разведок в конце 2014 г. в связи с предстоящим строительством на территории Белогорского района Республики Крым высоковольтной линии электропередач «Каффа–Симферополь» было выявлено значительное количество объектов археологии. В том числе было обнаружено новое поселение золотоордынского времени, получившее название «Старый Фонтан»¹. В 0,27 км к юго-востоку от с. Некрасово Белогорского района Республики Крым у подножия северного склона горного массива Кубалач было выявлено поселение эпохи раннего железного века. До 1948 г. село Некрасово носило название Мелек, и это наименование было решено присвоить вновь открытому объекту археологии раннего железного века. Поселение золотоордынского времени было обнаружено в 1 км к юго-востоку от с. Некрасово. На картах 1842 и 1865 гг. рядом с селом Мелек имеется хутор Фонтан, который на карте 1924 г. фиксируется уже как хутор Старый Фонтан. Именно так и было предложено именовать поселение средневекового времени.

Поселение «Старый Фонтан» было выявлено в результате осмотра мест расположения опор линии электропередач (в дальнейшем ЛЭП) №№ 181–183 и 186–188. Осмотр показал, что сооружение опоры № 182 ЛЭП запланировано на локальном зольнике близ водоносной балки в 1 км к юго-востоку от села Некрасово. Идентификацию возвышенности в качестве зольника подтверждали найденные на его вершине многочисленные фрагменты керамики средневекового облика. Сооружение котлована для опоры на этом месте угрожало полным разрушением объекта археологии, и в этой связи было принято решение изучить культурные отложения зольника на площади 100 кв. м. За центр раскопа был принят геодезический репер опоры, от него по оси север–юг был разбит раскоп со сторонами 10x10 м, в общей сложности это составило 4 квадрата со сторонами 5x5 м. Последовательное изучение слоя дерна

¹ Приношу благодарность Ю. П. Зайцеву и И. И. Шкрибляк за помощь в проведенных полевых и лабораторных работах.

и ниже залегающих горизонтов до скалы подтвердило наличие здесь культурного слоя мощностью от 0,5 до 1,2 м. Анализ стратиграфии северного борта раскопа показал, что накопление культурного слоя здесь происходило в 2 этапа – первый (и наиболее ранний) связан со слоем светлого золистого суглинка на скале мощностью 0,2–0,3 м, второй – со слоем золистого гумуса мощностью 0,6–0,8 м. Культурные горизонты разделяет стерильная прослойка темного гумуса мощностью 0,15 м. Слой золистого гумуса максимально насыщен гончарной керамикой, среди которой преобладали фрагменты столовой посуды с покрытием глазурью разных цветов и орнаментацией и фрагменты плоскодонных красноглиняных амфор. С этим же горизонтом связаны многочисленные железные, бронзовые и серебряные изделия: гвозди, ослиные подковы, механизмы дверных замков, пряжки, ножи, серп, перстни и их фрагменты, монеты. В средней части квадратов 1 и 2 зафиксирован угол кладки из необработанного известняка на грязевом растворе, сооруженной на слое золистого гумуса. Подошва кладки прослежена на отметке -0,2 м от слоя дерна. С архитектурным сооружением связан локальный слой пожара, мощностью 0,2–0,25 м, примыкающий к подошве кладки и перекрывающий ее. Из пожара происходят многочисленные фрагменты столовой посуды, покрытые глазурью разных цветов, и амфорной тары.

Первоначальный анализ керамического материала и монет позволил датировать верхний горизонт зольника XIV веком и связать его с крупным поселением, существовавшим на берегу водоносной балки в эпоху развитого средневековья. Дальнейший анализ археологического материала позволил уточнить датировку поселения и выделить три этапа его функционирования. Первый датируется 20–30-ми гг. – серединой XIV в., второй – серединой – 60–70-ми гг. XIV в., третий этап связан по времени с поселением эпохи Крымского ханства.

В. А. Сидоренко

*Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)*

Первые монеты золотоордынского Крыма: сёгун Тука Тимур

Осуществление, начиная с правления Берке, монетного производства в золотоордынском Крыму двумя монетными дворами, выступавшими под именем «Крым» (арабск., тюркск. — Къырым) привлекло к себе внимание только недавно [Сидоренко 2016, с. 33–60; Сидоренко 2017, с. 81–89, 169–174]. Золотоордынские владения в Крыму рассматривались как улус, находившийся в подчинении у наместника золотоордынского хана, пребывавшего в столице улуса городе Солхате, который считался единственной и первой столицей.

На несоответствие свидетельства Абу-ль-Гази о передаче Менгу Тимуром (665 г.х. = 2.10.1266 – 21.09.1267 гг.) Крыма тукатимуриду Урунг Тимуру более раннему упоминанию о нем как владетеле Крыма обращал внимание В. В. Бартольд [Бартольд 1965, с. 453], оставивший его без единственного возможного заключения о переходе власти над крымским улусом от Тука Тимура к его сыну Урунг (Узан, Оран) Тимуру до 665 г.х. В 1262 г. генуэзцы покупают у Урунг Тимура территорию для своей колонии Каффы. С ним же, очевидно, как командующим десятью тысячами всадников и владетелем всего края встречалось осенью 1263 г. посольство мамлюкского султана в его ставке, расположенной на расстоянии дня пути от местечка Крым на границе со степью [Тизенгаузен 1884, с. 54, 63, 180, 192]. Очевидно, что Крым достался ему наследованием от своего отца Тука Тимура.

О местоположении ставки Тука-Тимура в Крыму свидетельствует его монетная чеканка, в которой, по мнению В. Н. Настича, он обозначен именем Тимир-Тука или Тимирбуга. Такая монета, найденная в составе монетно-вещевого клада XIII в. из Отрара, впервые была им опубликована (в соавторстве с К. М. Байпаковым) в 1981 г. [Байпаков, Настич 1981, с. 46, № 17, рис. 12, 13], позже К. К. Хромовым были изданы экземпляры из частных коллекций и Эрмитажа [Хромов 2004, с. 15–17; Хромов 2007, с. 8–9]. В настоящее время число известных монет возросло, обнаруживается использование наиболее раннего монетного типа для штампа оборотной стороны, отличающегося от обычного надписью (рис. 1, 1).

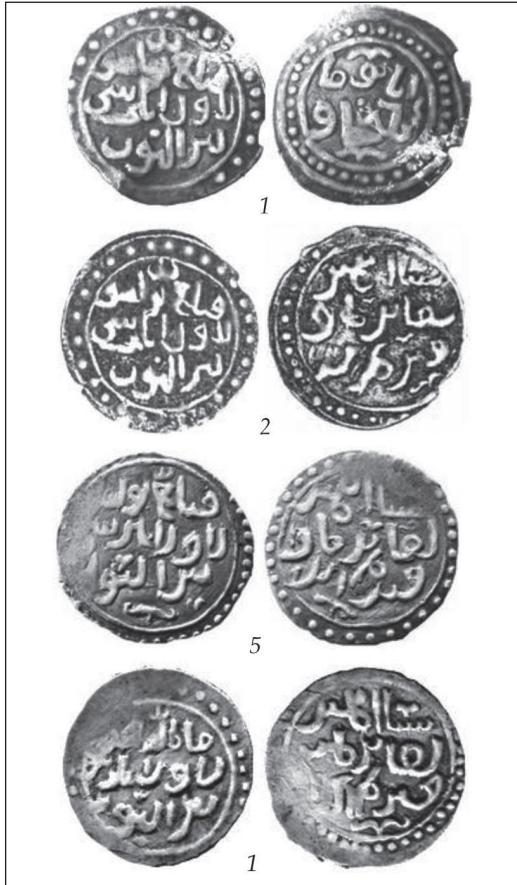

Рис. 1. Ярмаки Тука Тимура (№№ 3- 4, 6-10, 12 см. вклейка 17).

Серебряные монеты Тука Тимура представляют следующие варианты:

1. Лиц. = 2 (то же, тот же штемпель): Kutlug bōlsun ōn ā iķi si bīr āltūn –

Будь счастлив, пусть двенадцать для одного алтуна;

об.: Ātā Tūkā sōķun ĩrmāk – Ата Тука сёгун, йармак.

2. Лиц. = 1;

об.: Iassā-ā Tīmīr Tūkā ĩrmāk Kīrīm āķrā,

Йаса-а Тимир Тука, йармак Кырым Акра.

3. Лиц. = 4: Kutlug bōlsun ōn ā iķi si bīr āltūn –

Будь счастлив, пусть двенадцать для одного алтуна;

об.: Iassā-ā Tīmīr Tūkā ĩrmāk Kīrīm āķrā,

Йаса-а Тимир Тука, йармак Кырым Акра.

4. Лиц. = 3;

об.: Iassā-ā Tīmīr Tūkā ĩrmāk Kīrīm āķrā,

Йаса-а Тимир Тука, йармак Кырым Акра.

5. Лиц.: Kutlug bōlsun ōn ā iķi si bīr āltūn –

Будь счастлив, пусть одиннадцать для одного алтуна;

об. = 6: Iassā-ā Tīmīr Tūkā ĩrmāk Kīrīm āķrā,

Йаса-а Тимир Тука, йармак Кырым Акра.

6. Лиц.: Kutlug bōlsun ōn ā iķi si bīr āltūn –

Будь счастлив, пусть одиннадцать для одного алтуна;

об. = 7: Iassā-ā Tīmīr Tūkā ĩrmāk Kīrīm āķrā,

Йаса-а Тимир Тука, йармак Кырым Акра.

7. Лиц. = 8: Kutlug bōlsun ōn ā iķi si bīr āltūn –

Будь счастлив, пусть одиннадцать для одного алтуна;

об. = 6.

8. Лиц. = 7;

об.: Iassā-ā Tīmīr Tūkā ĩrmāk Kīrīm āķrā,

Йаса-а Тимир Тука, йармак Кырым Акра.

9. Лиц. = 10-12: Jāmāl bōlsun ōn ā iķi si bīr āltūn –
Джамал, пусть одиннадцать для одного алтуна;

об.: Iassā-ā Tīmīr Tūkā ĩrmāk Kīrīm āķrā,

Йаса-а Тимир Тук(а), йармак Кырым Акра.

10. Лиц. = 9, 11-12;

об.: Iassā-ā Tīmīr Tūkā ĩrmāk Kīrīm āķrā,

Йаса-а Тимир Тука, йармак Кырым Акра.

11. Лиц. = 9-10, 12;

об.: Iassā-ā Tīmīr Tūkā ĩrmāk Kīrīm āķrā,

Йаса-а Тимир Тука, йарма Кырым Акра.

12. Лиц. = 9-11;

об.: Iassā-ā Tīmīr Tūkā ĩrmāk Kīrīm āķrā,

Йаса-а Тимир Тука, йармак Кырым Акра.

Монгольское «йармак» (справедливый) встречается в надписи медных монет Крыма «Сорок восемь — один ярмак», что свидетельствует об обозначении им стоимости и названия номинала. Изменения с 12 на 11 обозначений обменной стоимости «ярмака» к «алтуну» можно связывать с понижением монетной пробы гиперперонов при Михаиле VIII Палеологе после его правления в Никее (1258–1261 гг.). Это может служить ориентиром для датировки монет Тока Тимура, выпуски которых с приравниванием их одиннадцати к алтуну должны соответствовать пореформенным гиперперонам.

В надписи оборотной стороны на одном из штемпелей (рис. 1, 4–5) в окончании слова «йармак» персидский концевой «кяф», соединенный верхней чертой с предыдущей «алиф» в нарушение правописания. Не-

правильные соединения букв, как приращение «даль», «ра», встречаются на монетах Крыма и более позднего времени. Возникающие при их чтении трудности особенно ощутимы в медной чеканке Тука Тимура, принадлежность которой ему определяет повторение на одной из сторон медных монет надписи с его именем и титулом, заимствованной с некоторыми искажениями с серебряных монет раннего выпуска.

Монетный тип меди Тука Тимура представлен двумя видами:

1. Лиц.: Конный лучник, скачущий вправо, стреляющий вперед;

об.: *Ātā Tūkā sēḡiun* – *Ата Тука сёгун* (Рис.2, 1).

2-3. Лиц.: Конный лучник, скачущий вправо, стреляющий развернувшись назад; об.: *Ā[t]ā Tūkā sēḡiun* – *A[t]a Тука сёгун* (Рис.2, 2-3).

«Сёгун» — заимствованное из китайского языка слово, означавшее «полководец», «командующий». Когда фактический правитель Японии Ёритомо из клана Минамото получил с санкции императора в 1192 г. звание *сэйи-тайсёгун*, оно, или упрощенное *сёгун*, становится наследственно-родовым титулом фактического военного правителя страны. Это звание засвидетельствовано у монголов.

В Золотой Орде главнокомандующий чаще зовется на тюркский манер *беклербеком*, а после принятия Берке и военной аристократией весной 1263 г. мусульманства — *амир аль-амир*. Этот высокий титул служил трамплином для объявлявших себя ханами Мамай, Бек Пулада и др.

Рис. 2. 1-3 – Медные монеты Тука сёгуна;
4-5 – надпись серебряной монеты «Ата Тука сёгун йармак» (4)
и копирующая ее надпись на медной – «Ата Тука сёгун» (5)

Поскольку владение Крымом закреплялось за тукатимуридами не только ясой Бату, но и наследственностью титула главнокомандующего, что находим в Крымской чеканке Тука Тимура (сёгун), то после Бердибека, с которым прервалась прямая линия ханов из рода Бату, владельцы Крыма являлись первыми законными претендентами на верховную власть в Орде. Это обстоятельство значительно проясняет причины и юридические основы образования Крымского ханства и причастность к Казанскому ханству рода Гераев.

Литература

1. Байпаков К.М., Настич В.Н. Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма. (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981. с. 20–62.
2. Бартольд В.В. Сочинения. Т. III. Работы по исторической географии. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1965.
3. Сидоренко В.А. Монетная чеканка Крымского ханства (1442–1475). Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. 384 с.
4. Сидоренко В.А. Посольство 1263 г. мамлюкского султана в Крыму и монетная чеканка крымских улусов Золотой Орды // Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма с Сирией и государствами Ближнего Востока» (Севастополь, 6–8 июня 2017г.). Тезисы докладов. М., 2017. С. 81–89.
5. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Типография Императорской АН, 1884. XVI, 566 с.
6. Хромов К.К. Новые данные о серебряном чекане Крыма раннего золотоордынского периода // Нумизматика. М., 2004. Июль (5). С. 15–17.
7. Хромов К.К. Монеты западной части Улуса Джучи. Часть I. Йармаки Крыма. Раздел I. Серебряные монеты, чеканенные до правления хана Токту // Восточная нумизматика в Украине. Монеты Джучидов и сопредельных государств в XIII–XV вв. Часть II. Киев: Купола, 2007. С. 4–54.
8. Хромов К.К., Настич В.Н. Два редких типа серебряных монет Крыма золотоордынского периода // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003г.

В. П. Степаненко

Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)

К структуре византийского пограничья в Крыму

При характеристике ситуации в Крыму после 1204 г. исследователи обычно цитируют известный пассаж синопсиса «Жития Евгения Трапезундского» скевофилакса Иоанна Лазаропулоса (ок. 1364 г.) в переводе Ф. И. Успенского о том, что после заключения соглашения о мире между Великим Комнином Андроником Гидом и султаном Рума Ала ад дином Кей Кубадам в 1223 г. «соглашение было нарушено вследствие несправедного поступка реис Хетума, подчиненного султану наместника Синопа. Начало военных действий было вызвано следующим случаем. Нагруженное собранными с Херсона и городов тамошней Готфии суммами и другими взносами судно, на котором находился как заведующий казенными сборами Алексей Пактиарий, так и некоторые херсонские архонты, шло по направлению в нашу сторону с целью уплаты василевсу Гиду годичного взноса. Но по причине бурной погоды судно было прибито к Синопу. Названный губернатор разграбил это судно, завладел находящимися в нем денежными суммами и пленил всех, вместе с корабельщиками. Кроме того, послал против Херсона вооруженные суда и опустошил его окрестности» [Успенский 1929, с. 51]. При издании критического текста и английского перевода Жития данный пассаж был переведен как «neighbouring region of Gotthia» [Hagiographical dossier... 1996, p. 311]. Если же обратиться к оригиналу, то там ясно читается «Ναῦς τις λεφορτισμένη μετὰ τῶν τελεσμάτων τῆς Χερσῶνος καὶ τῶν ἐκεῖσε κλιμάτων Γοθθίας, καὶ δημοσιακοῦ ἄρχοντος Ἀλεξίου...». Так что логичнее перевести «с Херсона и климатов тамошней Готфии».

Как следствие, возникает вопрос о существовании пресловутых климатов Готии в первой четверти XIII в. Обвинить Лазаропулоса в том, что он некритически использовал ранний источник, так как писал-то он во второй половине XIV в., вряд ли возможно. Для него климаты существуют в первой четверти XIII в. О климатах писали много при предельно незначительной информации о сем предмете. Почти вся она была собрана М. А. Никифоровым [Никифоров 2011, с. 570–586]. Обращался к данной проблематике и К. Цукерман в контексте изучения ранней истории фемы Херсон [Zuckerman 1997, p. 210–222]. При этом, как мы ранее отмечали, византийские владения в Крыму традицион-

но рассматриваются как «вещь в себе», вне политической ситуации на полуострове в каждый конкретный период времени. В значительной степени это связано с отсутствием источников. Отсюда метания относительно статуса архонта Хазарии Чулы и того, что же представляла собой та же Хазария позже, на протяжении XI в., располагалась ли она в Крыму, на Тамани или более неопределенно «на Северном Кавказе». В свое время была актуальна проблема структуры византийского пограничья. Она была вынесена на византийский конгресс в Бухаресте [Удальцова, Каждан, Бартикян 1975, с. 21–26; Oikonomides 1975, р. 71–90] и решена лишь частично. По мнению авторов доклада: «византийская восточная граница постепенно перемещалась... Изменялся и ее географический облик, изменялся этнический субстрат, но тем не менее оставалась неизменной социально-политическая структура приграничных областей, остававшихся бахромой племенных княжеств подле централизованной и многоэтничной империи» [Удальцова, Каждан, Бартикян 1975, с. 21].

Был ли Крым частью этой восточной границы и не являлись ли эти Климаты именно племенными «княжествами», то подпадавшими под контроль империи и даже входившими в ее состав, то приобретающими автономию в период ее ослабления, как это могло иметь место после 1204 г., что и зафиксировал текст «Жития»?

Литература

1. Никифоров М.А. Таврические климаты византийских источников // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2011. Вып. XVII.
2. Успенский Ф.И. Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929.
3. Удальцова З.В., Каждан А.П., Бартикян Р.М. Социальная структура восточных границ Византийской империи в IX–XII вв. // Actes du XIVe Congrès international des Etudes Byzantines. Bucarest, 6–12 septembre 1971. II. Bucarest, 1975.
4. Hagiographical dossier of st. Eugenius of Trebizond in Codex Athous Dionisiou C 154. Critical edition with introduction, Translation commentary and indexes by Ian Olaf Rosenqvist. Uppsala, 1996.
5. Oikonomides N. L'organisation de la frontiere orientale de Byzance aux Xe–XIe c. et le Taktikon de l'Escorial // Actes du XIVe Congrès international des Etudes Byzantines. Bucarest, 6–12 septembre 1971. II. Bucarest, 1975.
6. Zuckerman C. Two notes on the early history of the thema of Cherson // Byzantine and the modern Greek Studies. 1997. Vol. 21.

И. Б. Тесленко

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Алуштинское городище в X–XI вв. Анализ археологических источников: поливная керамика

Археологические исследования средневекового городища, расположенного в центральной части современной Алушты, проводились с некоторыми перерывами с 1981 по 1998 гг. и затронули более трети площади укрепления. Работа по обобщению и публикации результатов тринадцатилетних раскопок, даже спустя 20 лет после их приостановки, все еще далека от завершения [обзор см.: Тесленко 2016, с. 214–215].

В полной мере это относится к культурным остаткам, сформировавшимся в промежутке между прекращением функционирования здесь византийского форпоста (середина VI — VII в.) [Мыц 1997, с. 184] и гибели застройки городища в пожаре во второй половине XIII в. [Мыц 2016].

Характеризуя этот этап, ведущий автор раскопок памятника В. Л. Мыц выделяет в нем «хазарский» (VIII — первая половина X в.) и «византийский» (вторая половина X — конец XIII в.) периоды, уделяя особое внимание лишь финалу последнего [Мыц 2016]. В остальном исследователь ограничивается несколькими общими замечаниями о гибели городища в конце X в. и возможных исторических процессах, затронувших обитателей укрепления, площадь которого к этому времени увеличилась с 0,25 до 0,5 га [Мыц 1997, с. 184; Мыц, Адаксина 1999, с. 123–126].

Из более осязаемых материальных свидетельств, добытых в процессе раскопок, опубликованы монета Никифора II Фоки (963–969 гг.), найденная на цитадели в слое пожара [Мыц, Адаксина 1999, с. 123–126]; византийское блюдо из строения 78, примыкающего «с внешней стороны ... к оборонительной стене IX–X вв.» [Адаксина 1994]; предварительная краткая информация о части материалов из зольника, датированного автором публикации в рамках середины X — первой половины (первой четверти) XI вв. [Майко 2002], а также проанализированы остатки оборонительных сооружений [Кирилко 2014, с. 200–202] и нескольких строительных периодов главного храма городища, соотносимых, хоть и весьма туманно, с рассматриваемой эпохой [Кирилко 2016].

Характеризуя культурные остатки этого времени, следует отметить их плохую сохранность, связанную с активной антропогенной деятель-

ностью на городище в последующие периоды, а также низкое качество фиксации материалов в процессе археологических работ 80-х — начала 90-х годов ушедшего столетия. Тем не менее, даже в таком виде, полученная информация достойна более полного введения в научный оборот.

Среди исследованных объектов — руины каменных строений и культурные слои различного происхождения, в том числе так называемый зольник за пределами оборонительной стены. Хронологическая позиция их в целом весьма расплывчато определена в рамках IX — первой половины XI в. с нижней границей для зольника около середины X в. Более детальная датировка слоев и комплексов пока весьма затруднительна. На основании упомянутой монетной находки предполагается, что не ранее конца 960-х гг. городище погибает в пожаре, однако точная дата этого события также не ясна¹. Поэтому в ряду иных проблем весьма актуальными остаются полные публикации материалов раскопок, относящихся к «хазарскому» и началу «византийского» этапа жизни на городище, которые будут включать анализ археологической отчетной документации и музейных коллекций добытых раскопками материалов².

Одной из наиболее выразительных составляющих керамического комплекса этих отложений является белоглиняная поливная посуда, зачастую дополнительно украшенная росписью коричневой краской (под бледно-желтой глазурью) и/или оттиснутым в центре рельефным декором (под желтой и зеленой глазурью). Благодаря своей атрактивности она тщательнее другой отбиралась для дальнейшего хранения, что позволяет в настоящее время более детально изучить эту категорию артефактов.

В музейных коллекциях и таблицах иллюстраций к отчетам в целом выявлено 6 полностью или частично реконструированных сосудов и обломки еще не менее 25 предметов, соотносимых с данной группой керамики (рис. 1–2; цветная вклейка рис. 3–4). Эту выборку, безусловно, нельзя считать репрезентативной из-за отсутствия статистических данных по группам артефактов в отчетах и выборочной передаче материалов в музейный фонд. Тем не менее на ее основании все же можно составить общее представление о видах белоглиняной поливной посуды, поступавшей на городище в начале средневизантийского периода.

Все выявленные сосуды относятся ко второй группе византийской поливной керамики по Дж. Хейсу (Glazed White Ware II, далее GGW II) [Hayes 1992, p. 18–29], а также технологически и морфологически близким к ней изделиям.

¹ Какие-либо материальные свидетельства жизни на городище в VIII – первой половине IX в. и второй половине XI – XII в. не упомянуты ни в отчетах, ни в публикациях. К первому периоду априорно отнесены лишь руины самой ранней церкви на цитадели [Кирилко 2016, с. 760].

² Находки частично поступили в Алуштинский историко-краеведческий музей (ныне Алуштинский отдел ГБУ РК «Центральный музей Тавриды»).

Формы и декор сосудов алуштинской коллекции вполне типичны для этой группы [см. напр.: Hayes 1992, p. 18–29; Vroom 2005, p. 73–77]: 2 типа жаровен на полых подставках с отверстиями (chafing dish) (рис. 1; цветная вклейка рис. 3), блюда и тарелки 4-х типов (рис. 2, 1, 2; цветная вклейка рис. 4, 5–7, 9), чаша на высокой конической ножке (цветная вклейка рис. 4, 4). Часть сосудов украшена оттиснутым в центре декором и/или росписью мазками коричневой краски. Глазурь желтая или зеленая, неравномерно окрашенная, нанесена на поверхность сосуда без предварительного покрытия ангобом.

Происхождение GGW II традиционно связывают со столицей Ромеев — Константинополем, что недавно получило некоторые подтверждения по результатам археометрических исследований³. Эта группа керамики в целом была широко распространена примерно с начала X и до финала XI вв. в Средиземноморье, Причерноморье, а также встречается на других восточноевропейских землях, проникая даже на север Европейского континента [см. напр.: Hayes 1992, p. 12–15, 18–19; Vroom 2005, p. 75; Макарова 1967, с. 9–10; Коваль 2010, с. 111–112, 113]. Находки GGW II также хорошо известны на различных синхронных памятниках Крыма [см. напр.: Паршина 1974, с. 66–67; Талис 1976, с. 64–73; Якобсон 1979, с. 83–93; Рыжов, Седикова 1999, с. 325; Майко 2004, с. 206–208; Герцен и др. 2006, с. 404–406].

Присутствие византийской белоглиняной керамики второй группы на Алуштинском городище свидетельствует о вовлеченности этого провинциального населенного пункта в торговые отношения с центральными районами империи Ромеев в X–XI вв., что характерно для всей южной части полуострова в этот период в целом. Поскольку находки монет на городище крайне редки, следует предполагать, что эта торговля носила здесь меновой характер, и поливная керамика в данных обстоятельствах могла выступать в качестве некоего эквивалента коммерческих операций.

Детализации влияния контактов с Византией на материальную культуру небольшого провинциального населенного пункта южного побережья Крыма во времени и пространстве будет способствовать дальнейший анализ всего комплекса археологических данных из раскопок памятника.

Литература

1. Адаксина С.Б. Белоглиняное блюдо с изображением рыб из Алустана // Византия и Ближний Восток / Ред. В. С. Шандровская. СПб., 1994. С. 101–108.
2. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2006. Вып. XII. С. 371–497.

³ Доклад С. В. Ваксман на конференции Association Internationale pour l'Etude des Céramiques Médiévales et Modernes en Méditerranée в Афинах в 2018 г.

3. Кирилко В.П. Крепостные сооружения средневековой Алушты // *Stratum plus*. 2014. Вып. 6. С. 177–234.
4. Кирилко В.П. Главный храм средневековой Алушты // *Великотърновский университет «Св. Св. Кирил и Методий» и Българската археология*. Т. 2. Проф. д-р Борис Борисов ученици и приятели. Велико Търново, 2016. С. 751–766.
5. Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси: конец IX–XVII века. М.: Наука, 2010.
6. Майко В.В. К вопросу о зольнике Алустана второй половины X в. // *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней* / Ред.-сост. В. Г. Рудницкая, И. Б. Тесленко. Киев: Стило, 2002. С. 48–58.
7. Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев: Академперіодика, 2004.
8. Макаров Т.И. Поливная посуда: Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. М.: Наука, 1967. (Свод археологических источников. Вып. Е1-38).
9. Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековых укреплений Алуатон и Фуна в 1985 г. // *Архив Института археологии НАН Украины*. № 1985/12в.
10. Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустан в 1988 г. // *Архив Института археологии НАН Украины*. № 1988/30.
11. Мыц В.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев: Наукова думка, 1991.
12. Мыц В.Л. Ранний этап строительства крепости Алустан // *Византийский временник*. 1997. Т. 57 (82). С. 187–203.
13. Мыц В.Л. Завоевание поздневизантийской Таврики Монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII в. // *Stratum Plus*. 2016. Вып. 6. С. 69–106.
14. Мыц В.Л., Адаксина С.Б. Находки золотых византийских монет из раскопок Алустана // *Stratum plus*. 1999. Вып. 6. С. 123–127.
15. Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // *Феодальная Таврика* / Отв. ред. С. Н. Бибики. Киев: Наукова думка, 1974. С. 56–94.
16. Рыжов С.Г., Седикова Л.В. Комплексы X века из раскопок квартала X «б» северного района Херсонеса // *Херсонесский сборник*. 1999. Вып. X. С. 312–329.
17. Таллис Д.Л. Поливная керамика Баклинского городища // *Советская археология*. 1976. № 4. С. 63–87.
18. Тесленко И.Б. Поливная керамика Крыма от эпохи Золотой Орды и генуэзской колонизации до Османских завоеваний: 120 лет исследований (историко-графический очерк) // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. 2016. Вып. VIII. С. 92–158.
19. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.
20. Hayes J.W. *Excavations at Sarachane in Istanbul. The pottery*. Princeton: Princeton University Press and Dumbarton Oaks Reserch Library and Collection, 1992.
21. Vroom J. *Byzantine to Modern Pottery in the Aegean: 7th to 20th Century: an Introduction and Field Guide*. Utrecht, The Netherlands: Parnassus Press, 2005.

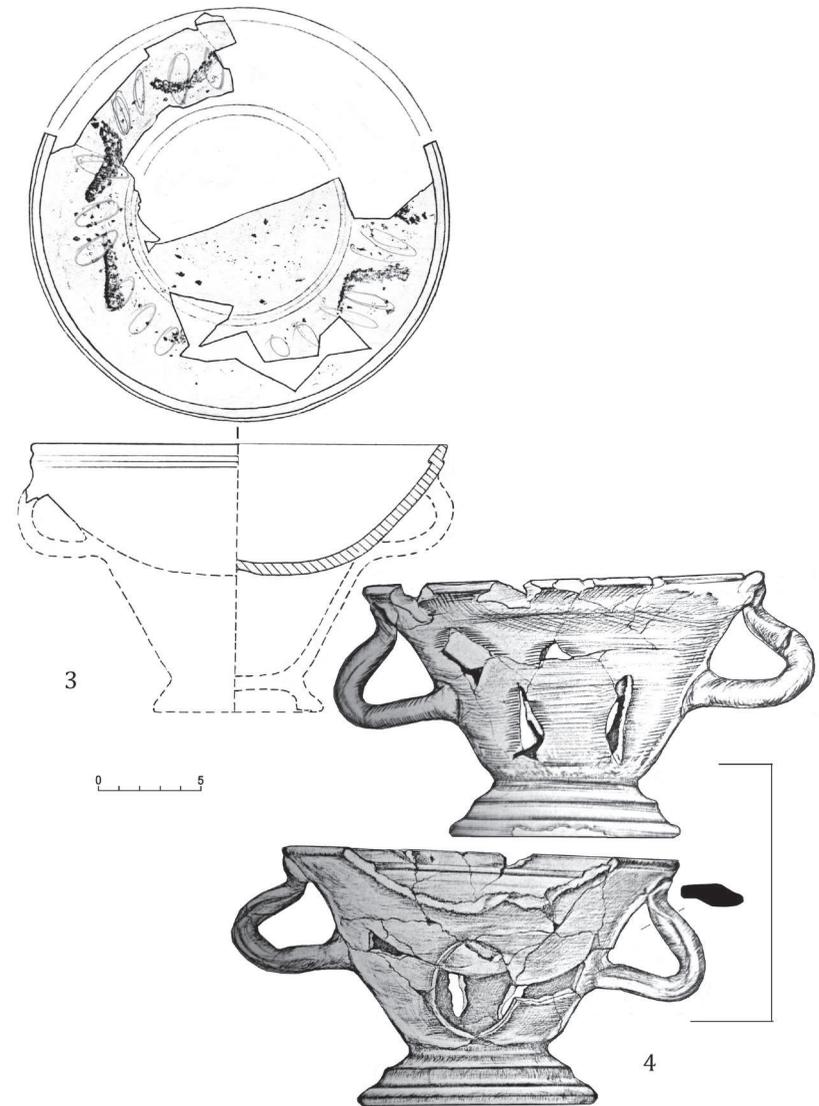

Рис. 1. Чаши для подогрева пищи или жаровни (*chafing-dishes*).
3 – цитадель, культурный слой X в., раскопки В. Л. Мыца 1985 г. [по: Мыц 1985, рис. 37]; 4 – строение VI, между цитаделью и внешней крепостной стеной, раскопки В. Л. Мыца 1984 г. [по: Мыц 1984, рис. 13; 14]

Э. А. Хайрединова

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Линзовидные подвески VI — первой половины VII в. в costume крымских готв

В эпоху раннего средневековья на территории Северной Италии, Болгарии, Юго-Западного Крыма и Малой Азии бытовали небольшие подвески линзовидной формы, выполненные из золота или бронзы. Судя по находкам из погребений могильника у с. Лучистое, в VI — первой половине VII в. такие подвески были популярным украшением у представительниц готв-аланской общины, жившей у подножья горы Демерджи.

Подвески состоят из двух спаянных выпуклых половинок и пластинчатой петельки для подвешивания. По материалу и способу изготовления они представлены двумя вариантами. К варианту 1 отнесены подвески с припаянной к верху петелькой из рифленой узкой пластины, выполненные из золота 750° пробы (цветная вклейка, рис. 1,3). Внутри они заполнены светло-желтой пастой. Вес подвесок от 0,67 до 0,9 г; диаметр 1,2 см; высота вместе с петелькой для подвешивания 1,6 см. В центре подвесок напаяно цилиндрическое гнездо диаметром 0,4 см. На одной подвеске в гнезде сохранилась полусферическая вставка из красного камня. Вставки остальных подвесок утрачены в древности, а стенки гнезд погнуты или спилены до основания. Гнездом с каменной вставкой прикрывалось технологическое отверстие, через которое полая подвеска заполнялась светло-желтой пастой, придававшей прочность всему изделию, спаянному из двух выпуклых тонких пластинчатых деталей. При небольшом количестве затраченного золота — на изготовление каждой подвески было использовано от 0,49 до 0,63 г металла, получалось довольно массивное на вид украшение. В такой же технике выполнены золотые серьги с многогранником, бытовавшие в Юго-Западном Крыму во второй половине VI—VII в. [Хайрединова 2013, с. 195]. Этот способ изготовления полых золотых украшений известен с эпохи эллинизма; расплавленной серой заполняли полые золотые украшения римские ювелиры, а позже — и византийские [Ogden 1982, p. 40].

Аналогичные золотые подвески найдены в Северной Италии — в составе клада середины VI в. из Реджо Эмилии, принадлежавшего семье остготского вельможи [Bierbrauer 1994, p. 204, fig. III,87, Cat. Nr. III.28.n-o;

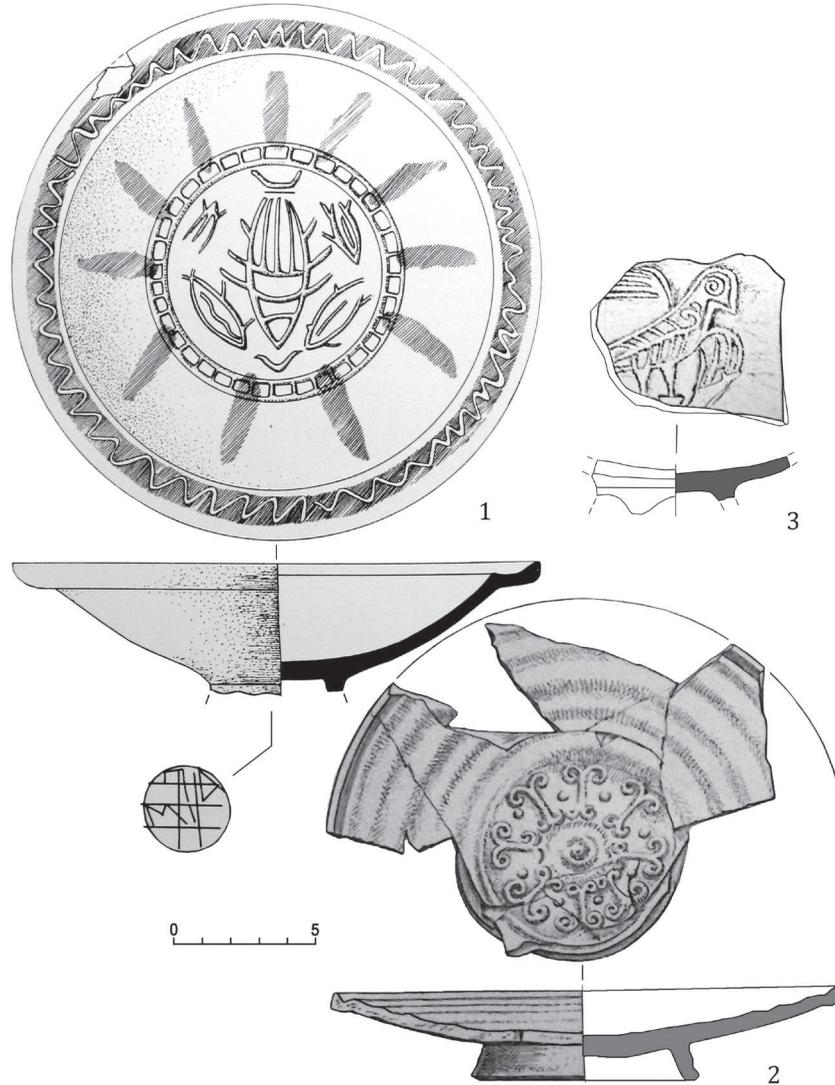

Рис. 2. Сосуды открытой формы разных типов.

1, 3 — строение 78 с внешней стороны оборонительной стены X в., раскопки В. Л. Мыца 1988 г. [1 — по: Адаксина 1994, рис. 1; 3 — по: Мыц 1988, рис. 135,2]; 2 — цитадель, культурный слой X в., раскопки В. Л. Мыца 1985 г. [по: Мыц 1985, рис. 48,1]

Baldini Lipolis, Gil 2010, fig. 4], в Северо-Восточной Болгарии — в одном из погребений готской женщины второй половины V — VI в. из базилики в с. Хан Крум [Балабанов 2006, с. 72, обр. 21,2] и на юго-западе Малой Азии — в Сардах, в слоях византийского времени [Waldbaum 1983, p. 134—135, Cat. Nr. 884—885, pl. 50,884,885].

Линзовидные подвески варианта 2 сделаны из бронзы. Они спаяны из двух выпуклых половинок. Петелька для подвешивания сделана из узкой пластины или проволоки, концы которой укреплены внутри подвески (цветная вклейка, рис. 1,1,2,4—6). Диаметр подвесок 1,2—1,4 см. На лицевой стороне подвески из склепа 131 напаяно цилиндрическое гнездо с полусферической вставкой из желтого прозрачного стекла (цветная вклейка, рис. 1,6). Обычно они плохо сохраняются. Среди фрагментов нескольких подвесок выявлены мелкие фрагменты текстиля. Однако трудно определить, происходят они из заполнения подвески, или являются отпечатками ткани платья, поверх которого подвески носились в ожерелье. Подобные бронзовые подвески, украшенные на лицевой стороне стилизованным изображением личины, найдены в кладе VI в. из крепости у с. Белчин в Западной Болгарии [Хаджиангелов 2011, с. 153—157].

В шестнадцати погребениях из могильника у с. Лучистое линзовидные подвески выявлены *in situ*. В двенадцати случаях они находились в погребениях женщин (в двух случаях возраст погребенных определен как 30—35 и 35-40 лет), в четырех — подвески лежали на детских скелетах (возраст 8—9 лет). В пяти женских захоронениях подвески сопровождалась большой пряжкой — орлиноголовой или с прямоугольным щитком. В ожерельях линзовидные подвески носили по одной (цветная вклейка рис. 1,2,4-6), по две (цветная вклейка рис. 2,2), либо набором из шести или девяти экземпляров (цветная вклейка рис. 1,1,3; 2,1).

Подвески линзовидной формы являются одной из поздних разновидностей римских булл — полых медальонов, состоящих из двух выпуклых металлических пластинок, соединенных по краям, с широкой пластинчатой петлей для подвешивания. Они хорошо известны по многочисленным археологическим находкам и иконографическим материалам, а также по упоминаниям в сочинениях древних авторов. У римлян золотая булла изначально была знаком отличия сыновей сенаторов и эквитов (всадников). Постепенно право ношения буллы распространилось на всех сыновей свободных граждан, а позже — и на детей вольноотпущенников. Не принадлежащие к элите дети носили буллы из бронзы или кожи. При достижении совершеннолетия, на семнадцатом году, дети снимали буллу и посвящали ее домашним богам Ларам или Геркулесу [Saglio 1873, p. 767; Naak 2007, с. 66].

В I — начале V в. н.э. буллы получили широкое распространение по всему римскому миру, о чем свидетельствуют их находки на территории Португалии, юго-восточной Франции, Бельгии, Британии, Египта

и Малой Азии. Особой популярностью буллы пользовались в провинциях Подунавья — на территории одной только Паннонии их выявлено более семидесяти [Feugère 1993, p. 150; Migotti 2007]. Судя по находкам из некрополя Херсонеса, в римское время золотые и бронзовые буллы пользовались популярностью у жителей города. Украшения, повторяющие по форме буллы, существовали и в ранневизантийское время, о чем свидетельствуют их находки в Анемуре, Сардах [Russell 1982, fig. 5,41] и на аварских памятниках [Garam 2001, S. 49—51, Taf. 29,1—3].

В римское время, судя по находкам в некрополях Паннонии, буллы носили женщины и дети на шее, на одной нити с бусами [Vágó, Bóna 1976, Taf. 9,165/1; 18,1109/2]. В Херсонесе буллы найдены укрепленными на шейных гривнах.

Булла была не только знаком отличия, но иместилищем для амулетов. В Италии, в одном из детских погребений VI в. до н.э. найдена булла, заполненная мелкими белыми камешками, которые, вероятно, производили шум на манер колокольчика [Dasen 2003, p. 285]. В некрополе Апта Юлия (современный Апт), на юго-востоке Франции, в погребении годовалого ребенка золотая булла диаметром 1,0 см найдена в наборе с амулетом от дурного глаза [Dumoulin 1958, p. 217—219, fig. 23; 25]. Макробий сообщает о том, что внутрь буллы заключали средства, считавшиеся действенными против дурного глаза [Макробий 2013, с. 25, I.6.9].

Внутри одной из небольших золотых булл первой половины II в., происходящей из Александрии, была помещена тонкая серебряная пластинка размером 6,4х3,4 см, согнутая несколько раз [Froehner 1869, p. 217—231]. На ней процарапано заклинание на греческом языке, вызывающее к Соломону о защите от демонов температуры, эпилепсии и бешенства, ангины, а также служащее защитным средством от любого яда, дурного глаза и даже от рецидива болезни [Froehner 1869, p. 221—222].

Марцелл Эмпирик, медик и фармаколог времен императора Феодосия I, практикующий врач, о чем свидетельствует его прозвище «Эмпирик», рекомендовал для предотвращения болезней глаз носить на шее буллу с помещенными внутрь глазами зеленой ящерицы, предварительно аккуратно удаленными у животного медной иглой [Dasen 2003, p. 285]. Внутри происходящих из Паннонии булл IV—V вв. часто находят остатки растений или ткани, а иногда — растения, завернутые в ткань. В двух случаях удалось определить растения — это оказались кориандр и цветки львиного зева (*antirrhinum maius*) [Szilágyi 2005; Migotti 2007, p. 199—204].

Возможно и жительницы Юго-Западного Крыма использовали линзовидные подвески — буллы не только в качестве украшения, но и для защиты от дурного глаза и различных болезней.

Литература

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь, Керчь: АДЕФ-Украина, 2008. 336 с.
2. Балабанов Т. Готски епископски център от IV—VI в. до с. Хан Крум, Шуменско // Goterna. Current aspects of the gothic historical and cultural Heritage in Bulgaria / Ed. R. Milev. Sofia: Balkan Media, 2006. P. 71—77.
3. Макробий Феодосий. Сатурналии / Пер. с лат. и древнегреч. В.Т. Звиревича; Ред. М.С. Петрова. М.: Кругъ, 2013. 810 с.
4. Хайрединова Э.А. Бронзовые серьги с полым многогранником из могильника у с. Лучистое // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2013. Вып. XVIII. С. 187—216.
5. Хаджиангелов В. Раннохристиянски и железодобивен център в Самоковската котловина // Goterna III. New Studies on Gothic Cultural and Historical Heritage in the Bulgarian Lands (2007—2010) / Ed. R. Milev. Sofia: Balkan Media, 2011. P. 153—159.
6. Baldini Lipolis I., Gil J.P. Osservazioni sul Tesoro di Reggio Emilia // Ipsam Nolam barbari vastaverunt. L'Italia e il Mediterraneo occidentale tra il V secolo e la metà del VI. Atti del Convegno internazionale di studi / Eds. C. Ebanista, M. Rotili. Cimitile: Tavolario edizione, 2010. P. 113—128.
7. Bierbrauer V. Archeologia degli Ostrogoti in Italia // I Goti. Milano: Electa, 1994. P. 170—213.
8. Dassen V. Les amulettes d'enfants dans le monde gréco-romain // Latomus. 2003. T. 62, Fasc. 2 (avril — juin). P. 275—289.
9. Dumoulin A. Recherches archéologiques dans la région d'Apt (Vaucluse) // Gallia. 1958. T. 16, fasc. 1. P. 197—241.
10. Froehner W. Sur une amulette basilidienne inédite du Musée Napoléon III // Bulletin de la Société des antiquaires de Normandie. 1869. T. V.
11. Feugère M. L'évolution du mobilier non céramique dans les sépultures antiques de Gaule méridionale (II siècle av. J.-C. — début du V siècle ap. J.-C.) // Archäologische Schriften des Instituts für Vor- und Frühgeschichte der Johannes Gutenberg-Universität Mainz. 1993. Bd. 3. S. 119—165.
12. Garam È. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. zum Ende des 7. Jahrhunderts. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2001. 432 S. (Monumenta Avarorum Archaeologica 5).
13. Haak M.-L. Boules et bulles. Un exemple de transfert culturel // Dialogue d'histoire ancienne. 2007. Vol. 33, n 2. P. 57—67.
14. Migotti B. Rimska bula u Panoniji // Vjesnik Arheološkogo muzeja u Zagrebu. 2007. Vol. XL. P. 187—219.
15. Ogden J. Jewellery of the Ancient World. London: Trefoil Books, 1982. 185 p.
16. Russell J. Byzantine Instrumenta Domestica from Anemurium: the significance of context // City, Town and countryside in the Early Byzantine Era / Ed. R.L. Hohlfelder. New York: Columbia University press, 1982. P. 133—164.
17. Saglio E. Bulla // Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments, sous la direction de Ch. Daremberg, E. Saglio. T. I. Paris, 1873. 756 p.
18. Szilágyi M. Késő császárkori bullák és amulettkapzulák az Aquincumi múzeumban // Budapest Régiségei. 2005. Vol. XXXIX. P. 151—171.
19. Vágó E.B., Bóna I. Die Gräberfelder von Intercisa des Spätromische Südostriedhof. Budapest: Akadémiai Koadó, 1976. 243 S.
20. Waldbaum J.C. Metalwork from Sardis. London, Cambridge, 1983. 216 p.

И. Н. Храпунов

Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Через границу. Из Дружного в Лучистое

Попытка структурировать историю, делить ее на ряд периодов всегда ведет к грубым упрощениям, однако, эти упрощения могут служить стрелками, указывающими на существенные моменты.

Карл Ясперс. Философия истории

Могильники Дружное и Лучистое относятся к разным, но смежным периодам крымской истории. Первый — к позднеимскому, второй — к раннесредневековому. Оба памятника раскопаны и опубликованы лучше других синхронных и потому могут использоваться в качестве эталонных при сравнении представленных ими археологических культур.

Дружное и Лучистое разделяет Главная гряда Крымских гор. По ней можно провести географическую границу. Хронологическая граница проходит приблизительно по началу V в. н. э. и отделяет один от другого исторические периоды, к которым относятся могильники. Некрополи принадлежат разным археологическим культурам, так что очевидна разделяющая их граница культурная. И, наконец, можно говорить о ментальной границе, т. к. одни исследователи, как правило, ограничиваются изучением древностей римского времени, а другие интересуются средневековыми (но не более ранними) памятниками. Единственный, пожалуй, археолог, для которого ментальной границы не существует, это наш юбиляр, одинаково успешно занимающийся изучением памятников позднеимского и раннесредневекового времени.

Общепризнанная в настоящее время гипотеза о причинах прекращения использования могильников позднеимского времени и возникновения раннесредневековых может быть сформулирована следующим образом. В связи с гуннской угрозой или в результате гуннского нашествия население, оставившее могильники типа Дружного, перемещается на новые места, где возникают могильники типа Лучистого [Айбабин 1999, с. 225; Айбабин, Хайрединова 1998, с. 309; Айбабин, Хайрединова 2017, с. 104].

Эта гипотеза имеет весьма твердые археологические основания. В обоих могильниках большая часть погребений совершалась в склепах

(рис. 1; 2). Погребальные камеры и ведущие в них дромосы имеют аналогичную планировку (о входных ямах ничего определенного сказать нельзя, т. к. в Лучистом они не раскапывались). Не отличаются и типы погребальных сооружений (склепы, подбойные и грунтовые могилы), из которых состояли могильники. Одинаковы позы погребенных. Лепная керамика, если говорить в целом, неотличима и по формам, и по характеру обработки поверхности, и по цвету, а часто и по орнаментации (глину и примеси к ней нужно сравнивать специально, чего никто еще не сделал).

Однотипны короткие мечи или кинжалы с вырезами у пяты клинка, но особенно важно отметить, что в склепе 55 в Лучистом меч лежал у черепа погребенного, как во всех случаях в Дружном.

Есть еще одно важное обстоятельство. Ни с могильниками типа Дружного, ни с могильниками типа Лучистого не связаны поселения, что, вероятно, свидетельствует об однотипности хозяйства оставившего их населения. Правда, описать этот хозяйственно-культурный тип не представляется возможным.

Хронологию могильников можно рассматривать одновременно и как элемент сходства, и как элемент различия. Очевидно, что могильник Дружное использовался раньше, чем могильник Лучистое. Однако прекращение использования первого из них, с точки зрения археолога, приходится на то же время, что и возникновение второго, а именно, на конец IV — начало V в. н. э. или на период D1 по европейской хронологической схеме.

Несмотря на очевидные черты сходства, между могильниками имеются и различия.

Так, размеры погребальных камер в Лучистом меньше, чем в Дружном. Меньше и количество погребенных в одном склепе. С последним обстоятельством, возможно, связано и меньшее количество сосудов, которые вместе с погребенным опускали в могилу. Все же нельзя не отметить, что в Лучистом таких сосудов находят до 10 в склепе, а в Дружном — иногда более 50 (ср. рис. 1 и 2). Удивительно, но в публикациях не отмечены находки костей животных и яичной скорлупы в склепах Лучистого. Если их действительно нет, то налицо резкое отличие от Дружного, где кости животных и яичная скорлупа являются постоянным атрибутом склепов IV в. н. э.

Сравнение массовых категорий погребального инвентаря (краснолаковые и стеклянные сосуды, пряжки, фибулы и др.) показывает следующее. Некоторые их типы из Лучистого и Дружного тождественны, но гораздо больше таких, что отличают один могильник от другого. Собственно это и дает основание проводить культурную и хронологическую границу между двумя памятниками.

Оставаясь в рамках общепризнанной и единственной внятной гипотезы, мы должны признать, что люди из окрестностей современно-

го села Дружное пересекли географическую границу, обозначенную Главной грядой Крымских гор, и переселились в окрестности современного села Лучистое. При этом они провели виртуальную границу, отделяющую один исторический период от другого, в умах историков и археологов.

Нам осталось только объяснить, каким образом им удалось преодолеть расстояние примерно 20 км, если считать по прямой¹, приобрести множество новой краснолаковой и стеклянной посуды, длинные мечи с бронзовыми перекрестиями, украшения, переодеться, судя по пряжкам и фибулам, в новое платье, да еще и подкорректировать погребальные обряды.

Литература

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
2. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1998. Вып. VI. С. 274–311.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Новые ранние комплексы из могильника у села Лучистое в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2001. Вып. VIII. С. 74–90.
4. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антика, 2017. 368 с.
5. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III – IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skladowskiej, 2002. 313 с.

¹ Дружное и Лучистое это, конечно, всего лишь символы. Миграции происходили и из других мест, и в другие места, где возникали новые могильники. Тем не менее, их начальные и конечные пункты всегда разделяли небольшие расстояния.

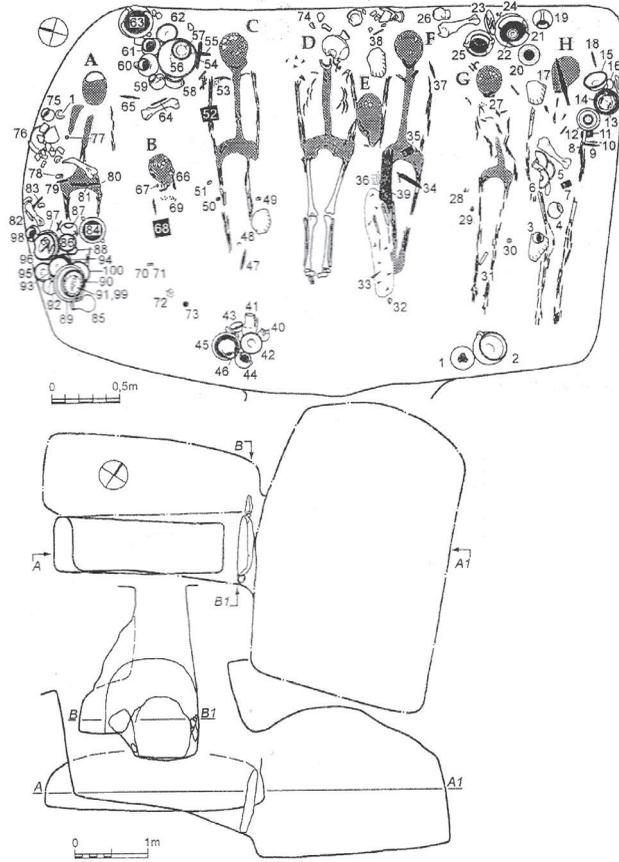

Рис. 1. Могильник Дружное. Склеп № 58.

План погребальной камеры, план и разрезы склепа.

1, 5, 6, 12, 13, 19, 23, 38, 56, 74, 75, 86, 89, 97 — сосуды краснолаковые;
2-4, 14-16, 20-22, 25, 26, 32, 40-46, 57-63, 75, 76, 84, 85, 87, 88, 90, 92-96,
98 — сосуды лепные; 7, 11, 39, 78, 81 — пряжки бронзовые; 8, 18, 34, 37, 47,
55, 64, 65, 80, 83, 91 — ножи железные; 9, 31 — предметов железных
фрагменты; 10, 33, 79 — шилья железные; 17, 66, 99 — наконечники
копий железные; 24, 28, 48, 67, 70, 71, 77 — кольца бронзовые;
27, 36, 53, 69, 72 — бусы; 29, 30, 49-51, 73 — пряслица керамические;
35 — пряжка серебряная; 52 — скопление предметов (бляшка бронзовая,
подвеска стеклянная в виде топорика, бусы, подвеска бронзовая);
68 — скопление предметов (подвеска бронзовая в виде топорика,
наконечник стрелы бронзовый, бусы) [по: Храпунов 2002, рис. 42]

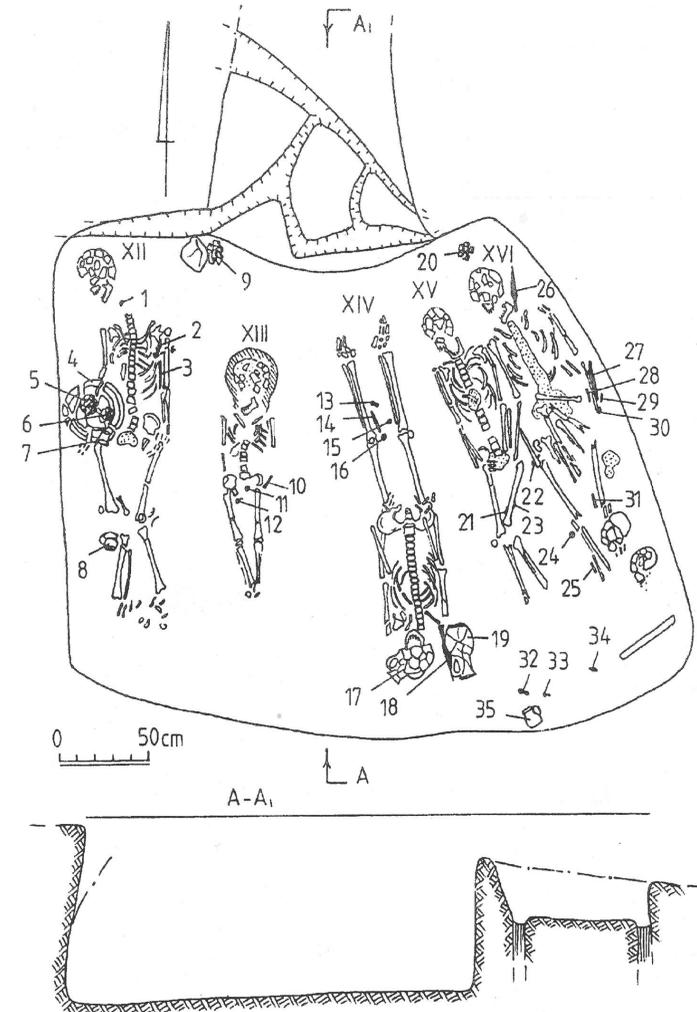

Рис. 2. Могильник Лучистое. Склеп № 100, нижний слой. План и разрез.

1 — серьга бронзовая; 2 — фибула и подвески бронзовые; 3, 10, 14,
27, 28, 31 — ножи железные; 4 — блюдо краснолаковое; 5, 6, 8, 9, 17,
19, 20, 35 — сосуды лепные; 7 — стакан стеклянный;
11, 24 — пряжки бронзовые; 12, 23, 30, 32-34 — пряжки серебряные;
13 — астрагал; 15, 16 — пряжки железные; 18, 26 — наконечники копий
железные; 21 — изделие железное; 22, 25 — наконечники ремней серебряные;
29 — бляшки поясные серебряные [по: Айбабин, Хайрединова 2001, рис. 4]

Н. И. Храпунов

Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

О похождениях спутников Екатерины II в 1787 г.¹

Среди малоизученных аспектов южного путешествия императрицы Екатерины II – история амурных приключений ее спутников. Крым представлялся деятелям Просвещения частью Востока, в котором действуют иные этические нормы. Неудивительно, что здесь они искали чувственных удовольствий. Изучение этих походов раскрывает одну из граней образа Крыма, созданного записками иностранных путешественников, и добавляет неожиданные черты к портретам выдающихся деятелей эпохи.

Приглашая в поездку знаменитого военного, придворного и остролова принца Шарля де Линя, Екатерина II пообещала ему подарить поместье, расположенное там, «где Ифигения служила в храме Дианы в Тавриде» [Ligne 2013, p. 138–139, 145]. Ифигения – персонаж античной мифологии, бывшая жрицей богини Артемиды (Дианы) в дальней северной стране тавров. К этому сюжету не раз обращались западноевропейские поэты и музыканты Нового времени. Де Линь обыграл слова императрицы как намек на свое всем известное женолюбие, заметив, что подарок был сделан «в угоду склонности моей к Ифигениям» [Lettres... 1809, p. 69], но забыв, что жрицы Артемиды давали обет безбрачия. В имени на южном берегу Крыма де Линь предавался мечтаньям, в которых античные мотивы смешивались с воспоминаниями об арабских сказках. Не удивительно, что воспоминаниям о поездке в волшебную страну он придал форму писем к одной из своих возлюбленных – маркизе Луизе де Куаньи [Lettres... 1809, p. 37–92].

У современников и потомков австрийский император Иосиф II пользовался репутацией сухаря и зануды, ведь он, по словам де Линя, «не имел ни капли чувства юмора и не читал ничего, кроме официальных бумаг» [цит. по: Себаг-Монтефиоре 2003, с. 222]. Однако оказавшись в России, он дал волю чувствам, которые прежде тщательно скрывал. Однажды, еще на Днепре, случился скандал: путешествовавший под именем графа Фалькенштейна император «приласкал, так сказать,

несколько больше, чем за подбородок» крепостную девушку. Ее хозяину это не понравилось, и он девицу поколотил, а «графа Фалькенштейна» обложил бранью. Но больше всего Иосиф II боялся скандала, который разразился бы, если бы дело дошло до Екатерины II. Де Линь решил проблему, утешив девицу и напугав ее хозяина своим генеральским мундиром и выученными в России словами «Durack» и «Jébénamath» [Ligne 1927, p. 243–244].

Эта история не успокоила Иосифа II. Уже после возвращения из поездки в канцелярию наместника Юга России Григория Александровича Потемкина поступил запрос. Будучи в Старом Крыму, граф Фалькенштейн оставил 300 червонцев некому подпоручику Цирули, чтобы тот «купил за Кубанью одну черкесскую красавицу». Возник вопрос, следовало ли выполнять это поручение, а главное – куда потом везти девицу? [Донесение... 1883, с. 268]. Заметим, что на родине Иосиф II пользовался репутацией аскета и сквалыги. Однажды, недовольный тем, что жители Вены излишне тратятся на похороны, он попытался заставить их пользоваться многообразным гробом собственного изобретения. Зато на покупку прекрасной черкешенки он денег не пожалел. Приобретение экзотических рабов было вполне во вкусе деятелей эпохи Просвещения. Так, Потемкин предложил в дар французскому послу графу Луи де Сегюру юную черкешенку, которую тот случайно встретил в Феодосии и был поражен ее сходством со своей супругой. Ловкий дипломат благоразумно отказался от этого щедрого предложения, ведь «такое проявление чувств покажется весьма странным мадам де Сегюр». Тогда Потемкин подарил французскому мальчику-калмыку [Séjour 1827, p. 230–232].

Мысли об оставшейся во Франции супруге не удержали Сегюра от другого приключения. Фантазии путешественников распалил ханский дворец Бахчисарая, заставивший их вспомнить сказки «Тысячи и одной ночи». По словам французского «вполне естественно, что сам вид и воздух этих кабинетов сладострастия пробудил мысли о любовных приключениях». Де Линь уговорил Сегюра тайно взглянуть на крымских татарок, обычно скрытых покрывалами. Это удалось сделать на опушке леса, где татарские дамы умывались у ручья. «Но, увы, какое разочарование! Среди них не было ни хорошеньких, ни молодых, ни даже сносных». К тому же соглядатаев обнаружили, и они едва не стали жертвами гнева татарских мужчин [Séjour 1827, p. 214–216].

Сжалившись над своими спутниками, Екатерина II позволила им укрыться за ширмой, когда она принимала родственницу последнего хана в Карасубазаре (Белогорске). Де Линь был покорен восточной красавицей – или украшавшими ее бесчисленными бриллиантами [Lettres... 1809, p. 82]. 46-летний же Иосиф II счел 30-летнюю даму чересчур старой. «Я бы отдал предпочтение одной из ее спутниц, очень красивой девушке», – писал он. Император решил, что прекрасная служанка «не побрезговала бы» благосклонностью христиан, если бы не ретроградные

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5763.2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

религиозные запреты [Joseph II... 1869, S. 371–372]. Эта история, конечно, говорит о самих «цивилизованных европейцах». В эпоху Просвещения флирт полагали одним из тех свойств человека прогрессивного, который отличает его от варваров и дикарей. Не случайно де Линь сожалел о том, что «грубым магометанам» не знакома песня его друга Сегюра «о счастье быть обманутым женой» [Lettres... 1809, p. 58].

По-другому выглядели нравы караимов. В письме Иосифа II к фельдмаршалу Францу фон Ласси имеется фантастическая история о том, что жители Чуфут-Кале были «обязаны довольствоваться одной» женой, «пока она не подурнеет и пока зрение жены не ухудшится; только в двух этих случаях им разрешается жениться на другой». Над императором, разумеется, подшутили; но это не помешало ему сделать следующий вывод: «Будь такой закон введен в Вене, посмотрели бы мы, сколько женщин надели бы очки, дабы избавиться от своих мужей» [Joseph II... 1869, S. 362].

Чрезвычайно популярные записки спутников российской императрицы создавали образ Крыма, места романтического и привлекательного, где сказки становятся былью и возможны самые невероятные приключения [см.: Храпунов 2017]. Общественное мнение готово было принять на веру многое из того, что сегодня кажется нам откровенным вымыслом. Известно, что Пушкин внимательно читал мемуары Сегюра и де Линя [Dickinson 2002, p. 18]. Быть может, описывая в «Бахчисарайском фонтане» страсти в ханском гареме, он вспоминал рассказы спутников Екатерины II.

Литература

1. Донесение генерала М. В. Коховского для доклада князю Г. А. Потемкину-Таврическому // Записки Одесского общества истории и древностей. 1883. Т. XIII. С. 268.
2. *Себаг Монтефиоре* С. Потемкин / пер. с англ. Н. Сперанская, С. Панов. М.: Вагриус, 2003. 558 с.
3. Храпунов Н.И. «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»: образы Тавриды в сочинениях путешественников // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 289–304.
4. Dickinson S. Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 3. No. 1. P. 3–25.
5. Joseph II und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel / Hrsg. A. von Arneth. Wien: Wilhelm Braumüller, 1869. 393 S.
6. *Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne*. Paris; Genève: J. J. Pachoud, 1809. 336 p.
7. *Ligne Ch.-J. de*. Fragments de l'histoire de ma vie. T. I / Ed. F. Leuridant. Paris: Plon, 1927. 324 p.
8. *Ligne Ch.-J. de*. Correspondances russes / Ed. A. Stroeve, J. Vercruyse. Paris: Honoré Champion, 2013. 1022 p.
9. *Ségur [L.-Ph.] de*. Mémoires ou souvenirs at anecdotes. 3me éd. T. 3. Bruxelles: X. Renaudière, 1827. 680 p.

Усадьба рыбака в ранневизантийском Боспоре

Рис. 6. Помещение 1, слой разрушения с критской амфорой типа Зеест 98 или TRC 6

Рис. 7. Святильник с изображением меноры из слоя разрушения в Помещении 1

Рис. 8. Печь в Помещении 1

А. И. Айбабин

Усадьба рыбака в ранневизантийском Боспоре

Рис. 9. Керчь, раскопки 2007 г.
в Босфорском переулке. Амфоры типа TRC 4

А. Г. Герцен, А. А. Душенко, В. Л. Руев

Вновь открытые наскальные рисунки
на городище Кызык-Кулак-кая

Рис. 1

Рис. 2

А. Г. Герцен, А. А. Душенко, В. Л. Руев

Вновь открытые наскальные рисунки
на городище Кызык-Кулак-кая

Рис. 3

Рис. 4

А. А. Душенко, А. Ю. Манаев

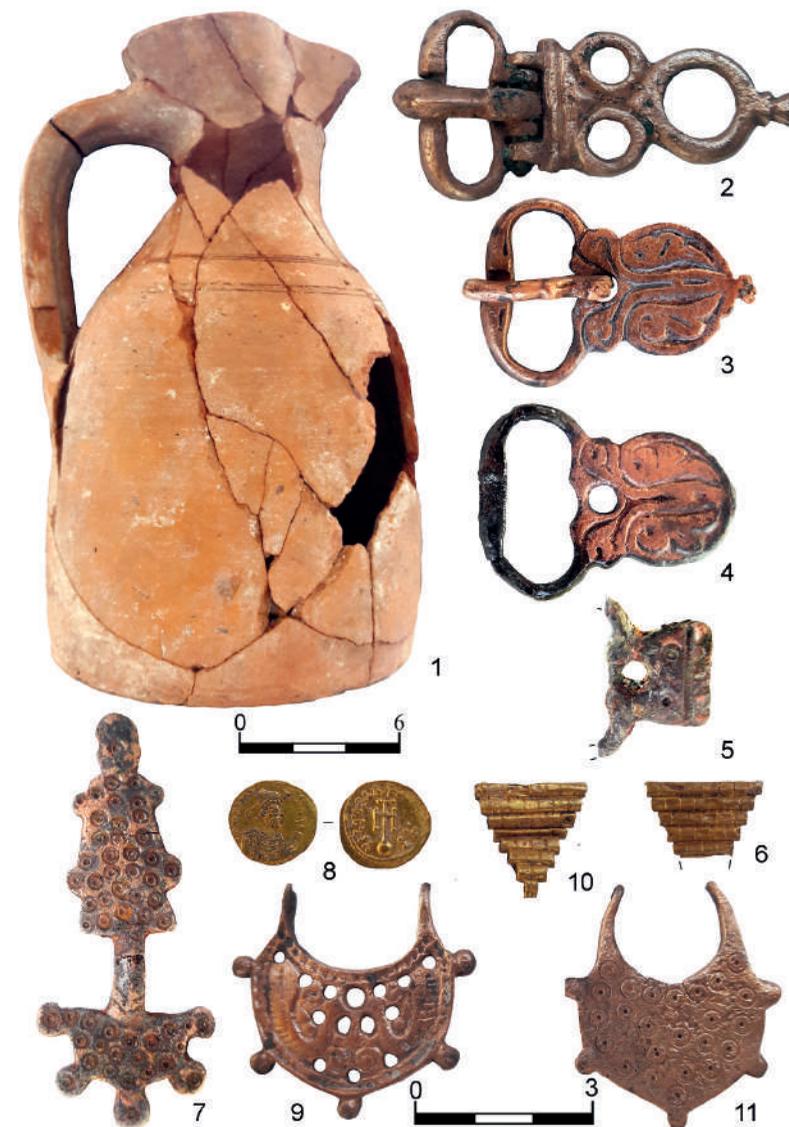
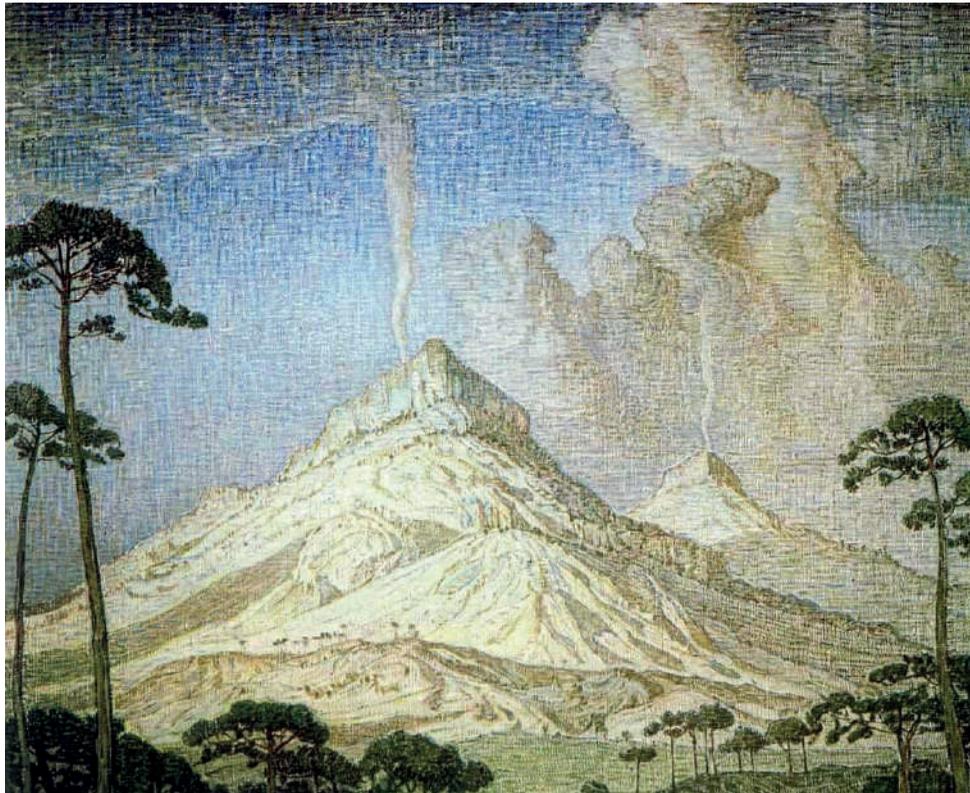
Предварительные результаты археологического
исследования Верхореченского могильника в 2018 г.Рис. 2. Находки из Верхореченского могильника: 1, 5, 7, 8 – склеп № 3;
2 – склеп № 15; 3, 4 – склеп № 2; 6 – склеп № 12; 10, 11 – склеп № 21

Рис. 1. Богаевский К. Ф. «Последние лучи». 1903 г. Холст, масло. 102x138.
Севастопольский художественный музей им. М. П. Крошицкого,
инв. № Ж-412

Рис. 2. Богаевский К. Ф. «Южная страна. Пещерный город». 1908 г.
Холст, масло. 142x178. Севастопольский художественный
музей им. М. П. Крошицкого, инв. № Ж-436

*Рис. 3. Богаевский К. Ф. «Жертвенники». 1907 г.
Холст, масло. 143,5x168,5. Ярославский художественный музей*

Рис. 1. Грунтовый могильник Горзувиты. 2018 г. Погребение 16

Рис. 2. Грунтовый могильник Горзувиты. 2018 г. Погребение 12

О погребальных конструкциях
средневекового могильника Горзувиты

Рис. 3. Грунтовый могильник Горзувиты. 2018 г.
Погребение 15, южная и западные стены могилы

Рис. 4. Грунтовый могильник Горзувиты. 2018 г. Погребение 19

Алуштинское городище в X–XI вв.
Анализ археологических источников: поливная керамика

Рис. 3. Чаши для подогрева пищи или жаровни (*chafing-dishes*).
1 – цитадель, строение 100, раскопки В. Л. Мыца, С. Б. Адаксиной 1991 г.
(фото С. Й. Ваксман); 2 – строение VI, между цитаделью и внешней
крепостной стеной, раскопки В. Л. Мыца 1984 г. (2 – фото автора)

Алуштинское городище в X–XI вв.
Анализ археологических источников: поливная керамика

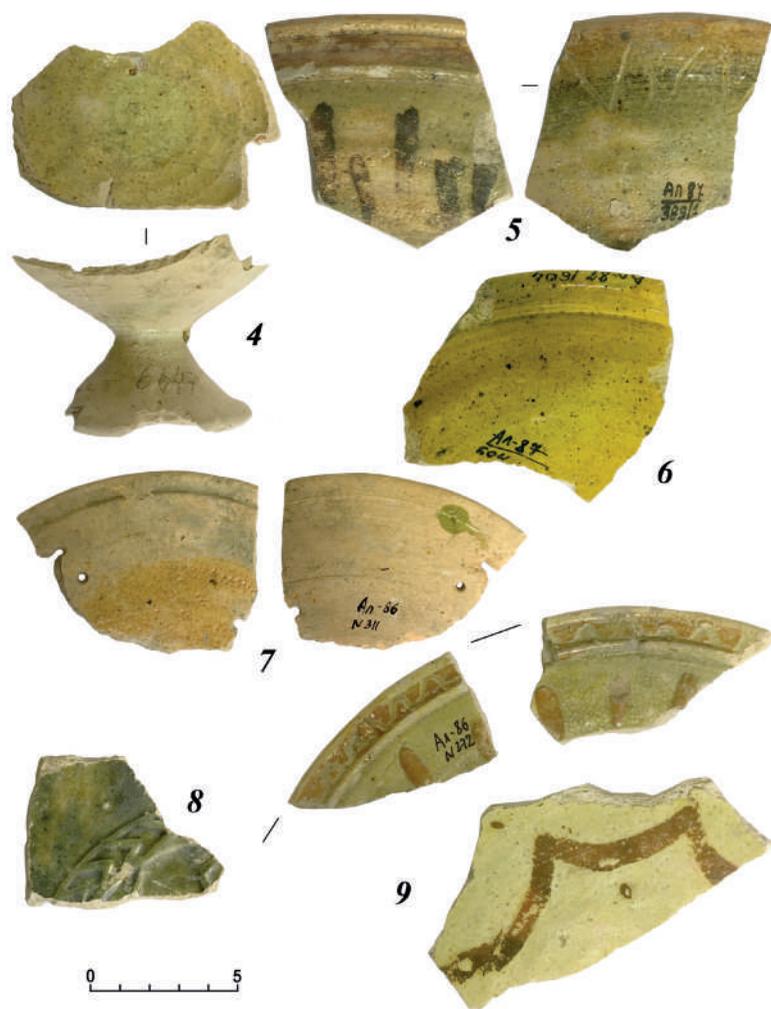

Рис. 4. Сосуды открытой формы разных типов.

4, 5 – цитадель, раскопки В. Л. Мыца 1987 г., заполнение строений XIII в., примесь снизу; 6 – зольник, раскопки В. Л. Мыца 1987 г.; 7, 9 – зольник, раскопки В. Л. Мыца 1986 г.; 8 – цитадель, контекст не ясен, раскопки В. Л. Мыца 1985 г. (фото автора)

Линзовидные подвески
VI – первой половины VII в. в костюме крымских готов

Рис. 1. Реконструкция ожерелья с линзовидными подвесками из могильника у с. Лучистое. 1 – склеп 79, костяк 1; 2 – склеп 77, костяк 3; 3 – склеп 122а, костяк 22; 4 – склеп 64, костяк 1; 5 – склеп 43, костяк 7; 6 – склеп 131, костяк 4. (Реконструкция и рисунок автора)

Линзовидные подвески
VI – первой половины VII в. в костюме крымских готов

Рис. 2. Реконструкция женского костюма по материалам могильника у с. Лучистое. 1 – склеп 79, костяк 1; 2 – склеп 102, костяк 2.
(Реконструкция и рисунок автора)

Первые монеты золотоордынского Крыма:
сёгун Тука Тимур

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА

Материалы международной
научной конференции,
посвященной 70-летию
Александра Ильича Айбабина

Редактор-составитель
ХАЙРЕДИНОВА Эльзара Айдеровна

Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка и дизайн *В. А. Бибики*

*В оформлении обложки использована репродукция
картины К. Боссоли. Алушта. Воспроизводится по:
Пейзажи и достопримечательности Крыма в рисунках Карло Боссоли:
(Альбом) / Вступ. ст. Е. Вишиневской. – Киев: «Мистецтво», 2004*

Подписано в печать 00.12.2018
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 8,6
Тираж 100 экз.

Издательство ООО «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail.ru

Типография ИП Бондаренко Н. Ю.
ИНН 920100017340
г. Севастополь, пр-кт Октябрьской революции, д. 32
Тел.: +79780677476. digitprint@gmail.com